

Кира Фарди

НЕ БУДИТЕ ИЗУВЕРА

Вы никогда не задумывались, к чему может привести одна маленькая ошибка, промах или оплошность? А если их несколько, и они следуют друг за другом? И вот уже жизнь катится под откос, по дороге захватывая все новые жертвы. Так и случилось с героями этого романа. Каждый из них совершил маленькую ошибку, которая привела к необратимым последствиям. На первый взгляд, герои не связаны друг с другом, но судьба их сводит в одно место и в одно и то же время... И вот уже кто-то погибает, другие переживают смертельный ужас, а третий — на пороге безумия из-за сжигающего его душу чувства вины. 18+

Не будите изувера
Кира Фарди

Глава 1

Чудесна летняя ночь. Легкий ветерок гонит волну, которая мягко шелестит в прибрежной траве. Луна прячется за облаком, лишь изредка показывая миру щербатый бок. И тогда можно различить силуэты деревьев, кустов и даже отдельные листья и травинки, будто покрытые серебряной краской. На волнистой глади озера среди черной воды появляется лунная дорожка. Но вот луна прячется, и темнота окутывает дальний лес и берег озера, покрывая все налетом тайны и загадки...

Рыбак расправил складной стульчик, ловко пристроил его между большими ракетами. Справа поставил ведро с водой — для рыбы, а слева разложил нехитрые снасти и наживку. Но что-то мешало мужчине... Он сел, выставил локти, чтобы оценить пространство возле себя (кусты росли совсем близко!), потом привстал и обломал мешавшие ему ветви. «Теперь — здорово», — подумал он, отнес их подальше от кромки воды, и удовлетворенно улыбнулся. Недалеко, возле затончика, расположился и его друг.

Достав из банки пучок мотылей, рыбак насадил сразу пять личинок на один крючок, на другой же пристроил жирного дождевого червя. Забросив удочки, он стал терпеливо ждать...

А вокруг кипела ночная жизнь. Пели неугомонные сверчки, заполняя до рассвета веселой трескотней пространство леса, звенели голодные комары, и томно выводили протяжное «ква-а-а» невидимые лягушки. В кустах шуршал ежик, выбравшийся на ночную охоту. На опушке ухал филин, а в озере рыба иногда взлетала над водой и с громким плеском погружалась в темную пучину.

Однако таинство ночи вовсе не трогало рыбака. Он привычно следил за удочками, но мыслями был далеко. Перед глазами то и дело возникала жуткая картина, свидетелем которой он стал пару часов назад. То, что сотворил его друг, повергло мужчину сначала в шок, а потом в состояние ступора. Он никак не ожидал от него такой мерзости и не знал теперь, что делать.

Повернув голову, мужчина посмотрел вдоль озера, где в ста метрах расположился с удочками друг. Береговая растительность и темнота скрывали его, но рыбак слышал слабый плеск удилица, которое тот вытаскивал из воды. «Как он может спокойно сидеть и получать удовольствие от рыбалки? — подумалось мужчине. — Я бы со стыда сгорел, а ему — хоть бы что! Ну ладно в молодости. Бывало, грешили. На то она и молодость, чтобы совершать ошибки. Но сейчас-то — взрослый мужик, дед... и такое! Неужели он всегда был способен на гадости? А я, идиот блаженный, ничего не замечал!».

Рыбак передернул плечами от омерзения и, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, посмотрел на подрагивающее удилице. Поплавок нырнул, на долю секунды показался на поверхности и пропал опять, погрузив в непроницаемую мглу кончик удочки. Чувство радостного ожидания удачи отодвинуло мрачные мысли. Кажется, на пучок мотылей попала крупная рыба. Мужчина еще раньше видел цепочки пузырьков, которые поднимались со дна, но не думал, что так быстро сработает наживка. Неужели лещ?

Он осторожно стал вываживать рыбу, чтобы утомить ее, но по силе сопротивления противника вдруг почувствовал, что на другом конце удилица — не менее двух килограммов! Вот-вот кончик удочки, не рассчитанной на такой вес, обломится. Мужчина быстро встал, чтобы уменьшить натяжение лески, и вошел в воду...

Возня с лещом закончилась победой рыбака. Серебристая тушка приятно оттягивала

руку. Он, пытаясь навскидку определить вес рыбы, нежно опустил ее в ведро и, довольный собой, сел на место. Азарт борьбы захватил рыбака целиком и помог забыть на время о неприятном вечернем происшествии.

— Ладно, с дружком-паразитом я разбираться буду завтра, — решил мужчина и сосредоточился на рыбалке.

Клевало здорово. Скоро компанию лещу составили блестящие плотвички, подлещики и колючие ерши. Незаметно пролетело два часа. Почувствовав голодный спазм в желудке, рыбак решил сходить к месту стоянки и сделать себе бутерброд. И время для разговора с другом, кажется, настало. Рыбалка помогла привести мысли в порядок. Но не успел он встать, как услышал за спиной треск сломанной ветки. Мужчина вздрогнул, резко вскочил, но, увидев пришедшего, опустился на стульчик, смущенно улыбнулся и воскликнул:

— Ну и дела! А...

Больше он ничего произнести не успел. Нож, неожиданно появившийся в руках гостя, с размаху вошел в горло рыбака и также легко вышел. И здесь сработал инстинкт самосохранения: мужчина из последних сил схватился за лезвие, чтобы остановить вторую атаку. Ему удалось зажать ладонью горло, другой рукой резко оттолкнуть нож и направить острие в сторону нападавшего. Однако кровь, толчками бившая из поврежденной артерии, через минуту сделала его беспомощным. Рыбак попытался закричать, но из горла вырвался едва слышный сиплый звук.

Он еще видел, как упал в траву нож. Видел, куда, потряхивая рукой, направился нападавший. Мужчина, едва удерживаясь на ногах, сделал несколько неуверенных шагов: слабое тело не повиновалось — он упал. Еще какое-то время рыбак полз по серебристой росной траве, оставляя за собой кровавый след, потом вздрогнул и замер, уткнув лицо во влажную землю зарослей камыша. Толстые стебли сомкнулись над головой и скрыли неподвижное тело от постороннего взгляда. Последнее, что уловило угасающее сознание, — сильный, идущий с озера запах рыбы.

Глава 2

Максимовы.

Этот год для Максимовых начался удачно: два важных события, которые произошли в их жизни, должны были украсить и улучшить будние дни. По крайней мере, на это члены семьи втайне надеялись!

Во-первых, они купили машину. Нет, автомобиль у них имелся: старенький «жигуленок», который больше стоял в гараже в ожидании очередного ремонта, чем бегал, чихая, по улицам. А это была... Машина! Только так, с заглавной буквы. Большая, черная, вместительная — в общем, не транспорт, а песня!

— Наша «Нефертити», — с нежностью называл кроссовер марки Инфинити Николай Максимов, отец семейства, и каждый свободный момент бегал полюбоваться удачным приобретением.

Чувства мужа понимала и жена Светлана, хотя и считала кружение Коли вокруг машины банальным желанием похвастаться. Максимовы несказанно гордились покупкой, так как несколько лет отказывали себе даже в мелочах, чтобы приобрести такое чудо техники.

Второе нежданное чудо этого лета заключалось в том, что у Светы и Николая совпали графики отпусков. Так сложилось, что четыре года они не отдыхали вместе. На семейном совете обсудили бюджет, проголосовали и решили: отправляемся к морю на машине.

— Ура! — закричали дети. — Мы едем путешествовать!

Поездку наметили на первые дни июля, но усиленно готовиться члены семьи начали уже с мая. По вечерам отец с сыном Антоном, смышленным десятилетним мальчишкой, доставали дорожные карты и прокладывали маршрут. Они искали места, где лучше остановиться на ночевку, автозаправки с дешевым бензином. Планировали запчасти, которые, понадобятся в дороге. А еще спорили по любому поводу. То и дело слышался возглас Антона:

— Папа, мне кажется, что по этой дороге ехать намного лучше.

— Почему лучше? Она же на пару сотен километров длиннее.

— А ты посмотри сюда. Видишь? — палец сына начинал быстро двигаться по разложенному на столе полотну карты. — На этой трассе населенных пунктов и автозаправок больше. Там отдохнем, перекусим или даже переночуем.

— Сын, если мы в каждом городке останавливаться будем, то до моря вряд ли доберемся: отпуск закончится, — возражал отец.

— Папа, мы же в путешествие едем. Подумаешь, будем ехать чуть дольше... Зато сколько интересного посмотрим! — горячился Антон.

— Знаешь, а ты молодец. Извини. Я рассуждаю как практичный взрослый. Мы же в отпуске.

Света любовалась их склоненными над картами одинаковыми вихрастыми головами и радовалась, что у отца и сына есть общие заботы, которые помогают им стать еще ближе.

Светлана же выполняла свою часть подготовки к поездке: проверяла летние вещи, выбрасывала старые, покупала новые, составляла список продуктов, необходимых в дороге. Она сходила к соседям и одолжила вместительную палатку и спальные мешки: отдыхать на свежем воздухе полезно, и главное, недорого.

К долгожданной поездке ничего не готовили, но активно участвовали в предотпускной суматохе дочка Варечка и веселая беспородная дворняжка Чапка. Варечка была еще слишком мала: ей недавно исполнилось четыре года, а Чапка — семейный баловень и любимец — был просто Чапка. Его решили взять с собой по двум причинам: места занимает мало, и бросать пятого члена семьи на попечение соседей вовсе неже! Светина мама, Алеся Федоровна, наотрез отказалась присматривать за собачкой.

Как врач, серьезное внимание Света уделила медицинской аптечке, которую собирала тщательно и вдумчиво. Делала она это не потому, что боялась за здоровье любимого, но суматошного семейства, а из вечной женской осторожности: разве угадаешь, что случится в пути. Взяла она и маленький набор хирургических инструментов, который остался у нее еще со студенческих лет. Так, ничего особенного: скальпель, ножницы, зажим с узкими длинными концами, пинцет. Добавила к набору и перевязочный материал, и спирт.

— Зачем тебе нужно это медицинское добро? — поинтересовался муж, наблюдая за ней, и пошутил. Операционную решила на морском пляже основать?

— Нет, конечно, — засмеялась Светлана, — но мало ли что в дороге приключится. Например, вот этим зажимом с длинными браншами...

— Чем, чем?

— Ой, концами, я иногда забываю, что ты не медик.

— Вот-вот, сыплешь медицинской терминологией, пугаешь нормальных людей, — улыбнулся в ответ Коля.

Он взял табурет и уже двинулся к кладовке, чтобы достать с верхней полки принадлежности для рыбалки, но так и застыл.

— Не перебивай. Так вот, зажимом удобно удалять клеща из кожи: сдавишь его тихонько и выкручиваешь против часовой стрелки: так паразит, как миленький, выскочит и челюсти свои не потеряет.

— Господи, о каких ты гадостях думаешь, — передернул плечами Коля, — в июле время клещевое уже пройдет. А впрочем, поступай, как знаешь.

Координатором в семье была жена, и он привык с ней соглашаться по всем вопросам.

Хирургический набор упаковали и уложили в аптечку, вопрос о его необходимости в поездке больше не поднимался, и вскоре о металлической коробочке члены семьи забыли.

Наконец сборы завершили, вещи упаковали, и день отъезда наметили. Накануне Максимовы пораньше уложили спать детей и, сидя на кухне за вечерним чаем, в последний раз проверили списки вещей, документы, карты. В постель они легли уже поздно, напряженные, взволнованные предстоящим путешествием.

Спала Света тяжело. Она вертелась, сбрасывала летнее одеяло, снова им укрывалась с головой. Ее мучило неясное чувство, что-то на грани сна и реальности, чему нет названия. Но оно уже родилось и теперь лишало покоя и душевного комфорта. Под утро она увидела странный сон.

Кромешная тьма. Такая непроницаемая, что страшно пошевелить руками, сделать шаг из опасения, что упадешь. Заслезилась глаза, и Света смежила веки, поняв бесполезность попыток что-либо разглядеть. Прислушавшись к ощущениям, Света обнаружила, что лежит. Страх, зародившийся внутри, захлестнул разум. В груди с каждой секундой увеличивался тяжелый ком. Вот он уже свел судорогой челюсти, дыхание стало частым и прерывистым...

«Где я? — хотела крикнуть Света, но голос ей не повиновался. Женщина провела рукой, и ее окатила новая волна ужаса. Дрожащие пальцы на что-то наткнулись, и это было настолько неприятно, что она резко отдернула кисть, которая ударилась о неизвестный предмет. Его шершавая поверхность — рядом, в десяти сантиметрах над ее головой.

— Что это? Где я? — едва слышно прошептали помертвевшие губы.

Света лихорадочно ощупала все пространство вокруг себя и обнаружила, что и сбоку расстояние до шершавых стен такое же.

«Это гроб? — пришло вдруг страшное озарение. — Нет, неправда. Я еще вчера была жива и здорова. Да и где обивка? Гроб же тканью отделяют и изнутри, и снаружи. Да где я?».

Нервозность снова овладела сознанием женщины. Света часто задышала, пытаясь остановить приближение панической атаки. Когда слегка отпустило, она попробовала снова разведать обстановку.

— Тише, тише, — успокаивала она себя. Слова, произнесенные вслух, звучали гулко. Света провела рукой по стенкам и занозила палец. С трудом сунула его по детской привычке в рот, чтобы вытащить застрявший кусочек дерева. Потом постучала по крышке. Звук был глухой, будто шел из-под земли.

«Это деревянный ящик, — наконец сообразила она, — но как я в нем оказалась?» Ответа не было. Женщина попыталась приподнять крышку, но ничего не получилось. Она сделала еще попытку, напрягла все силы, но почувствовала, что ослабла. Дышать стало тяжелее. Небольшое количество воздуха, которое было в замкнутом пространстве, заканчивалось. Светлана хватала раскрытым ртом остатки кислорода и понимала, что отключается.

Очнулась она от собственного крика, и несколько минут не могла унять сотрясающую ее

тело дрожь. Проснулся муж, и, ничего не понимая, вскочил с кровати.

— Что случилось? Уже пора вставать?

— Все в порядке, — с трудом проговорила Света, — мне кошмар приснился.

— Понятно. Ты как? Ничего не надо? — спросил муж и сочувственно погладил жену по руке. — Ой, Свет, у тебя тело влажное!

Света прикоснулась к коже и поняла, что покрыта холодным липким потом. Ее по-прежнему трясло. Она резко поднялась с кровати, пошатнулась и чуть не упала на Колю, с трудом удержав равновесие.

— Слушай, ты поспи еще, — спокойно сказала она мужу, тогда как у самой зуб на зуб не попадал. — Я выпью воды и тоже лягу.

Коля повернулся на другой бок и через секунду засопел. «Утром даже не вспомнит, что просыпался», — улыбнулась Света и нежно поправила одеяло.

Потом она сидела на кухне, пытаясь понять и оценить этот сон и неприятное предчувствие. Прошла по квартире, заглянула в комнату детей. Варенька спала, обняв любимую куклу, разметав кудряшки по подушке. Одеяло Антона лежало на полу: он спал беспокойно. Света погладила дочь по голове, укрыла Антона. В углу на коврик свернулся калачиком Чапка. Собачка подняла голову, но, увидев хозяйку, вяло шевельнула хвостом и снова закрыла глаза.

— Все хорошо. И что это мне кошмар приснился? Наверное, волнуюсь перед поездкой, вот и лезут в голову дурные мысли.

Женщина вернулась в спальню, но так и не смогла больше заснуть. Как врач, Света попробовала разложить сон на психологические полочки. «Так, что у меня там было? — размышляла она. — Замкнутое пространство, темнота, удушье, ящик из необработанных досок». — При воспоминании об этом Света посмотрела на палец, раненый во сне, но занозу не увидела, хотя чувствовала боль.

Но, как ни старалась женщина понять ночной кошмар, все было напрасно. Если следовать толкованию снов (Света иногда прибегала к такому способу их объяснения!), замкнутое пространство означает трудную нерешенную задачу, какую-то дилемму. Их поездка в неизвестность и была для Светы той задачей. А о смерти во сне большинство сонников говорят однозначно: сновидца ждет долгая и счастливая жизнь. Упоминание о ящике вообще ни в одном соннике она не встречала. «Так-то оно так, но почему же на душе тревожно? Ладно, больше не думаю ни о чем. Меня просто пугает неизвестность».

Все сомнения и опасения женщина предпочла объяснить волнением последних дней. Увидев же первые лучи солнца, она и вовсе отбросила плохие мысли.

Выехать решили рано, в пять часов утра, чтобы до дневной жары преодолеть как можно больше километров, да и дети могли еще чуть-чуть поспать в машине. Вареньке было комфортно в ее детском кресле, а для Антона папа соорудил на полу машины роскошную лежанку. На коврик уложил спальные мешки, палатку, одеяла и подушки — получилась узкая кровать, которой сын остался очень доволен. В ногах нашлось место и для Чапки.

Варя сначала обиделась, что у нее не будет таких условий для сна, надула губы и слезно стала проситься на самодельную «кроватьку». Но получила отказ, так как платить штраф за нарушение дорожных правил на первом же посту ДПС родители не желали. Они и без того серьезно рисковали, устраивая кровать для Антона, надеясь лишь на то, что рано утром полиция не захочет проявлять лишнюю бдительность и останавливать мирную семейную

машину.

Проснувшись, Света накормила завтраком мужа. Вместе они разбудили и одели детей и полусонных перенесли в машину. Вернувшись в квартиру, чтобы закрыть дверь, Светлана вновь почувствовала прежнее беспокойство. Ей так не хотелось бросать свое уютное жилище и отправляться в неизвестность, что она едва не заплакала. Однако сомнения она решила держать при себе, боясь признаться мужу, чтобы не тревожить перед поездкой. «Все будет в порядке, я просто не выспалась и переволновалась, вот и нервничаю».

Света села в машину.

— Ну что, штурман, поехали? — шутливо спросил Николай.

— Да, тронулись, пожалуй, — женщина еще раз грустно посмотрела на дом. — Ни пуха ни пера.

— К черту!

Машина плавно тронулась с места и весело побежала по тихим утренним улицам города. Выходило июльское солнце, и первые лучи уже отражались в стеклах окон верхних этажей. Радужные змейки разбежались по сторонам, переплетались, расходились, постепенно опускаясь ниже и ниже. Казалось, что уже вся улица горит огнем. Начинался новый день.

Глава 3

Максимовы

Они ехали уже два часа. Промелькнули незаметно карельские поселки и озерца с прозрачной, кристально-голубой или черной, торфяной водой, которые местные жители ласково называли — «ламбушки».

Скоро покажется Олонец, который граничит с Ленинградской областью.

Мотор гудел ровно и монотонно, убаюкивая Свету. Но сон не приходил, женщина обернулась назад, посмотрела на спящих детей, поправила одеяло Антошке, погладила розовую щечку Вареньки.

— Что, волнуешься? — улыбнулся муж, — не переживай, мать, все будет здорово.

— Я надеюсь, — прошептала Света, опять вспоминая неприятное утреннее чувство и ночной сон.

— Ты что-то сказала, — из-за шума мотора не расслышал ее слова Коля?

— Нет, тебе показалось, — она ласково погладила мужа по руке, — я в порядке, чуть-чуть подремлю, не возражаешь?

— Конечно, поспи.

«Какая я счастливая, — подумала женщина, — чудесный муж, послушные дети, любимая работа, налаженный быт. И это счастье досталось мне, рядовой среднестатистической женщине. Как же его сохранить, не расплескать, не растерять?»

Света вновь закрыла глаза и попыталась заснуть, но неожиданно погрузилась в детские воспоминания.

Ее родители поженились очень молодыми, когда по велению комсомола оказались в Сибири на строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Попав туда сразу со школьной скамьи, они познали трудности самостоятельной жизни, еще не успев расстаться с детством. Суровые сибирские морозы, жизнь в бараках, проблемы с питанием — все это выматывало и доводило до отчаяния. Может, поэтому молодежь тянулась за дружеским теплом друг к другу, быстро создавала семьи, чтобы преодолеть этот мучительный разрыв с домом.

Света родилась в конце семидесятых. Почти сразу после рождения дочери мать поручила ее воспитание бабушке и вернулась на БАМ к мужу.

Бабу Анелю, у которой родители оставили Свету, бабушкой язык не поворачивался назвать. Имя у нее было необыкновенное, польское, да она и сама была очень привлекательной сорокалетней женщиной, младшей и любимой дочкой раскулаченного в тридцатые годы белорусского помещика с польскими корнями.

Анеля учила внучку молитвам на родном языке, рассказывала ей занимательные моменты из жизни, читала книжки. Девочка так мило лепетала по-польски, что деревенские ребятишки называли ее «пшечкой».

Из раннего детства Света мало что помнила, но в память врезался языческий обряд, которому ее однажды подвергла бабушка. До сих пор, закрывая глаза, она видела одну и ту же картину: маленькая девочка сидит на полу, в самом его центре. Лучи солнца проникают в комнату через бутылки с вишневой наливкой, которые рядом стоят на подоконнике, и, преломляясь, наполняют воздух нежно-розовым свечением. Вокруг малышки — квадрат из соломы или сена. (Она тогда еще не понимала, зачем). Бабушка ходит вокруг и бормочет по-польски какие-то слова. Потом Анеля берет огонь и поджигает углы квадрата. Воздух из розового становится ярко-алым, крохотный оранжевый язычок пламени постепенно разгорается и змейкой бежит по периметру, захватывая по одной травинке и оставляя за собой комочки гари. Огонь завораживает, не позволяет отвести глаза, но маленькой девочке страшно. От дыма она заходится в кашле и начинает плакать, однако бабушка строго запрещает ей двигаться и продолжает ходить вокруг.

Мама позже, уже после смерти бабули, рассказала Свете что таким образом бабушка изгоняла из нее злых духов.

Случай произошел нелепый. Анеля купила на рынке цыплят, которых держала в горнице, чтобы птенцы не заболели и не погибли. Однажды бабушка пошла к соседям за какой-то надобностью, а маленькую Свету оставила дома. Когда женщина вернулась, то обнаружила мертвых цыплят, раскиданных по полу комнаты.

— Кто это сделал? — воскликнула она в ужасе.

— Бабушка, — залепетала трясущимися губами внучка и затрясла отчаянно головой, — это не я.

— А кто виноват? — грозно наступала бабушка.

Света перепугалась еще больше. Через секунду она уже плакала навзрыд, размазывая по лицу слезы и сопли.

— Я с ними играла. Я взяла желтенького в руки, а он пискнул: «Цып», — и глазки закрыл. Я хотела с другим поиграть, а он тоже сказал: «Цып», — и глазки закрыл.

Девочку просто трясло от страха и переживаний. Малышка не понимала, что произошло с ней и с цыплятами.

Бабушка только развела руками: ребенок, оставшись только на пятнадцать минут без присмотра, уничтожил целый выводок цыплят. Света, помнила, что воспринимала пушистые комочки как живые игрушки и, забавляясь с ними, ловила за шейку. А так как еще не умела контролировать силу, случайно душила птенцов.

Бабушка решила, что ребенок одержим злым духом, вот и провела обряд очищения.

Удивительно, но Света в мельчайших подробностях помнила обряд, а вот причину, его вызвавшую, — нет.

После смерти бабушки родители забрали Свету и переехали в Карелию, куда приглашали молодые семьи, обещая им жилье и сносные условия труда. Училась она в школе хорошо, а могла бы еще лучше, если бы домашние хоть чуть-чуть интересовались ее отметками. Каждому человеку нужна мотивация, но в семье к тому времени было уже четверо детей, причем — девочки.

Красавец отец переживал, что нет сына, но винил в этом жену. Постоянное внимание окружающих женщин к ее мужу сделало мать нервной и озабоченной теткой. Ссоры в их семье стали постоянными, иногда дело доходило до драки.

В медицинский институт Света поступила по нескольким причинам: первая, и самая главная — еще в школе она прочитала трилогию Юрия Германа о замечательном хирурге Володьке Устименко. Образ этого человека настолько потряс воображение девочки, что она просто бредила хирургией. А потом ей безумно хотелось сбежать из дома, чтобы не видеть и не слышать эти постоянные ссоры родителей. Девушка устала от нищеты и жизненной неразберихи. Она надеялась, что обретет долгожданный покой, когда уедет подальше.

Училась по-прежнему легко, с удовольствием. Только вскоре сделала для себя неприятное открытие: увы, хирургом ей не быть никогда. Света абсолютно не переносила вида открытых ран, когда кровь льется рекой, а больной кричит от нестерпимой боли. Хирургическая практика проходила для нее, как в тумане, она постоянно думала, что еще чуть-чуть, и упадет в обморок рядом с кричащим больным.

Света часто вспоминала бабушкин обряд и думала, что, может, это белорусская красавица колдунья своими действиями на всю жизнь вызвала у внучки стойкое отвращение к крови.

Так Света отказалась от мечты и сконцентрировалась на той специальности, которая оказалась ей больше по душе. Девушка стала рядовым участковым терапевтом: лечила простуду и грипп, беседовала с одинокими старушками и получала от любимой работы удовольствие.

Колесо машины попало на какую-то преграду, салон слегка качнуло, и Света встрепенулась:

— Что, что случилось? — испуганно спросила она у мужа.

— Ничего, не бойся. Это колесо в ямку угодило. Прости, не заметил, дорога идет неровная, но я постараюсь ехать осторожнее.

Света расправила плечи, хрустнула по детской привычке костяшками пальцев и вернулась в реальность.

Разгорался теплый летний денек. Остатки утреннего тумана еще стелились по росной траве на обочине и терялись в глубине придорожных кустов. За окном мелькало редколесье, а вдали густой стеной вставала тайга. Света зябко передернула плечами, представив, как жутко и мрачно в таком лесу. Но в салоне негромко звучала музыка, по-кошачьи урчал мотор. Света ласково посмотрела на мужа и погладила его по колену.

— Ты чего? — вскинул брови Коля, не отрывая взгляда от дороги. — Да, Светка, не скоро мы с тобой теперь вместе будем, — он весело подмигнул, — ну как, потерпим?

— Да ты у меня пошляк, — беззлобно усмехнулась жена, — все на постель переводишь.

— Радоваться должна, глупая, люблю еще, значит, раз постоянно тебя хочу.

— Хотеть можно и от похоти, — продолжала поддразнивать Света, сама прекрасно понимая, что любит. Она тоже любила мужа, и хотя с годами чувства притупились, зато появилась тесная привязанность и взаимопонимание. Свете иногда даже страшно

становилось, когда вдруг в минуту слабости пыталась представить, что бы делала, если бы Коля не стало. Она вспомнила, прочитанную когда-то легенду о потерявшихся половинках душ. Размышляя над ней, Света думала, что свою половинку она точно нашла и теперь ни за что не отпустит. Вместе они сила и любовь, а порознь — боль и тоска.

— Кофе хочешь?

— Пожалуй, налей чашечку. Дети еще спят?

— Да.

Света повернулась и посмотрела на заднее сиденье. Потом она отвинтила крышку термоса, который стоял у нее в ногах, налила кофе себе и Коле. Она протянула чашку мужу, а свою зажала между колен и опять отрешенно стала смотреть в окно.

***

Мысли потекли плавно и неторопливо, и вновь Света не заметила, как оказалась в городской больнице на практике, где впервые увидела Николая. Девушка курирована палату, в которой он лежал. Молодой человек так переусердствовал с подготовкой к выпускным экзаменам, что заработал язву желудка. Находясь на жесткой диете, страдая от постоянных болей, он все равно шутил, когда видел привлекательную практикантку.

— Девушка, а вы укол больно делать будете? — весело спрашивал он.

— Инъекцию вам будет делать медсестра, я только назначаю процедуры.

— Ой, а может, все-таки вы уколете? Я же должен проверить, легкая рука у будущей жены или нет?

Света хмурила брови, терялась и шла осматривать другого больного, маленького старичка, который весело подмигивал с соседней кровати.

— Ну как не влюбиться в такую красавицу, — поддерживал дед молодого напарника по палате.

А Света была красавицей. Ей от природы досталась привлекательность отца: чистые, без малейшей примеси серые глаза, стройная фигура, густые темные волнистые волосы. Как девушка не скрывала их под врачебной шапочкой, одна прядка шаловливо выбивалась наружу. Света смущалась, но каждый раз мужественно заходила в палату к веселому парню и строгим голосом выговаривала расшалившемуся, как ребенок, пациенту.

— Молодой человек, лежите спокойно, — говорила она, когда пальпировала живот, — скажите, где будет больно.

— У вас золотые руки, — отвечал Николай, — как только прикоснетесь, так боль, как рукой снимает.

Но Света пациенту не верила, сколько бы парень ни притворялся, организм все равно выдавал истинное положение дел: мышцы живота мгновенно напрягались, как только руки врача прикасались к больному месту.

Так с шутками и прибаутками прошло две недели, и наступило время выписывать веселого больного. Николай покинул больницу перед майским праздником, но уже на следующий день он снова стоял у дверей стационара и ждал Свету. Так потихоньку и завязались отношения, основанные не на пылающей страсти, а на дружбе и взаимопонимании.

Коля не относился к тем мужчинам, о которых мечтает каждая девушка, и принцем на белом коне тоже не был. Обыкновенный молодой человек средней комплекции и внешности. Почти одного роста с высокой Светланой, худощавый и слегка неуклюжий.

Светлые чуть выющиеся волосы зачесывал назад, и тогда открывался чистый лоб и зеленые глаза с темным ободком по краям.

Но, видимо, их пара создавалась на небесах, так как поженились они быстро: уже через месяц влюбленные не могли прожить друг без друга и дня. Николай не успел окончить институт, как сразу получил предложение о работе от крупного машиностроительного завода. Умные молодые инженеры были востребованы. Вместе с предложением дали комнату в общежитии, этот факт и помог решить вопрос о свадьбе. Света не сопротивлялась, когда Коля ей сделал предложение и, несмотря на то, что еще не окончила университет, согласилась выйти замуж.

Через пару лет, в очередной бум строительства, молодой семье дали сначала однокомнатную, а потом и трехкомнатную квартиру. Жили ладно и весело. Их любили друзья, коллеги и соседи по дому, которым Света помогала, если у кого-то возникала проблема со здоровьем. Лидерствовала в семье Светлана, но руководила разумно, не перегибала палку там, где не надо. Она не хотела походить на мать, которая не умела грамотно управлять домом. Хозяйкой старалась быть экономной и рачительной, квартиру содержала в чистоте и порядке и стремилась создать семейные традиции, которые потихоньку и прививала домашним. Видимо, поэтому Максимовы жили в достатке и даже сумели накопить денег на покупку кроссовера. Познав неустройство и неухоженность в детстве, Света всеми силами старалась сделать родное жилище уютным и теплым.

Дети принесли радость и полноту в их с Колей жизнь. Антошка был уже совсем взрослый, рассудительный, как отец, и с таким же торчащим на макушке вихром. Варенька же относилась к тем пухленьким и милым девочкам со светлыми кудряшками и серыми, как у матери глазами, которые привлекают внимание прохожих и умиляют районных старушек, сидящих на скамеечках в парке.

Света еще раз оглянулась на детей и подумала: «Господи! Какая я счастливая!»

Если бы она только знала, что ее ждет впереди! Если бы только знала! Потом, впоследствии, она еще не раз будет обращаться к богу, пытаясь понять, за что он подверг ее такому жестокому испытанию. Чем их ладная и счастливая семья так его прогневила?

Глава 4

Сегамачо

Сергей Иванович Гусев, а среди друзей — Сегамачо, сидел за большим столом на кухне и ждал, когда Наташка соберет ужин. Он сосредоточенно грыз корку хлеба и пытался придумать, как сказать жене, что сегодня он идет на рыбалку с лучшим дружкой Костей Загоруйко. Удочки они приготовили заранее, наживку тоже, втихаря скинулись и купили беленькую (какая же рыбалка без нее, родимой!). Это добро было спрятано в дровяной сарай еще вчера, а вот повод признаться все никак не подворачивался.

— Ну и как Наташку уговорить? — бормотал озадаченный мужчина.

— Ты что там сказал? — спросила жена.

— Да ничего, просто чихнул, — ответил Сегамачо, а про себя подумал: «Ну и слух! Ничего не скроешь».

Сергей Иванович с хрустом, как гусь крылья, развернул плечи, (не зря на небесах фамилии даются!), горделиво вытянул шею и посмотрел по сторонам: «Нет, другая и не смогла бы стать моей женой».

...Сегамачо он был не всегда. В детстве дружки звали его просто Серега, Серый. А потом пришел «пубертат». Что это такое, он до сих пор не знает, но об этом возвестила

школьная медичка. Видя, как быстро меняется маленький шуплый мальчишка Сережка, она, качая белой шапочкой, говорила:

— Пубертат, что поделаешь, пришел пубертат!

И еще одно слово было у нее в ходу: «Акселерация». Сегамачо об этом слышал. Слово означало, что дети нового поколения выше и здоровее родителей.

Так вот, о Сергее можно было сказать, что он и пубертат, и «акселерация» в квадрате. На вымахавшего с коломенскую версту сына отец смотрел снизу вверх и говорил:

— И куда ты растешь? В нашей семье отродясь великанов не было.

— Я первый, папаня, — на манер бычка из мультика басил Сережка.

— На тебе пахать надо, а ты в школу ходишь.

— Попахать завсегда успею, а пока аттестат получить надо, — возражал сын.

А вот учеба и не шла. Тело тянулось вверх, вместе с ним росли и гормоны. Вернее, наоборот: сначала гормоны, а затем рост, но Сереге от этой перемены мест легче не становилось. Гормоны просто не давали бедному парню жить. Стоило ему увидеть из окна проходившую по улице девчонку, его начинало бросать то в жар, то в холод. Внутри все тряслось, и черт знает, что происходило с шириной. Потом все же наступало облегчение, но ненадолго. Разозленный на несдержанность, Серега шел в баньку мыться и отстирывать белье, чтобы мама ненароком не узнала об оплошности сына. Парень стал ходить в свободных спортивных штанах с вытянутыми коленками, чтобы постоянное возбуждение было не так заметно для окружающих.

— Ты держись, — говорил ему Котыч, а теперь уважаемый агроном Константин Викторович Загоруйко. Он первый прошел через гормональный взрыв, поэтому и направлял Серегу, как мог.

— Скоро прекратится «стояк» на девчонок, научишься себя контролировать, — шептал он другу, когда у того прямо на уроке назревал конфуз.

Но сказать легче, чем сделать. Совет Котыча не помогал Сереге. Так с гормональными муками и прошло отрочество.

Он вырос невероятно привлекательным парнем. Длинное тело, широченные плечи, «кубики» на животе, которые он как бы невзначай, но часто демонстрировал сельским девушкам, небесно-синие глаза и золотые кудри — ну, не портрет деревенского неуклюжего увальня, а просто модель из мужского журнала! Вместе же с красотой приобрел он славу бабника и волокиты, получив за свои подвиги прозвище Серега-мачо, которое быстро сократилось до Сегамачо и прилипло к нему на всю жизнь.

Прозвище весьма оправдывало себя. Не было в селе девчонки, которая не прошла бы через шаловливые руки парня, не пролила горьких слез из-за ветреной природы. Сегамачо никак не мог объяснить однодневной пассии, что не в его силах устоять перед новым хорошеньким личиком.

— Ну, ты смирись, — ломким баском говорил он нежно девушке, с которой встречался по вечерам. — Я тебя люблю, — потом задумчиво жевал губами, как будто проверяя это слово на вкус, и добавлял, — наверное, люблю, но и на других не смотреть не могу. Так я устроен.

Девчонка убегала со слезами, (да и какая после таких слов рядом останется!), а Сегамачо все трын-трава: он уже за новой милашкой ухлестывает.

Но нашлась одна девушка, которая не потеряла голову от мужской неотразимости. Она не обращала никакого внимания на его тайные и явные знаки. Это и была Наталья. Сперва

он, как водится, ее не замечал: отбою и так не было от местных красавиц. Но, перебрав деревенских девчонок и заскучав, Сегамачо нацелился на новый объект.

Однако Наташа вела себя так, будто его и не существовало вовсе. Когда он приглашал девушку в клубе на танец, она делала равнодушное лицо и не реагировала на комплименты. Серега пытался быть джентльменом: приносил к крыльцу Наташкиного дома полевые цветы. Специально рано вставал, тайком пробирался под сонными окнами, чтобы положить букетик, а потом прятался за забором, ждал. Никакой реакции.

— Странно, — делился недоумевающий Сергей с Котычем, — вроде все девушки над цветочками трясутся.

«Наверное, не догадывается, что это я букетики по ночам делаю», — с завидным самомнением думал парень, избалованный взглядами девчонок.

Не добившись внимания Наташи тайными знаками, Сегамачо решил взять девушку штурмом. Когда он организованно-случайно встречался с Наташей на улице, то грубовато предлагал:

— Наташ, айда сегодня в кино (или в кафе в соседнем поселке, парк, на озеро — смотря на что в данный момент хватало денег).

— Не пойду, — как правило, отвечала девушка.

Так Сегамачо и не заметил, как влюбился. Сам себе не поверил, но ни на кого больше смотреть не мог. Чахнуть начал от переживаний: не ел, не спал, забыл про экзамены в университет — и даже о мечте своей стать детективом забыл. Вот что делает с человеком любовь! Спас его Костик, который рассказал Наташе о страданиях друга и привел ее к нему. Однако свадьбу сыграли не сразу. Умная девушка еще несколько лет испытывала любовь Сергея на прочность, пока окончательно не сдалась. Вот так и сложилось, что уже почти тридцать лет нет для Сегамачо лучше женщины, чем его Наташа.

Удивительно, но и сейчас, спустя десятилетия, она по-прежнему была красавицей. Красавицей, несмотря на рождение троих детей, которые уже выросли, создали свои семьи и разъехались кто куда, и на тяжелые потери: совсем недавно ушли из жизни ее родители, и младшая сестра умерла от рака. Наташа уже давно перешагнула звонкий ягодный возраст, но сохранила былую стройность и привлекательность.

А вот от модели Сегамачо мало что осталось. Золотые кудри осыпались, как осенью облетает листва перед долгой зимой. Их седые остатки уютно расположились венчиком вокруг блестящей загорелой лысины. Он весил около ста двадцати килограммов (а может, и больше, кто же эти килограммы считает после пятидесяти!).

Руки походили на толстые ветки, ноги — на стволы, и сам он, как огромный кряжистый дуб, стал еще крепче, мощней, но уже без былой ровности и стройности. Когда Сергей Иванович сидел за рулем своей машины, казалось, что на соседнее кресло влезть уже никто не сможет — так он был огромен. Он стал неповоротлив, двигался мало, любил выпить кружечку пива и хорошо поесть. Свою мечту стать детективом не осуществил — ну разве что самую малость: работал деревенским участковым. Громких расследований, убийств, краж за годы работы не было ни разу, но шустрых пацанов, желающих поживиться за чужой счет, держал в ежовых рукавицах. Поэтому в подведомственном ему участке хулиганы не водились: он всех выжил.

Прожевав корочку, Сегамачо с любовью посмотрел на жену, которая, стоя к нему спиной, что-то помещивала в кастрюле.

Прожевав корочку, Сегамачо с любовью посмотрел на жену, которая, стоя к нему

спиной, что-то помешивала в кастрюле. Между ног заговорило желание.

— Наташ, а может... Давно уж не кувыркались.

Рука сама потянулась к аппетитной ягодице Наташки, и огромная ладонь быстро и с силой сжала соблазнительную округлость. Это было большой ошибкой. От неожиданности жена подскочила на месте, взмахнула рукой с половником, и его содержимое кипящими брызгами оросило мужа.

— А-а-а! — закричал Сегамачо, вскакивая с места. — Мать, ты с ума сошла? Хочешь меня без глаз оставить?

— А ты зачем меня, где не надо, хватаешь?

Сергей Иванович ужом извивался по кухне: то брызгал в лицо колодезной водой из бидона на скамейке у входа, то подбегал к зеркалу, чтобы посмотреть на причиненный женой ущерб. Чувствуя себя виноватой, Наташа крутилась рядом, пытаясь успокоить обиженного мужа.

— Да ладно тебе, — приговаривала она. — Ну, прости, я же не специально. Рука дернулась.

— Тебе хорошо говорить, а если ожоги останутся?

— Не останутся. Ну, давай мазью обработаем, — заискивающе предложила жена.

И тут на Сегамачо снизошло озарение: «Вот он, повод отпроситься. Или сейчас, или никогда».

— Ладно, не суетись, я понимаю, что ты не виновата. Наташ, а Наташ, ты меня на рыбалку отпустишь?

— Отпущу, конечно, отпущу, — ворковала голубкой жена, хлопоча около него, — ты же у меня единственный, разве могу я тебя не порадовать?

Она, видимо, предполагала, что муж выпрашивает льготу для себя на всякий случай, наперед, чтобы потом припомнить ей, когда время придет. Но тут Наталья — опытная жена, которой приходилось часто придумывать всякие уловки, чтобы удержать мужа подле себя, попалась: она не сумела раскусить хитрость Сегамачо.

— Наташ, мы с Котычем сегодня вечером поедем, — скороговоркой выпалил муж, на всякий случай отодвигаясь подальше, чтобы опять не досталось.

— Когда-а-а-а?! — тон Наташки не предвещал ничего хорошего.

— Сегодня, аккурат на вечернюю зорьку успеваем, — еще тише повторил Сегамачо.

— А меня спросить ты, кажется, не собирался?

— Так, Наташка, вот я и спрашиваю, — и по тому, как поджала губы жена, как засуетилась по кухне, загрохотала крышками и сковородками, мужик понял: не видать ему рыбалки как своих ушей, а если сильно разозлилась, то и ужина не видать. «Ну что за невезуха, — обреченно подумал он, — и когда я таким подкаблучником стал? Ничего сам не могу решить».

В кухне повисла неловкая тишина. Сегамачо опять потянулся за хлебом.

— Положи на место, — раздался вдруг грозный голос жены. «Ну вот, началось, уже и хлеба пожалела», — от этой мысли еще горше стало. Но развить ее мужик не успел: перед его носом с грохотом приземлилась дымящаяся тарелка тушеной картошки с мясом, которую Наташа готовила знатно.

— Поешь перед уходом хорошенько, на озере, небось, только закусывать будете, — еще сердито, но уже не так грозно выдавила из себя жена.

От удивления у Сегамачо пропал голос. Он хотел сказать Наташке, как ее крепко любит

и какая она у него замечательная, но только молча взял ложку и стал торопливо запихивать в себя ужин. На такую удачу он и надеяться не мог. «Надо Котычу позвонить, пусть подъезжает. Наверное, уже извелся от неизвестности», — думал он. — Нет, а женка у меня молодец! Ворчит, а все равно для меня старается. А вот Котычу с бабой не повезло. Правильно и сделал, что развелся».

Котыч рядом с красавцем Сегамачо находился на заднем плане. Те девчонки, от которых отказывался Серега, незаметно прилипали к Костику. Он тоже был вполне симпатичным парнем, высоким, тонкокостным, худеньким и смуглым, как цыган. Костик всегда подозревал, что в его жилах чисто русского человека есть примесь романской крови. В детстве он даже пытался построить семейное древо, но дальше информации о прабабушке и прадедушке дело так и не сдвинулось с места, и Котыч успокоился. Он вообще быстро переключался с одного интереса на другое, ничем не увлекаясь подолгу. Котыч обладал хорошим чувством юмора, поэтому карие глаза всегда лучились смехом, отчего в уголках появлялись морщинки.

Женился быстро, по мимолетному увлечению, а потом жил, мучаясь в неудачном браке долгих двадцать лет, пока наконец не нашел в себе силы подать на развод. Его жена любила выпить, погулять, а скромный и заботливый Костик терпел ее, сколько мог. В один прекрасный день она сбежала с очередным ухажером, и несчастный муж облегченно вздохнул, получив свободу.

Теперь друг жил один, поэтому таких проблем, как у Сегамачо, у него не было. Никто Костика не контролировал, и ни с кем он не должен был советоваться. Сергей Иванович ему иногда завидовал по-черному, на что тот отвечал:

— Дурак ты, Серега, счастья своего не понимаешь. Да я бы за такую бабу, как твоя Наташа, руки бы не пожалел.

— Ну, и куда ты спешишь? Или уже душа горит? — услышал он недовольный окрик жены.

— Нет, время еще есть, — соврал Сергей Иванович. На самом деле времени было и обрез. Еще полчаса — и начнет темнеть. Ночью тяжело хорошее место найти и устроиться. Но сказать об этом Наташке Сегамачо не мог: вдруг передумает и не пустит.

— Куда рыбачить поедете? На Сенеж?

— Нет, сейчас там туристов много, мешать будут. На Лесное озеро решили.

— Это же так далеко.

— Вроде не очень, километров пятьдесят, не больше, по боковой дороге еще километра три и по грунтовке немного.

— Вот я и говорю, глушь.

— Да мы те места хорошо знаем, первый раз что ли.

— Говорят, там медведя видели.

— Ерунда, кто тебе такое сказал? Слушаешь всякую чушь у себя в конторе.

— Чушь не чушь, а вы там осторожнее будьте. Не пейте много.

— Какое много, Наташ! Котыч за рулем, а я что, на алкоголика похож? Так, по стопочке перед рыбалкой пропустим, и все.

— Да ладно, не оправдывайся, — уже вполне миролюбиво произнесла жена. — Еду приготовил или побоялся?

У Сегамачо полегчало на душе. Раз отпускает на рыбалку добровольно, значит можно вернуться и без улова: придираться не будет.

— Немного собрал. Яйца сварил, огурчики соленные положил, купил хлеб, колбасу, консервы, — скромно опустил глаза мужик.

— Конс-е-е-е-рвы, — передразнила его Наташа. Это разве еда для такого богатыря, как ты?

— Так ущицу сварганим, когда рыбы наловим, нам хватит, — отговорился Сегамачо и, несмело подняв глаза на жену, произнес:

— Если ты чего домашненького положишь, будет здорово. Котыч любит твою стряпню.

— Положу, горе ты мое луковое, — вздохнула Наташка и стала собирать сумку.

— Спасибо, дорогая моя женушка, ты у меня замечательная, — осмелел вдруг Сергей Иванович, поняв, что буря окончательно миновала, — а еще кофе в термос налей, пожалуйста, рыбка моя золотая!

— Ну, скажешь тоже! — уже рассмеялась жена, качая удивленно головой. — Мастер красноречия, когда тебе чего-нибудь надо. За спиной, наверное, щучкой зубастой называешь.

Сегамачо хохотнул, оценив шутку жены, сыто рыгнул и полез в карман за телефоном: пора позвонить другу. Долго ждать не пришлось: уже через десять минут раздался у ворот сигнал машины Котыча. Радостный Сергей Иванович ласточкой (вернее, неповоротливым гусем, но это уже неважно, ведь чувствовал он себя именно ласточкой) слетал в сарайку, схватил удочки и приготовленный шарабан, в котором уютно пристроилась в уголке беленькая. Когда селся в машину, на крыльцо выскочила Наташка с котомкой в руках и кожаной теплой курткой.

— А это еще зачем? — показывая рукой на куртку, спросил Сегамачо.

— Ночи еще холодные, после спасибо скажешь.

Чтобы не спорить: вдруг жена передумает и не пустит на рыбалку, он сердито бросил куртку на заднее сиденье. Дверь машины захлопнулась, и друзья тронулись навстречу своей судьбе, которая приготовила им страшный сюрприз.

Глава 5

Максимовы

— Мама, мы уже сколько едем? — раздался с заднего сиденья сонный голос Антона.

— Больше трех часов, сынок.

— А в Ленинградскую область въехали?

— Да.

— Вот здорово! Ты почему меня не разбудила, я же просил растолкать на границе с Карелией. Из-за тебя все интересное проспал, — произнес расстроенный Антон.

— Нет, сынок, еще долго ехать, два дня, скоро надоест. А приключений много будет впереди. Ну что, подъем? Природа, наверное, давно зовет в кустики, — Света шутливо подмигнула сыну.

— Угу, я подумаю, — мальчик лениво потянулся, задел ногой Чапку, который дремал поверх одеяла. Собака вскочила и радостно завиляла хвостиком, заглядывая в глаза то Антону, то Свете.

— Пап, в туалет хочу.

— Ну вот, отец, кажется, закончились спокойные минутки. С новым днем начинается и наша веселая жизнь, — улыбнулась Света, — Антон, тогда разбуди Варечку, будем умываться и завтракать. Коля, давай ищи место, где мы сделаем стоянку.

Света привычно раздавала команды, а любимое семейство так же привычно ей подчинялось.

Они нашли пологий съезд с шоссе и остановились на солнечной поляне, с трех сторон окруженной кустарником и виднеющимися за ним деревьями. Хотели сначала соорудить палатку, но потом передумали: слишком много времени займет установка и обратная сборка. Коля вышел из машины, сделал резкие приседания, чтобы размять затекшие ноги, сладко потянулся:

— Эх, красота! Как хорошо дышать лесным воздухом! Дети, выбирайтесь из салона, будем умываться и завтракать.

Антоша востропнулся, открыл дверь и спустился с лежанки на землю, так как по-другому оказаться на свежем воздухе было невозможно. При слове «завтрак» разворчался голодный желудок.

— Кушать хочу! — заявил мальчик.

— Ты же только что в туалет хотел, — шутливо подколот сына отец.

— А я все сразу хочу. Пап, куда сбегать? — оглядываясь вокруг и припрыгивая на месте, поинтересовался Антон. Ответ ждать не стал и побежал к ближайшему кусту. Через минуту, довольный, мальчик вышел к родителям:

— А теперь давайте кушать, — он уже протянул руку к корзине с продуктами, которую увидел в раскрытом багажнике, намереваясь схватить что-нибудь из еды.

— Э, нет, сынок, сначала умываться, — шлепнула по протянутой ладони мама.

Вложив в нее зубную щетку, она развернула Антошку и легким толчком направила к мужу, который невдалеке поливал себе на руки и, отфыркиваясь, как большая собака, умывался.

Антон сначала хотел возразить, но спорить с мамой не стал: настроение было отличное. Он наскоро почистил зубы и бросился помогать отцу доставать из багажника сумки и корзинку с едой.

Разобравшись с неугомонным сыном, Света взяла на руки Вареньку. Девочка спросонья, еще не понимая, где находятся, крепко держалась за мать. Та сводила ее за кустик, ставший временно домашним туалетом, умыла и оставила на попечение Чапки, который с беззаботным визгом крутился рядом.

Максимовы были счастливы.

Света быстро накрыла стол, который состоял из дедушкиной плащ-палатки. Кофе и кашу для детей Света приготовила еще дома, а теперь делала бутерброды.

Недовольный Чапка побежал дальше в лес, и Коля вдруг услышал испуганное поскуливание. С визгом собака выскочила из кустов и спряталась между ног человека.

— Папа, что случилось? — прошептал Антон, схватив его за руку.

— Не знаю, сын, — ответил отец, вглядываясь в темноту леса.

Через минуту из кустов вышел потрепанный пес непонятной породы и, наклонив голову к земле, стал разглядывать туристов. Он стоял без движения, не издавая ни звука, но веяло от него такой опасностью, что мужчина поднял тяжелый сук и издали погрозил ему. «Волк, что ли? — невольно подумал Николай. — Хотя откуда здесь, у дороги, взялся волк, ерунда, лезут же нелепые мысли в голову». Собака исчезла.

Больше ничто не нарушило семейный завтрак. Дети поели и стали играть. Коля жевал бутерброды, запивая горячим кофе, и прищуривал глаза от наслаждения.

— Как вкусно, и как здорово! Давно я уже не получал такого удовольствия. Жаль, что мы так редко выбираемся из города. Свет, а давай дачку купим?

— Купим, — отвечала Света, — а работать на ней кто будет?

— А что, дача только для работы нужна? Представляешь, у нас домик у речки или озера рядом с лесом. Выезжали бы на выходные, и никакого моря не надо, — мечтательно закрыл глаза Коля.

— Посмотрим, и дома обсудим этот вопрос, ладно?

Сытый и довольный Коля растянулся на краю плащ-палатки и сквозь прикрытые веки наблюдал за родным семейством. Жена собирала остатки еды в корзину. Боковым зрением мужчина увидел какое-то шевеление у кромки леса, сел, напряженно вглядываясь в темноту. Здесь ветка качнулась, там куст шелохнулся. Никого не было видно, и Коля предположил, что это тот пес, который напугал осторожного Чапку. Зверь ходил кругами, но к людям приблизиться не смел. Собачка опять забеспокоилась.

— Все, мои дорогие, отдохнули, пора теперь собираться в путь, — сказал отец семейства, быстро вскочил, чтобы помочь жене собрать вещи.

— Ты чего такой нервный? — спросила Света.

— Там в кустах собака, чистый волкодав, не хочется, чтобы она напугала детей. Давай поторопимся.

Антон помог Вареньке забраться в детское кресло и стоял рядом в ожидании, пока родители разберут лежанку. Скоро вещи спрятали в багажник, огляделись: не забыли ли чего-нибудь. Мотор «Нефертити» довольно заурчал, и семья отправилась в путь.

Ехали дальше весело. Николай включил радиоприемник, из динамиков зазвучала известная песенка, и все дружно стали подпевать. Когда надоело петь и разговаривать, Света включила детям мультфильмы, благо в большой современной машине к спинке переднего кресла был прикреплен телевизор. Ребята сначала спорили, кто наденет наушники, а потом поняли, что смотреть можно и без них. Главное — не мешать папе вести машину.

Ярко светило солнце, мимо проносились поля, небольшие рощи, деревеньки. В машине работал кондиционер, создавая в салоне приятную прохладу. «Как здорово! — в который уже раз восхитилась Света. — Кажется, зря волновалась».

Пообедать остановились в придорожном кафе со странным названием «Кебаб-хаус». Сейчас появилось много таких названий. Кебаб — блюдо кавказской кухни, хаус — английское слово, но написано оно было русскими буквами! «Вероятно, название придумано для красного словца, мол: у нас не хуже, чем у остальных», — подумала Света, выходя из машины.

На удивление, накормили вкусно, и в кафе было чисто, приятно пахло шашлыком, играла негромкая музыка. Максимовы сели на веранде за столик, который находился рядом с детским комплексом: две горки, качели и другие приспособления для развлечения малышей. Антон и Варечка быстро поели и побежали на площадку.

Родители же обедали, наслаждаясь ароматной едой и каждой минутой спокойного отдыха. Говорили не спеша о том, где лучше переночевать. Света настаивала на домике в кемпинге, а Коля хотел ночевать на придорожной полянке в лесу: основным аргументом было наличие палатки — зачем брали?

— Понимаешь, в лесу мне тревожно будет, я не знаю, смогу ли вообще заснуть, — убеждала мужа Света. Как только она представляла себе ночлег в палатке, так сразу громко стучало сердце. Глухой волной поднималось беспокойство.

— Не выдумывай, Света, что с нами случится, ведь охотники и рыбаки постоянно ночуют в лесу, и я ни про один трагический случай не слышал.

— Еще и трагический! — махнула рукой жена. Теперь точно в лесу ночевать не буду, —

она упрямо поджала губы и отвернулась.

— Жена, ты чего такая мнительная стала? Объясни, чего ты так боишься? Медведи здесь не водятся, волки летом к людям не выходят, маньяков отродясь у нас не было: это в книжках о них пишут, чтобы покупателей больше было. Ты, мать, начиталась газетной ерунды да по телевизору насмотрелась дешевых сериалов.

— Так-то оно так, все разумом понимаю, но ничего с собой поделывать не могу, какое-то предчувствие у меня плохое.

— Вот те на! Еще и предчувствий только не хватало! — Коля, успокаивая, ласково погладил жену по руке.

Света понимала доводы мужа и была с ними согласна, но сомнения не оставляли ее. С одной стороны, отпуск — это любые виды отдыха, а с другой — все неизведанное и непривычное кажется ужасным. Страх, словно рак-отшельник, то выглядывал из норки, то заползал обратно. Однако женщина чувствовала, что поддается уговорам мужа.

Коля, следивший глазами за детьми, увидел невдалеке автомат с кофе и спросил:

— Свет, тебе принести чашечку кофе? Может, расслабишься. Какой будешь пить?

— Принеси «капучино».

Муж подошел к автомату и почему-то долго с ним разбирался. Возвращаясь, он улыбался, покачивая головой.

— Чем тебя так агрегат рассмешил? — спросила удивленно жена, забирая пластиковый стаканчик из его рук.

— Представляешь, автомат, будто на паперти стоял. Выдал сдачу одной медью.

Коля высыпал на стол горсть монет, достоинством в основном в копейку, пяти- и десятикопеечные монеты. Среди них горделиво серебрился рубль, подчеркивая перед собратями свою ценность. Луч солнца упал на рублик, и появился сияющий ореол с разноцветными бликами.

Света рассмеялась, и страх неожиданно исчез, словно эти медяки разогнали его малиновым звоном. На душе стало легко и приятно, и мир вокруг показался ярким, радужным, полным радости, счастья и удовольствия.

— Слушай, Светик! — воскликнул вдруг Коля, который, прищулив один глаз, целился пластиковым стаканчиком в урну. — Я придумал!

Стаканчик упал на пол, не долетев до мишени.

— Господи! Напугал как! Что ты там еще придумал? — ворчливо откликнулась жена.

— Ты сюда слушай, — Коля опять поднял свой импровизированный снаряд и прицелился. — Я чудесно отдохнул, поэтому могу вести машину долго. Попробую подъехать как можно ближе к Москве, чтобы завтра уже быть в средней полосе. Как тебе идея?

— Если честно, то не очень, — с сомнением проговорила жена, забрала у него из рук стаканчик и выбросила в урну.

— Ну вот. Все тебе не нравится, — разочарованно развел руками Коля. — Тогда давай сделаем так: я буду за рулем, сколько смогу, а потом сверну на маленькую полянку у дороги и остановлюсь там до утра. Нам и палатку сооружать не придется, и ты успокоишься. Да и денег на кемпинге сэкономим.

— А вдруг в темноте место не найдешь хорошее, или еще что приключится! Как-то тревожно у меня на душе.

— Ну, Светка, что ты выдумываешь. Кому мы здесь нужны? Посмотри, как много туристов едет. Каких только номеров не встречали!

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — подумав, нехотя согласилась Света.

Это был приемлемый вариант. Ее муж — водитель осторожный, в неприятности связываться не станет. Место детям для сна есть, а сама она и на переднем сиденье подремлет.

Сказано — сделано. Родители позвали Антона и Варечку, которые, увлеченные игрой, не хотели уезжать. Наконец Максимовы расселись по местам, и машина тронулась в путь.

Глава 6

Толян и компания

Что разбудило его, Толик сразу даже не понял. Когда проснулся, солнце уже стояло высоко и светило в глаза прямо сквозь тонкую шторку. Он чуть-чуть полежал, намереваясь продлить сон, но понял, что не заснет. С хрустом потянулся и уже собрался встать, как услышал противный скрежет.

— Мать, ты, что ли, спать не даешь? Уходи. Не пойду я сегодня на работу, — крикнул он, не вставая с дивана, и добавил, — достало все. Надоели. Сами таким воспитали, теперь не хрен жаловаться.

Толик со злостью повернулся на другой бок, но сон куда-то пропал. Они с Юрком вчера оторвались по полной программе. Выпили много, а потом и по второму кругу пошли. У дядьки Степана, ветерана местного, день рождения был, вот он и угощал тех, кто на огонек заглядывал. Самогонка рекой лилась, а закуски не было. После бурной попойки голова обычно, как чугунный котел, гудит.

Толик поводит глазами по сторонам, но боли не было. Странно, классный, значит, первачок дядька Степан сварганил, надо еще к нему зайти. Парень сел, потряс головой, прогоняя остатки сна. Принюхался. Скривил рот, почуяв неприятный запах, но мыться не пошел: он пока не решил, чем сегодня заниматься будет.

Толик Нефедов — бездельник деревни Васильевка — здоровый и крепкий парень, точнее, мужик за тридцать, проживал молодые годы в заботах только о себе любимом. Он появился на свет случайно, когда родители и не надеялись получить такое счастье в виде сына. Старшая дочь к этому времени уже вышла замуж и уехала далеко. Мать души не чаяла в последыше и вырастила мальчонку избалованным и эгоистичным паразитом, пьющим теперь из нее кровь.

Он не хотел учиться в школе, не приобрел никакой профессии, работал по принуждению. Целыми днями пил, гулял со закадычным дружкой Юркой Смирновым, а потом отсыпался. Где деньги брал на гулянки, мать не знала. По юности вещи из дома тащил, а теперь утих: видимо, брат больше было нечего. Иногда подрабатывал в деревне, но ненадежного и злого парня никто брать на службу не хотел. В любой момент мог бросить начатое дело, да еще и поскандалить.

Устав от постоянного зудения матери, которая похоронила мужа и доживала век одна, Толик сделал себе комнату в дровяном сарайчике за домом. Сначала это был коровий хлев, а когда от животины избавились, из крепкого еще сруба решили сделать сарай. Со временем остатки навоза вычистились, запахи выветрились, в окошко вставили стекло. Получился отличный летний домик. Его облюбовал для себя Толян и каждое лето обитал там.

Старый диван, кривой круглый стол и пара табуреток, мутное зеркало на стене — вот и все убранство жилища. Никакого уюта и элементарной чистоты. Везде пустые пивные банки, обрывки промасленных с запахом рыбы газет, окурки. Иногда Толян сгребал веником грязь в угол, а Юрок потом выносил мусор. Но чаще всего эта комната походила на хлев.

Мать мучилась, но по-прежнему опекала бестолкового сына и переживала за него. Приносила еду, чтобы ненароком не отравился спиртным, стирала одежду и постельное белье. Правильно говорят, что трудный ребенок — самый любимый.

— Ты самая тяжелая моя работа, — в редкие минуты контакта с сыном говорила сыну Варвара и плакала.

— Да ладно тебе, мать, травить душу, — смущался тогда Толян и уходил к себе, чтобы залить проснувшееся вдруг чувство вины новой порцией пива.

Если бы не мать, Толик давно уже сгинул бы под забором. Самое удивительное, что он это понимал, и хоть кричал, если старая женщина его пилила, но никогда не поднимал руку и даже, бывало, прислушивался к ее словам. Может, только благодаря заботе матери он все еще оставался привлекательным для женского пола, и бабы слетались к нему, как мухи на варенье.

Зимой он часто уезжал в город к очередной своей пассии и жил за ее счет. Создать семью он не мог, как не способен был и на длительные отношения: ну, не терпел Толян ни давления на себя, ни попреков и слез. Как только новая баба начинала что-то требовать, он без сожаления бросал ее.

Однако с первыми теплыми лучами солнца, как перелетная птица, парень возвращался домой. Его визиты опять приносили горе матери и дружку Юрке, который без Толяна был слабым, но нормальным человеком: работал, как все, имел семью, по вечерам с сынишкой возился. Но как только на горизонте появлялся Нефедов, жизнь Юрки превращалась в труху. Маленький и пухлый Степанов ходил хвостиком за высоким и крепким другом, выполняя все его приказы. Даже в тюрьму один раз сел за грабеж, которого не совершал.

Толик еще раз потянулся, встал наконец и подошел к зеркалу. Оттуда на него уставилась угрюмая физиономия с черным, покрытым выросшей щетиной, подбородком, пустым взглядом и набрякшими веками. Мужик провел рукой по лицу, поскреб щетину, не зная, мыться или нет, и решил, что в понедельник надо привести себя в порядок. Взяв полотенце и бритву, он вышел во двор, где был колодец. Опрокинув ведро воды в пластмассовый таз, стоящий рядом, Толик с удовольствием побрился и вылил на голову ледяной родниковый поток. Тело покраснело и покрылось мурашками, с длинных прядей волос стекала влага. Голова волка с распахнутой пастью, выколота на руке, казалось, довольно ухмылялась. Толик по-собачьи отряхнулся, отфыркался, и солнце заиграло радугой в прозрачных каплях.

Он не знал, что за ним из-за сарайки наблюдают: восхищенные женские глаза внимательно следили за его утренним омовением. Девушка присела на траву, приоткрыв от возбуждения рот: капля слюны побежала по подбородку и сорвалась на светлую футболку с рисунком сказочного города на груди.

Парень вернулся в комнату, мрачно осмотрел неприглядное жилище. Чистому телу было противно прикасаться к грязи, хотя еще полчаса назад его это вовсе не волновало. Схватив веник, он стал яростно выметать из углов. Покончив с наведением порядка, развернулся, чтобы пойти в дом и перекусить — и снова услышал скрежет.

— Мать, заходи, я не сплю, — крикнул он, но дверь никто не открыл. — Что за ерунда. Кого там черти носят?

С этими словами парень выскочил из сарайки. Никого не было... Он зло пожал плечами, хотел плюнуть, но вдруг понял, что скрежет доносится со стороны маленького окошка. Тихо обогнул здание и увидел: в комнату заглядывает девушка.

— Ну и кто сегодня мне выспаться не дает? — грозно рявкнул он прямо над ее головой.

Сгорбленная фигурка вздрогнула и резко выпрямилась, угодив затылком в нос наклонившегося Толяна. По двору разнесся отборный мат, а девушка, откинув распущенные волосы, весело рассмеялась.

— Да ладно, тебе, Толян, не узнал меня, что ли?

— Теперь узнал. Чего подглядываешь, зараза? Постучать в дверь не можешь, как обычные люди делают? — еще сердясь, спросил Толян и потер ушибленный нос.

— Подглядывать намного веселее. Ты такой смешной, когда спишь.

— Ага. Смешной. Нашлась шутница. Говори, Надюха, чего хотела?

— Пошли на Лесное. Я водку купила, пиво, закусь. Посидим, как раньше, искупаемся, с жизни поговорим.

— На озеро говоришь? — парень задумался, но потом вдруг что-то вспомнил. — Стоп. А ты вообще откуда взялась? Баба Аня говорила, что ты болеешь, в больнице лежишь.

— Слушай бабку больше. Она и не такое расскажет. Я у матери в городской квартире жила. Вот в деревню приехала и сразу с тобой повидаться захотела, — при этих словах девушка захихикала, видимо, тоже что-то вспомнив.

— И зачем ты мне нужна? Не хочу я с тобой никуда ходить, одна головная боль от тебя, Надюха, — окрысился Толян, — убирайся с моего двора, я еще от вчерашнего не отошел.

— Вот и опохмелишься. Голову поправишь. О! Вот и Юрок уже идет.

Со стороны дома к сараю приближался дружок Толика. Он быстро перебирал короткими ногами и немного задыхался.

— Юрок, куда так спешишь? Собаки за пятки хватают?

— Да нет. Не хотел, чтобы тетя Варя меня увидела: опять ругаться станет, что я тебя спаиваю.

— Мать, как всегда, в своем репертуаре. Все ее бедному сыночку вредят, — усмехнулся горделиво Толян, и потом обратился к дружку:

— Слушай, Юрок, видишь, Надюха приехала. Она предлагает на озеро сходить, проветриться.

— Я тебя приглашала, а не его, — девушка так ткнула пальцем в пивное брюшко Юрка, что тот согнулся пополам от боли. — Ты что, с этим самоваром идти хочешь? Забей! Пошли вдвоем!

— Как знаешь, Надюха, а один я с тобой никуда не пойду. Или берем Юрка, или остаемся дома. Кстати, сколько там на часах натикало?

Юрок растерянно перевел взгляд с одного на другого, достал телефон и посмотрел на циферблат.

— Уже час дня. Ты сегодня много спал, Толян, и, может, никуда не пойдём? Вчера здорово посидели, сегодня отдохнуть надо.

— Согласен. Никуда мы, Надюха, не пойдём, у нас другие дела имеются. Да и времени много, пока соберемся, солнце скроется.

Но избавиться от Надюхи было не так просто. Если задумала что — не уступит. Дружки это прекрасно знали.

— Не успеет, — ответила Надя и нахмурилась, услышав крик бабушки, разыскивающей ее. — Вот же вредная старуха, я только на десять минут из дома вышла. Нет, ребята, ничего не знаю. Пойдем. Сейчас сбегу от бабки и сразу к вам. Ждите меня. А если уйдете, я вам такую райскую жизнь устрою, мало не покажется.

Карие глаза Надежды потемнели, милое лицо исказила гримаса злости, оно стало

страшным. Бедный Юрок вжал голову в плечи и часто заморгал, чтобы не встретиться с девушкой взглядом.

— Иди уже. Слышишь, бабка зовет, — шлепнул ее по плечу Толян и направил в сторону соседского забора, где была дыра.

— Толян, может, не пойдём никуда? — несмело повторил Юрок. С ней даже связываться страшно. Знаешь ведь, что она в последний раз учудила.

Толян усмехнулся, покачал головой, потому что хорошо помнил тот случай. Именно Надежда предложила ограбить ларек в соседней деревне, когда им не хватило денег на выпивку. Они пошли просто так, ради хохмы, без плана, без снаряжения, даже сумку с собой не взяли. Пьяное сознание толкало на подвиги.

Окна ларька были закрыты деревянными ставнями, а не металлическими, как принято сейчас. Толяну хватило одного движения, чтобы сорвать старые доски. А остальное было делом техники. Бросили камень — окно брызнуло стеклянными осколками. Шустрая Надюха залезла внутрь, схватила водку, закуску — и ходу! Сигнализация, конечно, сработала, но незатейливая операция заняла пять минут. Толян с Надюхой быстро убежали, а коротконогий Юрок, стоявший на стреме, растерялся. Пока соображал, что надо ноги делать, полиция его и взяла. Вот так Юрок оказался в тюрьме. Срок получил маленький: только за порчу имущества. Награбленного добра у него не нашли, но биографию изгадили. А все эта девка виновата!

Сколько раз Толян говорил себе: надо держаться от нее подальше, но все равно попадался на ее уговоры.

Ждать Надежду пришлось долго: чуть ли не два часа не могла она усыпить бдительность бабушки и сбежать из дома незамеченной. Понимала, что по доброй воле баба Аня ее ни за что не отпустит.

Вышли на пикник значительно позже. Толян вдруг подумал, что одной Надюхиной бутылки будет мало, и предложил зайти в деревенский магазин. Здесь тоже пришлось подождать, так как продавщица ушла на перерыв.

Пока топали к озеру, парни молчали, веселилась только Надежда. Она то вприпрыжку убегала вперед, то крутилась вокруг друзей, пытаясь привлечь к себе внимание, и напевала песенку.

Толик вспомнил, как познакомился с девушкой. Он оканчивал школу, когда впервые обратил на нее внимание. Надя была внучкой бабы Ани из соседнего двора, тогда еще маленькой, длинноногой, визгливой и смешной. Часто девчонка выдергивала гвоздь из заборной доски и перелезала во двор к Толяну. Она хвостиком бегала за друзьями, подглядывала, подслушивала, придумывала изощренные пакости, доводя парней до белого каления. Не раз они пытались поставить на место шустрюю девчонку, но та жаловалась бабе Ане, которая, не разбираясь, бежала на защиту родного птенца и ссорилась не только с дружками, но и с Варварой, матерью Толяна.

Потом Толян уехал учиться в ПТУ, а когда вернулся, Надя уже жила у матери в городе. Следующая их встреча произошла через несколько лет, в Васильевке. Когда они столкнулись в магазине, парень Надю не узнал. Сопливая девчонка, как в сказке, из гадкого утенка превратилась в чудесного лебедя. Блестящие длинные волосы, теплые и смешливые карие глаза, один из которых немного, но мило косил, стройная фигурка, высокая грудь — весь облик девушки чуть не сбил его с ног, чуть не заставил влюбиться. Вот только характер остался прежним... Стоило Надежде открыть рот, как очарование пропало, испарилось без

следа. Пред ним была та же шальная девчонка, каждую секунду готовая творить гадости окружающим.

Не было ни одной встречи, которая бы не закончилась плачевно. Надежда — просто мастерица на гадкие выдумки. Однажды она принесла лягушку и предложила посмотреть, что у нее в животе. Парни плевались и гнали подругу прочь, но остановить девчонку не могли. Она разрезала лягушку сама и вернулась к ним, чтобы показать результат. Бедного Юрка тогда вывернуло наизнанку. Вообще, если он видел издалека Надюху, то старался свернуть на другую улицу, чтобы не пересекаться.

Иногда тройца выезжала из деревни, чтобы погулять в районном центре. Любимым развлечением Надюхи был «дорожный экстрим» — так она называла это приключение. Девушка выбегала на проезжую часть, останавливалась на шоссе среди потока машин и покрывала бранью проезжающих автомобилистов. При этом она обожала делать резкие движения в сторону, заставляя испуганных водителей покрываться липким потом и резко бить по тормозам. Ей все было как с гуся вода. И только бабушка видела в Наде послушную внучку, замечательную помощницу и ласковую девочку. Практически вырастив Надюху, бабушка не догадывалась, что ее внучка — двойственная натура. А может, и догадывалась, только никому не рассказывала!

Вот и теперь: они шли к озеру, а Толян гадал, чем обернется их поход.

Глава 7

Сегамачо

Зеленый уазик Котыча, стоявший у него в гараже с незапамятных времен, после десяти минут пыльной деревенской дороги выбрался на трассу и весело побежал вдоль хвойного леса. Солнце почти скрылось за горизонтом. Последние лучи еще золотили верхушки елок и сосен, но низ деревьев уже погрузился во тьму.

Сегамачо опустил стекло и с наслаждением вдыхал чистый и чуть влажный ветерок, который дул в лицо и развеивал остатки былых кудрей. Свежий воздух всегда ассоциировался у него с радостью и свободой, желанием делать то, что хочется, без контроля и упрека. Дома, находясь постоянно под недремлющим оком жены, он чувствовал иногда, что задыхается. От полного отчаяния его спасали такие вот выезды с Котычем на ночную рыбалку. Иногда, как участковый оперуполномоченный, он бывал в районном центре, где начальство устраивало семинары или учебы. Но и там расслабиться было нельзя: клетка другая, производственная, запиралась надежно.

— Котыч, как здорово! Я и не надеялся, что получится у Наташки отпроситься.

— Да, ты долго не звонил, я уж и ждать перестал, думал, что рыбалка накрылась медным тазом.

— Не поверишь, но с каждым разом все труднее становится отпрашиваться. Натаха такая пугливая теперь стала. Все ей опасности на моем пути чудятся, караулит, словно маленького ребенка.

— А что ты от нее хочешь? Она за год похоронила обоих родителей, сестру. Плюс дети разъехались кто куда. Ты у нее один остался, вот и печется сверх меры.

— Согласен с тобой, знаю, что она боится новых потерь. Но так тоже нельзя. Наташкина опека у меня уже поперек горла стоит, задыхаюсь. Не поверишь, а все чаще молодость вспоминаю. Как мы тогда отрывались! У-у-у...

— Ну, что ж, дружище. Полетал соколом, теперь гусем походи, фамилия твоя такая, — пошутил Котыч и рассмеялся.

— Да ну тебя, — махнул рукой Сегамачо, но задался вопросом, почему его так сильно тянет на рыбалку.

Назвать себя азартным человеком он не мог: не было у него тяги ни к алкоголю, ни к куреву, ни к играм. А наркотики вообще не пробовал, хотя, бывало, арестовывал наркоманов и изымал у них то порошок, то таблетки, то травку. Не привлекала его и охота: в их районе зверей уже не осталось, жалко было ради сомнительного наслаждения уничтожать последних. Великий улов домой тоже не привозил, так, кошке на уху, как с усмешкой выражалась Наталья. Зато выехать изредка с Котычем на природу, почувствовать эту ни с чем не сравнимую свободу, надышаться ею, наполниться под завязку красотой ему было необходимо, как воздух.

Да и как не любить эти места! Одно Лесное чего стоит. Из-за илистого дна вода в озере была зеленоватой, но чистой, как прозрачное стекло. Озеро не отличалось завидной глубиной и было открыто всем ветрам, но любой заезжий турист, рыболов или охотник могли насладиться игривыми волнами, набегаящими на заросший берег, и подышать свежим воздухом. А уж о живности, водившейся на этих берегах и в этих водах, и говорить нечего! В общем, тут тебе и рыбалка классная, и отдых. Правда, теперь развелось туристов — море. Никуда от них не скрыться.

Сегамачо тяжело вздохнул и неуклюже повернулся к другу. Сиденье под ним угрожающе закрипело. Кроме худого Костика, никто не помещался в машине на соседнем с Сергеем кресле. Даже стройная Наташа садилась сзади, чтобы не чувствовать дискомфорт.

Костик невозмутимо вертел баранку и что-то тихонько напевал себе под нос.

— Котыч, куда все-таки поедем? На Лесное?

— Посмотрим. Может, к старику Петровичу на заимку махнем? Он все тайные тропы знает и там пройдет, где никто не сможет.

— Так с ним надо было заранее договариваться. Позвонить ему нельзя, а сам он в поселке уже с зимы не показывался.

— Странно, не случилось ли чего?

— Да кто его знает. Но зимой дед еще крепкий был, видел его в магазине.

— Нет, к старику не поедем. Давай куда сами планировали. А можно и до водохранилища доехать. Там тоже рыбалка знатная.

За окном автомобиля стало совсем темно. С разговором не заметили, как свернули на боковую дорогу. Ехали по ней еще пару километров, а потом колеса уже зашуршали по грунтовке. По сторонам разлетались мелкие камни, щелкая по днищу машины. Темные деревья стояли близко к дороге. Когда их длинные ветки задевали стекла, друзья вздрагивали от неожиданности.

— Теперь, дружище, держись, вот-вот такая дорога начнется — мама не горюй.

— А то я не знаю. Хочешь, расскажу анекдот?

Сегамачо чувствовал он себя неуютно. Если бы выехали рано, уже на месте палатку ставили бы. В кромешной тьме и рыбачить не захочешь. Пока устроятся, костерок разведут, всю ночь будет. С одной стороны, классно. Поздняя рыбалка самая удачная, а уж после северного ветра, который задувал вчера весь день, вообще здорово. Но с другой — жутковато.

— Рассказывай, еще не меньше получаса трястись будем, — согласился Котыч.

— Приехала в автомастерскую на роскошной машине девушка. Видит механик, что эта девица ну как есть настоящая блондинка, и решил над ней подшутить.

— Сеньорита, разве можно на такой машине ездить! — возмущенно воскликнул он.

— А что случилось? — испугалась блондинка.

— У вас до сих пор в шинах зимний воздух закачан.

— Правда, а что надо делать?

— Надо его поменять.

— Хорошо, меняйте, а сколько доплатить?

— Да сколько не жалко. Ну и какой вам воздух: с запахом малины, клубники или цитрусовых?

— С запахом клубники давайте.

Сказано-сделано. Блондинка деньги заплатила и уехала. Мастерская, наблюдая за этой картиной, умирала от смеха. На другой день вваливается в гараж здоровенный мужик, цепями золотыми обвешанный.

— Ну и кто тут моей Ляльке в шины воздух с запахом клубники накачал? — пробасил он, а сам здоровенную такую лапищу в карман сует.

Шутник из-за машины вышел, опустил плечи, и приготовился попрощаться с жизнью. Его дружки и вовсе по углам разбежались.

— Ай да молодец! Я как узнал про воздух с запахом клубники, чуть со стула не свалился. Держи, родной, насмешил от души, — мужик вытащил из кармана пачку денег и протянул механику. — Давно такой ржачки не было, молоток!

— Классный анекдот, я его еще не слышал, — расхохотался Котыч и повернул голову к Сегамачо. Друг сидел, неловко повернувшись к нему спиной. Он пытался что-то разглядеть в заднее стекло автомобиля.

— Серега, ты что замер? Лису увидел?

— Костян, притормози у обочины, кое-что проверить надо, — озабоченно проговорил Сегамачо.

— Что в темноте проверять собрался? — Котыч, не придавая значения просьбе друга, продолжал путь.

— Стой, говорю. Там, в кустах, кто-то лежит.

— Кто лежит? — не понял друг, но на всякий случай притормозил и съехал на обочину.

— Не знаю. Я видел: что-то белое мелькнуло и пропало.

Котыч обернулся назад, тоже стал вглядываться в темноту, но ничего не разглядел, поскольку видимость ухудшали кусты.

— Нет, тебе показалось.

— Конечно, как ты увидишь. Вон сколько уже проехали. Вернись немного назад и остановись.

— Вот мент неугомонный. Может, турист какой-нибудь из окна пакет с мусором выкинул, — сердито произнес Костик, но просьбу Сегамачо выполнил: снова завел мотор и стал тихонько, не разворачивая машину, сдавать назад.

— Да, нет. На пакет не похоже. Это что-то крупное. Знаешь, у меня только что безумная мысль появилась.

— Какая?

— Мне показалось, что на обочине баба лежит.

— Баба? Откуда ей здесь взяться? До трассы километров пять будет, не меньше.

— А я почему знаю. Ты когда фарами правые кусты осветил, я и увидел что-то странное, вроде белых ног.

— А почему баба, а не мужик? Или ты лицо разглядел?

— Смеешься, что ли, как я увижу лицо, если голова в кустах спрятана? Возможно, и мужик. Только мужик в штанах бы был, а тут ноги голые.

— Логика железная. За одну вспышку увидел на обочине предмет, сообразил, что лежит человек, и доказываешь, что это — женщина.

— Хватит спорить. Выходи, посмотрим. Вдруг покойница! — в Сегамачо заговорил участковый.

— Серега, мы ж на рыбалку поехали, давай нашими делами и будем заниматься, — предложил осторожный Котыч. — Даже если и труп там, что ты сделаешь. Связи здесь нет, за помощью надо к центральной трассе двигаться или еще куда.

— А если баба живая, а мы ее в лесу бросим? Всю жизнь ведь потом себя корить будем за то, что не оказали помощь. Давай посмотрим.

— Да чтоб тебя! — выругался Котыч, открыв дверь машины. — Пошли, правильный ты мой.

Достав из багажника фонарик, они двинулись к кустам. В придорожной траве действительно кто-то лежал. Как Сегамачо его заметил, совершенно неясно. Узкий луч света выхватил сначала белую футболку, затем лицо, закрытое прядью волос. Котыч опустил фонарь ниже и невольно отпрянул...

Глава 8

Толян и компания.

Время пролетело быстро. Казалось, только что вышли из деревни, свернули на трассу, а дачный поселок уже позади, и между деревьями мелькает желтый песчаный берег. Приятели огляделись. Место было хорошее. Здесь дачники расчистили берег и дно озера, насыпали золотистый песок. Получился уютный пляж, где отдыхали не только сами строители, но и жители местных деревень.

На берегу сидели две компании. Первая — из пяти парней — расположилась близко к воде. Это были еще совсем зеленые юнцы: один обрит наголо, другой горделиво демонстрировал тощее тело, усыпанное татуировками, у третьего в ушах зияли дырки, окаймленные черным ободком. Еще двое лежали, и Толян не успел их хорошенько рассмотреть. Чуть поодаль, в кустах, стояли их мотоциклы, увешанные блестящими штучками.

— Неформалы, что ли? Мелочевка, — презрительно хмыкнул Толян, сплюнул сквозь зубы и потерял к ним интерес. В его представлении это были и не люди вовсе, а так, тараканы. Развелось нынче много всяких уродов, которые сами нормально не живут и другим не дают.

Вторая компания была самой обычной. На расстеленном покрывале сидела парочка. Молодой человек активно фотографировал симпатичную подружку, а та позировала, принимая завлекательные позы. Они приехали на машине, синий бок которой торчал из кустов, а остальное было скрыто в тени.

— Куда пойдём? — спросил осторожный Юрок и потянул друзей подальше от незнакомых людей. Он знал, что с пьяным Толяном и непредсказуемой Надеждой они запросто влипнут в неприятности.

— Я хочу в центре сидеть, — заявила Надежда и резко повернулась на месте. Бордовая юбка-солнце разлетелась, открывая стройные белые ноги без капли загара.

Группа парней сразу сделала стойку. Татуированный ткнул в бок тех, кто лежал. Теперь

компания неформалов смотрела только на Надюху.

— Девушка, идите к нам. Бросайте ваших стариков. Что вы с ними забыли? — позвал длинный парень с лысой головой, — один — хрыч потрепанный, другой — бройлер. И зачем красавице с такими опоссумами тусоваться.

— Прикалываешься? А что, я могу, — развеселилась Надежда, косым глазом поглядев на Толяна, — но не боишься, цыпленочек, что вашу водяру выхлебаю?

— Так еще купим, нет проблем. Бабла хватает.

Что это за чудовища, опоссумы, Толян не понял, но на всякий случай решил обидеться.

— Тебе, пацан, что, на жизнь насрать? Или пятками быстро сверкать умеешь? — злобно пошел он в атаку. — Голдами обвешался и крутым стал? И, ваще, ты кого опоссумами назвал? Повтори. Я не втыкаю.

— Что вы, что вы! — захихикал лысый и подмигнул дружкам, которые лениво наблюдали за перепалкой. — Мы же просто так предложили, по дружбе. Не хотите, так не надо, — поднял он руки в знак примирения и постарался сгладить ситуацию.

И все же у Толяна осталось неприятное ощущение: над его невежеством только что постебались малолетки.

— То-то, клизма, знай свое место.

— Чао, персики, дозревайте, — захохотала и Надюха, снова крутанула юбкой, сверкнув теперь не только ногами, но и ягодицами.

— Я знал, что нельзя Надюху с собой брать, — застонал Юрок и в отчаянии закатил глаза, — не даст она нам вволю посидеть.

Уже отойдя на несколько шагов, Толян услышал, как сзади один из малолеток сказал:

— Санек, что ты с гопниками связываешься? Тебе это надо?

— Прикольно же, да и девка с ними шальная, развлечься можно.

Толян дернулся, как от удара, и хотел уже повернуть, но Юрок схватил его за руку и потащил на край пляжа, подальше от людей. Пристроились они ближе к лесу, на лысине, как сказал Толик. Юрок развернул покрывало, которое прихватил из комнаты Толяна, достал выпивку, закуску — и понеслось...

Через час приятелям было весело. Надюха сначала сидела в одежде, потом ей стало жарко, и подруга предложила сыграть в карты на раздевание. Почему бы и нет? Парни условия приняли. Играли сначала втроем, пока Юрок еще мог, потом остались вдвоем с Толяном. Проигрывала в основном девушка и вскоре осталась в одних трусах.

— Хватит, пошли купаться, — бросила Надя Толику, и, сорвавшись с места, побежала к озеру.

— Ты куда, дура? — хотел остановить ее Толян, но было поздно.

Надя влетела в воду, визжа тоненьким голоском, как молочный поросенок, которого тянут за хвост и не дают вырваться на волю.

— Толян, Юрок, идите в воду! Так классно!

Вернувшись к месту пикника, возбужденная девушка стала тянуть парней за руки. Толян швырнул ее на покрывало.

— Сядь, ненормальная! Ты куда в таких трусах? Смотри, задница голая.

— Это не трусы, а стринги. Ничего ты в моде не понимаешь, Толян.

— Мне плевать, как это называется. Не видишь, что на тебя мужики пялятся?

— Кто? Где? Эта мелюзга, что ли? Так пусть смотрят, жалко, что ли. Задница красивая, — захохотала Надежда.

Вскочив с места, она начала плясать какой-то одной ей известный танец. Ягодицы ходили ходуном, полные груди колыхались, шелковистые волосы развевались, то закрывая, то открывая лицо, глаза возбужденно блестели. Из-под ног вихрем взлетали фонтанчики песка... Это была уже не Надюшка, а какой-то древний демон в женском обличье!

Толян невольно залюбовался ею: «А, пусть ее. Ну, развлечется чуток Надюха, что с того?»

Он не заметил, что дыхание стало частым, сердце в груди бешено заколотилось, мышцы напряглись. Когда же почувствовал шевеление между ног и увидел эрекцию, то даже испугался: «Фу, зараза, околдовала. Свят, свят, не допусти с Надькой спутаться!». Он отвернулся, чтобы прийти в себя, и ринулся к озеру.

Холодная вода остудила пыл, помогла сбросить возбуждение. А Надюха продолжала «танцевать»... Обе компании замороженно смотрели на нее. Толян увидел, что парень, расположившийся с подругой, фотографирует девушку.

— Это что еще за хмырь? — выругался он и сплюнул. — Эй, мужик, ты что делаешь?

— Вы мне? — спросил молодой человек.

— А кому же еще? Убери фотик, или я его разобью.

— Это ваша девушка? Но, кажется, она не возражает, что я ее фотографирую.

Надюха стала еще больше выгибаться то так, то этак, то наклонялась и смотрела на людей между ног, не испытывая никакого стыда.

— Мне плевать, что ей нравится, а что нет. Я сказал, чтобы перестал фоткать! — кричал Толян из воды. — Юрок, посади Надьку! Хватит ей булками вертеть перед носом у мужиков.

Юрок попытался встать, но плашмя упал лицом на песок, поскоблил ногами и затих. Надюха с хохотом бросилась его поднимать, старательно выпячивая аппетитный зад, показывая его прелести и завлекательно качая пышной грудью. Кое-как усадив тяжелого дружка на одеяло, она снова побежала купаться. Парень, фотографировавший ее, даже привстал, чтобы выбрать ракурс получше. Он уже не реагировал ни на угрожающие крики Толяна, ни на просьбы своей девушки. Для Толяна это стало последней каплей, он выскочил из воды и кинулся со всех ног к молодому человеку.

— Ах, ты... — понеслась длинная цепочка виртуозных матов, — ты, г...к, меня не слышишь, что ли?

В прилипших к телу семейных трусах он подлетел к парню, вырвал фотоаппарат, и не успел тот охнуть, как плюх! — и камера оказалась в воде.

— Ты, дядя, с дубу что ли рухнул? — накинулся он с кулаками на Толяна, но ударить не успел.

Нефедов хоть и был уже прилично пьян, однако на ногах держался еще крепко. Увернувшись, он нырнул вниз под руку молодого человека и пошел на таран. От удара в живот тот отлетел на несколько метров, но тут же вскочил на ноги и стал приплясывать возле Толяна, выбирая удобный момент для нападения. Защитник Надежды никакими приемами не владел, зато имел силу быка и умел ловко уворачиваться от удара. Мышцы молодого тела от постоянных попоек еще не атрофировались и «рвались в бой». Изловчившись, Толян ударил соперника ногой, а когда тот споткнулся, дал волю длинными руками... и пошел-пошел махать ими, как мельница.

Соседняя компания вскочила на ноги, но ввязываться в драку не стала. Просто издалека наблюдала за двумя петухами, не поделившими курочку, и возбужденно переговаривалась. Пьяный Юрок сидел, не в состоянии помочь другу, махал рукой и икал, бормоча себе под

нос:

— Толян, ик, ты слева заходи, ик. А теперь ногой его, ик, хорошенько дзинь. Ой, ик, двинь.

После такой «заикистой» речи его вывернуло прямо на песок, и он мгновенно заснул.

Надежда просто заливалась смехом. Ей нравилось наблюдать, как детинушки молотят друг друга: удар — и из-под локтя соперника вынырнула взъерошенная голова Толяна с заплывшим глазом; поворот, новый удар — и синяк уже у врага.

Девушка фотографа тоже активизировалась: бросившись защищать друга, она разъяренной кошкой прыгнула на спину Толяна и кулаками стала мутузить по чему попало. Тут не выдержала и Надежда.

— А ну, с...а, убери руки от моего другана! — заревела она и серебристой щучкой в облаке брызг вылетела из воды.

Дальнейшее представляло сцену боев без правил. Надюха вцепилась девушке в волосы и потащила ее в сторону. Та, в свою очередь, в долгу не осталась, намотала длинную прядь соперницы на руку и стала дергать изо всех сил. Защитница Толяна взвыла от боли и, падая, ухватилась за верх купальника соперницы. От резкого движения застежка отлетела, бюстгальтер свалился..., и мир увидел крохотную грудь с большими дулями сосков.

Наблюдавшая за дракой компания невольных болельщиков лежала на песке от хохота. Неформалы наперебой выкрикивали обидные реплики.

— Девушка, вам операцию делать надо.

— Неужели такие прыщики грудью зовутся?

— Купи себе пуш-ап побольше.

— Красотка, где сиськи потеряла?

Остановились на секунду и дерущиеся мужики, гадая, что дальше делать: продолжать бой или спасти своих подруг. Азарт борьбы спал так же быстро, как и начался.

— Валюша, заканчивай. Отпусти эту сумасшедшую, — крикнул девушке парень-фотограф.

Однако оскорбленная тем, что ее выставили на посмешище, Валюша вошла во вкус и, ухватившись за Надины стринги, рванула их на себя. Трусики слетели, как будто их и не было. И тут соперницы растерялись. Одна стояла в трусах от купальника, но без верха, держа разорванную тряпочку, а вторая была голой.

Все замерли. Немая сцена почти «по Гоголю»!

Через секунду картинка ожила. Надежда вырвала обрывки трусов из рук противницы... и начала хохотать. Вале бить смеющегося голого врага явно расхотелось. Она посмотрела вокруг, тихонько прыснула, а потом, прижав руки к обнаженной груди, засмеялась в голос.

Мужчины переглянулись и тоже решили миром закончить поединок: уж очень комичная была ситуация. Парень не стал выставять претензии из-за утонувшего фотоаппарата, а просто пошел в воду, чтобы найти его на дне Лесного, благо озеро у берега мелкое. Толян постоял секунду, понаблюдав за Надюхой и двинулся ему помогать. Фотоаппарат достали из воды, извинились и разошлись с миром. Проходя мимо компании пацанов, прищкнули.

— Все, концерт окончен, — рявкнул Толян и сделал вид, что сейчас наподдаст кому-нибудь из малолеток. Сидевший с краю Лысый даже невольно отпрянул.

— Не брызгай, фраерок, я сегодня добрый, — добавил довольный Толян и потер подбитый глаз.

Соперник его поддержал:

— Чего вылупились, мажорчики? Глазенки прикройте, пока имеется, чем смотреть, да слюнку втяните — голых девок не видели? Занимайтесь личными проблемами, а в наши не лезьте.

Парни переглянулись, но связываться с мужиками не стали: себе дороже. Хотя могли побороть драчунов количеством и наглостью,

Надюху Толян попытался заставить одеться, но той все еще нужны были зрители. Она то выбегала на песок, натягивая на себя футболку и сияя белым задом, то снова пряталась. Когда парень чуть ли не силой справился наконец с неугомонной девкой, его спина лоснилась от пота. Разорванные трусики он хотел выкинуть, но Надя не дала: повязала обрывки на руку и восхищалась ими, как драгоценным браслетом.

Девушка явно провоцировала компанию молодежи. Пробегая мимо, крутила юбкой так, что видно было голое тело до пояса. Потом оглядывалась и показывала парням язык. Или пела песенку, которую, видимо, придумала на ходу. Толян понял, что остановиться девушка уже не может, потому что песенка была очень странной. Он догадался об этом, когда увидел вытаращенные глаза парней:

Я, Надюха-попрыгуха,
Откушу тебе два уха,
А потом отрежу нос,
Чтоб пробрал тебя понос.
Выколю твои глазенки,
Чтоб не видел фотоленки.
И зашью жгутами рот.
Я лесновский живоглот.

— Ну, выпросит сегодня девка на пряники, — бурчал Толян, чувствуя, как снова растет возбуждение и напряжение в паху, — надо уходить, пока еще чего-нибудь не случилось.

Но отвлечь Надюху от ее потехи было невозможно — она как будто с цепи сорвалась. С трудом выдержал он еще полчаса, подождал, пока Юрок проспится, а затем, оставив домашнее покрывало лежать на песке, силком потащил друзей в обратную дорогу. Он, конечно, предполагал, что пьяная Надежда доставит серьезные неприятности, но если бы знал, что случится с ними в эту ночь, никогда бы не покидал комнату в сарае.

Глава 9

Сегамачо.

— Что там, что? — забеспокоился Сегамачо, который из-за спины друга ничего не успел рассмотреть.

— Серега, глянь.

Котыч опять навел фонарь на незнакомку, и его друг увидел распахнутые, как для соития, голые бедра с темным, блестящим влагой треугольником посередине. Бордовая юбка была закинута на грудь женщины. Трусы белели рядом.

— Серега, что это? — дрожащим голосом спросил он друга.

— А я почему знаю. Проверь, дышит или нет.

Котыч наклонился ниже, и в нос ему ударил сильный запах алкоголя. Он протянул руку к шее, чтобы потрогать пульс. И тут женщина, открыв глаза и посмотрев на мужика, как ему показалось, вполне осознанно, вдруг заорала на весь лес:

— Черный во-о-рон, черный во-о-рон...

Мужики подскочили, как ужаленные.

— Что за..., — выругался с перепугу Котыч и уронил фонарь. Тот покатился в кювет, оставляя светлый след, а затем погас. Они остались в крошечной тьме.

Женщина все кричала и размахивала руками, потом со стуком уронила их на землю и опять затихла.

— А чтоб тебя! — выругался снова Котыч. — Вот ведь как напугала, зараза, — он присел и стал шарить в траве.

— И не говори! Думал, в штаны тут же наложу, так передрефил, — поддержал его Сегамачо, пытаясь найти фонарь с другой стороны. Рука его неожиданно наткнулась на теплое женское бедро. Он провел ладонью немного выше, коснулся пальцами кучерявых волос, и его сознание как будто взорвалось.

Что случилось дальше, он так и не понял, одно только крутилось в мозгу: если сию минуту он не поймет эту пьяную бабу, непонятно, как оказавшуюся ночью в лесу, то просто сойдет с ума. Он стал лихорадочно расстегивать ремень.

— Ты что делаешь?! — в ужасе воскликнул Котыч. — Совсем ума лишился?

— Костян, отстань. Она все равно ничего не соображает, — захлебываясь слюной, шептал Сегамачо, стаскивая с ягодиц штаны. Он снял с головы кепку, вытер ее влажный треугольник, краем сознания вспомнив о гигиене, и с коротким всхлипом вошел в теплое лоно женщины.

Все закончилось через две минуты. Помутнение как началось, так же быстро и прошло. Сергей Иванович, пожилой уважаемый человек, деревенский участковый, неуклюже поднялся с земли и, боясь взглянуть на друга, стал одеваться и отряхиваться.

Котыч молча смотрел на него и не верил своим глазам. Он вообще отказывался верить в то, что произошло на обочине. Все было так неожиданно и стремительно, что ничего сказать или сделать он не успел.

— Ну что уставился? — сердито проворчал Сегамачо. — Кто-то ее уже до нас оприходовал. Я не первый. У тебя сто лет уже бабы не было. Давай, пока есть возможность.

— Я не ты, так сорваться не могу. Я брезгливый. А ты, Серега, молодость вспомнить решил, когда не пропускал ни одной юбки? Тебе не противно?

— Теперь противно, а пять минут назад будто переклинило, — он на секунду замолчал, потом продолжил. — Ладно, прекращай меня воспитывать, волосы на себе рвать точно не буду, их и так уже не осталось.

Пылкий порыв улетучился, яростно бьющееся о грудную клетку сердце успокоилось, и начало приходить осознание сделанного, а с ним и чувство вины. Сегамачо наклонился, чтобы поднять брошенную кепку. Он посмотрел на нее удивленно, постучал о колено, желая стряхнуть прилипшие стебельки, и отшвырнул подальше. Потом нагнулся к женщине, натянул юбку на колени и, убрав прядь с лица, стал похлопывать по щекам, чтобы привести в чувство.

— Серега, ты что делаешь?

— Сам не видишь, что ли? На дворе ночь, баба лежит посреди леса, в любую сторону несколько километров до первого жилья. Надо тетку поднять на ноги. Не бросать же ее здесь.

— Мы так с ней полночи провозимся.

— Котыч, я, разумеется, сволочь последняя, что воспользовался беспомощностью бабы. Но ты не лучше меня. Ты предлагаешь ее в лесу оставить?

— Хорошо, мы ее заберем. А куда потом денем?

— Давай отвезем к какой-нибудь базе отдыха: там, среди людей, не пропадет. А в лесу еще неизвестно, что с ней будет.

Котыч нехотя согласился. Он поднял двумя пальцами грязные трусы и хотел натянуть их на ноги женщины, но увидел, что они разрезаны посередине. Он стоял и растерянно смотрел на две половинки, оказавшиеся в его руках.

— Какая-то мразь, похоже, ее изнасиловала.

От слова «мразь» Сегамачо дернулся, как будто его ударили. Он знал, что до конца жизни не простит себе этой неожиданной слабости, но повернуть время вспять уже не мог. Чтобы убрать дурные мысли из головы, он ринулся к машине и открыл заднюю дверь. Воротившись на обочину, схватил женщину под мышки: к ногам боялся прикоснуться. Все еще ошарашенный Котыч молча подцепил ее за лодыжки, и они подняли женщину с земли. От резкого движения юбка незнакомки опять поехала наверх, оголив светлую кожу. Сегамачо судорожно сглотнул.

— Котыч, держи ноги ровнее.

— Не командуй, как могу, так и держу.

Они донесли ее до машины, положили на заднее сиденье. Котыч снова натянул юбку на ноги незнакомки. Потом сбегал за трусами, которые бросил на землю. Поднял их палочкой, посмотрел и отбросил в кусты.

— Куда повезем? — глухо спросил Константин, садясь за руль.

— По той дороге, откуда на грунтовку сворачивали, я видел там одну базу отдыха. Вернемся назад и оставим ее у забора. Охрана и камеры слежения там есть, кто-нибудь обязательно заметит.

— Так ведь и нас заметят. Еще решат, что это мы с ней такое сотворили. От этих слов Сегамачо опять стало плохо.

— Тогда близко подъезжать не будем. А вообще-то не знаю. Сориентируемся на месте.

Котыч с трудом развернулся на узкой дороге, узик опять трясло по камням и песку, пока машина не оказалась на асфальте. Действительно, через пару километров показался забор санатория.

— Костян, тормози, надо осмотреться. Если оставим ее здесь, до ворот далеко, охрана не увидит.

— А куда пойдем?

— Может, пронесем ее вдоль забора поближе?

— Нет, это не вариант.

Они склонили головы друг к другу, пытаясь найти верное решение, и не заметили, что женщина за их спинами уже не спала. Она лежала тихо, открыв глаза, и слушала разговоры мужчин. Взгляд ее еще не был осмысленным, но и алкогольный угар полностью уже не владел ее сознанием.

— Мужики, есть водичка? — хрипло спросила она.

От раздавшегося за их спинами сиплого голоса друзья невольно вздрогнули, оба резко повернулись, чуть не стукнувшись лбами:

— Вот зараза! Напугала как! — рявкнул Сегамачо.

— Сердце того и гляди из груди выпрыгнет, — добавил Котыч.

— Пришла в себя — значит, бродяжка, — подал ей бутылку с минералкой Сергей Иванович.

— Я чо тут делаю? — опять просипела баба, с трудом выпрямилась и с громким бульканьем стала пить воду. Потом громко икнула и выдавила из себя, — здорово!

— Чего здорово? Не знаем, что ты здесь делаешь, в лесу тебя нашли.

— В каком лесу?

— В этом, что вокруг.

— А-а-а, — баба почесала голову, опять прихлебнула воду, — а все равно хорошо.

— Куда ж тебя отвезти?

— Не знаю, а где я?

— Опять двадцать пять. В лесу, недалеко от озера.

— В каком лесу?

— Кажется, она еще ни бельмеса не понимает, — тихо сказал Сегамачо другу.

— Ну и что делать будем?

— А давай, как запланировали. Только теперь она сама ножками до ворот дойдет.

— Верно.

— Слушай, мы привезли тебя к санаторию, там люди, иди к ним.

— Ага.

— Сейчас я тебе помогу выбраться из машины и покажу дорожку, по которой надо будет пойти.

— Ага. А водичку дашь?

— Дам, дам, не переживай. Договорились?

— Ага.

— Сегамачо со скрипом и оханьем вылез из машины, открыл заднюю дверь и, стараясь не смотреть женщине в глаза, потянул за рукав футболки. Та вывалилась на дорогу, но на ногах устояла.

— Вот и ладненько, — приговаривал Сегамачо, — а теперь, голубка, по асфальту ножками вперед топай, аккурат к базе отдыха и придешь.

— Ага.

— Вот заладила — ага и ага. Туда иди, прямо, говорю.

Он повернул женщину, которая сначала пошла не в ту сторону, лицом к будке охранника и легонько подтолкнул, чтобы придать ускорения. Еще несколько минут они наблюдали за ее пьяной находкой, но, убедившись, что женщина, медленно переставляя ноги, все же шла к воротам, мужики облегченно вздохнули. С чистой совестью они развернулись и направились к грунтовке.

— Ну, слава богу, избавились, — тихо проговорил Сегамачо.

Но Котыч ему ничего не ответил. Он больше молчал, погруженный в свои мысли. Из головы не выходило то, что он недавно увидел на обочине. Сколько лет он дружил с Серегой, думал, что знал о нем все, даже размер трусов, а тут такое... Он расстроено покачал головой.

Сегамачо понимал, о чем молчит друг, но прерывать его мысли не хотел. «Как же так, а? — посыпал он себе голову пеплом. — Сколько лет держался, а тут, словно бес попутал. Главное, на кого запал! На пьяную и грязную бабу, которую до меня еще неизвестно сколько сволочей трахнуло».

Мужчина сцепил челюсти, чтобы преодолеть нестерпимое желание помыться. Казалось, что он вывалился в самом вонючем дерьме и теперь никогда не отмоеся от этой мерзости. «Нет, лучше об этом не думать, лучше не думать», — убеждал он себя и, желая отвлечься,

переключил внимание на другое.

— Котыч, куда все-таки направляемся?

— Да здесь, на Лесном и останемся. Проедем пару километров подальше от дома отдыха, чтобы к нам претензий не было.

— Ну ладно.

Дальше они ехали молча. Между деревьями показался просвет, и в луче фар тускло блеснула вода. Машина выехала на большую поляну. Впереди было озеро.

— Ну что, здесь остановимся или еще поищем? — спросил Котыч.

— Тормози. Посмотрю, можно ли к берегу близко подойти.

Сегамачо вытолкнул грузное тело из машины, достал из багажника болотные сапоги, надел и пошел к водоему.

Друзья прекрасно знали, что в теплое время года Лесное сильно зарастает. Подойти близко к воде трудно, поэтому озеро плохо подходит для поплавочной рыбалки. Рыбаки больше используют лодку, хотя и здесь было неудобство: озеро, несмотря на то что находилось среди лесов, было плохо защищено от ветра, и любое, даже незначительное дуновение, поднимало волну.

Лодка у друзей была, лежала рулоном в багажнике у Котыча и терпеливо ожидала своего часа. Однако возиться с ней, учитывая то, в какую передрыгу они попали, им не хотелось. Сегамачо подошел к береговым кустам, раздвинул заросли и пригляделся. По воде то там, то тут расходились круги: играла рыба.

Он вернулся к машине, из которой друг уже выгружал вещи. Котыч решил остаться на этом месте. «Какая разница, где рыбачить? — мрачно думал он. — Настроение уже испорчено. Посидим здесь, а если рыбы не будет, домой вернемся». Занятый мрачными мыслями, он не услышал голоса Сегамачо.

— Ты что-то сказал? — спросил он друга, устанавливая раскладной стол и кресла с брезентовым дном.

— Котыч, вот что я думаю. Подойти к берегу можно, но если прочистить окно, будет еще лучше. Сам знаешь, сколько рыбы в такие проплешины на воде приходит.

— Темно, — с сомнением покачал головой Константин, — да и одного окна будет мало. Мы что, локтями тереться друг о дружку будем?

— А мы дальний свет включим, и ночь нам будет нипочем, — бодрым голосом пропел Сегамачо, но, увидев, что его шутка не произвела нужного эффекта, опять скис.

— Если не хочешь окна, тогда давай лодку надуем, заплывем подальше и там порыбачим.

Котыч ничего не ответил. Он задумчиво прошелся по полянке, сделал два шага к берегу и остановился. «Со мной в лодке сидеть не хочет, — предположил Сегамачо, — противно, наверное». Он тяжело вздохнул и предложил новый вариант:

— А если мы два окна очистим? Куда нам торопиться? Потом еще раз сюда приедем. Ночь длинная, успеем и по стопке выпить, и порыбачить.

Котыч нехотя согласился и полез в багажник за «кошкой», специальным приспособлением для чистки дна. Это был обычный металлический тройник с острыми концами, похожий на якорь с привязанной к ручке веревкой.

Друзья по переменке стали забрасывать «кошку» и через час очистили посреди прибрежных зарослей два небольших окна на воде. Одна заводь находилась напротив машины, а вторая — чуть подальше. Сделали там, где нашли подходящее место. Потом

разбросали прикорм и решили передохнуть и заняться ночлегом.

— Палатку натянем или в машине поспим?

— Давай натянем, — опять с каким-то безразличием откликнулся Котыч, — в ней комфортнее будет.

Сегамачо достал из машины сумку с походной палаткой и передал другу, а сам, взяв топорик, пошел к ближайшим елкам нарубить лапника.

Споро натянули палатку (дело привычное, не первый раз в лесу!), слаженно приготовили дрова для костра. И вот уже весело побежал огонек по сухим веткам, найденным поблизости. Напряжение последних часов потихоньку спадало и уступало место нетерпению от предстоящей рыбалки. Мужики разложили на складном столике привезенную закуску, а за ней пришел черед и драгоценной беленькой, которая сегодня называлась «Старорусской». Выпили по пластмассовой стопке, закусили Наташкиными огурчиками, но разговор не клеился.

— Котыч, хватит на меня волком смотреть. Ну, совершил я грех, не убивать же за это, — выдавил из себя Сегамачо.

— Убивать, конечно, не надо, но такого я от тебя не ожидал. Знаешь, Серега, не могу я пока забыть: так и стоит перед глазами твоя голая задница, так и мелькает белизной в темноте.

— Ну, хочешь, врежь мне по-быстрому. Пальцем в ответ не шевельну.

— Да что с тобой, дураком, драться. Переспать с бедой надо, а там и решим, что делать будем.

— Слышишь, как плотва играет? Пошли рыбачить.

Оба замолчали и несколько минут прислушивались к звукам чащи. Тишина. Покой. Нет, назвать ночной прибрежный лес тихим нельзя: здесь и шелест листвы от ветра, и скрип деревьев, и тихий плеск набежавшей волны. Изредка слышалось жуткое уханье филина, так что невольно мурашки бежали по спине. А вот и лягушки завели нескончаемую песню. На озере плеснула рыба. Звуки эти родные, они знакомы любому рыбаку или охотнику. Ухо уже спустя пять минут перестает их замечать.

Выпив по третьей стопке за тех, кого с ними уже не было на этом свете, друзья тяжело встали и пошли каждый к своему облюбованному кусочку берега, даже не догадываясь, что разговаривают они в последний раз!

Глава 10

Толян и компания.

Баба Аня сходила с ума от беспокойства: то выглядывала в окно, то выбегала на крыльцо, то теребила шторку, пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь темное стекло.

— Ну, где эту девку черти носят? — в который раз задавала она себе один и тот же вопрос. — Вчера только вышла из больницы, а уж новые приключения на свою задницу ищет. А все эта шантрапа местная! — потрясая кулаком, кому-то грозила бабка. — У, ироды, нет на вас деда Матвея, он бы не допустил такое.

Старушка снова выскочила на крыльцо, но, постояв немного, побежала на дорогу. На улице было пусто, ни души, да и откуда поздним вечером взяться людям в их маленькой, в одну улицу, деревеньке? Старики перед телевизором сидят или спят, а молодежь давно в город укатила. Живут, конечно, здесь Толик Нефедов да его дружок Юрка Смирнов, но молодыми их разве можно назвать? День-деньской эти паразиты пьют, не просыхая, да

задирают стариков. Юрок уже и в тюрьме успел побывать. А сейчас вот увели Надюху неизвестно куда.

— Ой, накличет себе беду, девка, ой, накличет, — причитала баба Аня.

Она добежала до дома родителей Толика и яростно застучала в калитку.

— Варвара, выходи! Толик дома?

Соседка выглянула в окно:

— Не, баба Аня, нема его. И сразу говорю, чтобы не приставала боле: я не знаю, где он шастает.

— Ну как ты не знаешь? Он же у тебя в избе живет.

— В избе он только ночует, да и то чаще в дровяном сарае, угол он себе там сделал.

Когда появляется и куда потом деваается, мне неведомо, да он и не отчитывается.

— И что ты, Варька, за мать! — в сердцах выпалила бабка, сплюнув на дорогу.

— Мать, как мать, не хуже твоей дочуры. Я сама Толика воспитывала, за ошибки сама и крест на горбу тащу, а твоя спихнула тебе на руки больную внучку, ты и нянчишься с ней.

— Ох, и не говори! Что верно, то верно, — горько вздохнула старушка, — что у тебя в глазу соринку искать, когда у самой вон какое бревно торчит, — она повернула к дому, но соседка ее снова окликнула.

— Баб Аня, смотри, Толик идет, и, кажись, не пьяный.

— Где, где он? — засуетилась старуха, подслеповато вглядываясь в конец улицы.

Там в тусклом свете деревенских фонарей показалась долговязая фигура. Рядом семенила короткими толстыми ножками еще одна. Комичную пару представляли собой эти двое — длинный худой Нефедов и маленький толстый Смирнов. Когда баба Аня смотрела на них, то невольно улыбалась, сразу вспоминая Тарапуньку и Штепселя, парочку юмористов, выступавших когда-то по советскому телевидению.

Но сейчас ей было не до смеха.

— Толик, паразит, куда Надюху увел? — чуть ли не с кулаками накинулась на парня бабка.

— А я почем знаю, где оторва эта шляется? — вопросом на вопрос ответил Толик.

Он держался нагло и независимо, но по бегающим глазкам слабого по характеру Юрка бабка поняла, что дело нечисто.

— Как не знаешь? Она же с вами ушла.

— И ничего не с нами. Надька хотела на озеро посмотреть, вот мы и показали, куда идти надо.

— На озеро? А чего она там забыла?

— Вот вернется, ты у нее и спроси.

— Толик, ты не юли, — выскочила из калитки мать, — говори правду. Видишь, — Варвара ткнула в темноту рукой, — ночь уже, а девки дома нет.

— Мать, не лезь не в свое дело, — отодвинул ее Толик и, повернув к дровяному сараю, махнул рукой:

— До завтра, Юрок.

Но бабка Аня уже вцепилась в его руку, с другой стороны Толика держала мать: она понимала, что ее прохвост сын замешан в пропаже соседской внучки. Юрок в это время пытался тихонько раствориться во тьме.

— Толик, будь человеком, ты же знаешь, где она.

— Да отстань, бабка Аня, чо лезешь. Не знаю я, где твоя Надюха, — он легко

освободился от держащих его рук и ушел за дом.

Баба Аня заплакала.

— Слушай, соседка, — нашлась мать Толика, — давай-ка у Юрка спросим.

Она крутанулась и, несмотря на свое грузное тело, быстро догнала дружка сына.

— А ну-ка постой, голубь мой сизый. Куда Надьку дели? Живо признавайся.

— А я чо, не знаю я, — растерялся напуганный натиском двух женщин Юрок, — мы довели ее до тропки на озеро, а дальше она сама пошла.

— Только проводили и больше ничего?

— Ну да, — уверенно ответил Юрка, но глаза парня так и бегали по сторонам.

— Ты мне лапшу на уши не вешай. Хоть режь, не поверю, что только проводили.

Признавайся, гад, а то к участковому пойдём. Там как на духу правду выложишь.

Юрок струхнул. В полицию ему никак идти было нельзя. «Откинулся» он совсем недавно, стоял еще на учете. В грабеже ларька, за который он отсидел в тюрьме, мужик почти не участвовал — слишком труслив был для такого дела. И хоть он просто в карауле стоял, кто ж ему поверит...

— Ну, немного посидели, выпили по маленькой.

— Как выпили? — вскинулась бабка. Надюшке пить нельзя, она на таблетках сильных.

— А мы почему знали? Надюха сама предложила. И купила сама.

— Как же быть? Господи, за что ты наградил меня такой внучкой? Какие грехи я перед тобой совершила? — заголосила бабка и без сил опустилась в дорожную пыль.

Варвара и Юрок перепугались не на шутку. Из-за дома на крик выскочил Толик.

— Вы чего тут разорались? Спать не даете.

— Баба Аня, да прекрати ты выть! Толком объясни, что с Надюхой не так, — вспотевшая Варвара пыталась поднять обессилившую старушку на ноги. С другой стороны бабку за руку дергал дрожащий Юрок.

— Ей пить нельзя. Совсем нельзя. А с таким таблетками, доктор сказал, крышу снесет напрочь, — бабка вскочила на ноги и бросилась к растерявшимся мужикам:

— Мальчики, миленькие, искать ее надо.

Варвара подхватила бабу Аню и повела ее в дом. Следом плелся, едва передвигая ноги, Юрок. Толян же еще хорохорился, пытался принять наглый вид, мол, моя хата с краю, ничего не знаю. Но обоим было не по себе.

— Быстро в дом, — приказала Варвара сыну.

— Ага, щаз-з-з, разбежался, — огрызнулся тот, но в сени зашел.

Женщина усадила бабку на кухонную табуретку, быстро накапала валерьянки в стакан с водой.

— А теперь, баба Аня, рассказывай, о каких сильных таблетках ты на улице кричала? Почему внучке пить нельзя?

Юрок несмело подошел к столу и сел напротив женщин, а Толик так и стоял, прислонившись плечом к косяку.

— Ох, Варвара, я расскажу, только давай участковому позвоним сначала, искать ведь Надюху надо.

— Так зачем звонить? Вот эти паразиты сейчас все и скажут, — Варвара схватила полотенце и стала грозно надвигаться на сына. — Сынок, тебе как сподручнее: нам сейчас расскажешь, куда вы с Надькой ходили, или мы с бабой Аней Петра Макарыча покличем, чтоб он поиск организовал?

— Да отстань ты, мать, не знаем мы, где ваша девка гуляет, — попытался уйти от ответа верзила и небрежно почесал волосатую грудь. — Правда, Юрок?

Но дружок молчал. Ему от этого разговора было не по себе. Он ерзал на табуретке, вытирал влажные ладони о старые джинсы с вытянутыми и почему-то зелеными коленками, потом шумными, частыми глотками пил из ковшика ледяную воду. Она капала у него с подбородка, Юрок быстро вытирал ее рукавом и снова прихлебывал, как будто никак не мог напиться.

Женщины видели, что рыльце у дружков в пуху. Они наперебой совестили их, старались, как могли, вытащить из них правду. Однако ни уговоры, ни ругань, ни слезы не помогали. Баба Аня не выдержала и взмолилась:

— Парнишки, миленькие мои, ну, хотите я на колени перед вами встану? Скажите, куда вы ее увели? В беду Надюшка может попасть, в страшную!

Глава 11

Максимовы.

Незаметно день приближался к финалу. Сначала солнце было высоко, только чуть-чуть склонялось к линии горизонта. Потом его лучи стали касаться верхушек деревьев, оплетая лес золотой каймой. И скоро оранжевый шар наполовину погрузился в чашу, а редкие солнечные зайчики разбежались по листве, траве и лесным дорожкам. Уже разливался вокруг полумрак, становясь с каждой минутой все гуще. Он окутал прибрежные кусты, спрятал столбы линии передач, а в темной чаще дальнего леса приобрел черный оттенок.

Искать удобное место на обочине, чтобы остановиться на перекус, не стали. Света предложила домашним поесть в небольшой придорожной столовой. Ужин был не таким вкусным, как обед в кафе, но вполне съедобным. Ели быстро. Уставшие дети уже клевали носом, поэтому решили не задерживаться. Коля снова соорудил сыну лежанку, и семья сразу тронулась в путь.

Чем темнее становилось за окнами машины, тем сильнее в груди Светы разрастался страх: серой мышкой он сначала высунул из норки черный нос, потом голову, потом уже уютно пристроился в уголке сознания. Пока она выполняла обязанности жены и матери, она забывалась, страх прятался. Однако как только наступала минута тишины, он появлялся вновь, поднимая в душе волну тревоги.

Коля включил фары, и вскоре машина плавно понеслась вперед, в темноту. В узком коридоре света внезапно появлялись яркие пятнышки маленьких и больших дорожных указателей. Светлана, прищуривая глаза, следила за ними и сверяла маршрут с картой. Вскоре, однако, устала от однообразной, а главное — бессмысленной работы.

Коля включил негромкую музыку и попал на волну дорожного шансона. Света не узнавала исполнителей, но завороченно вслушивалась в бархатные мужские и женские голоса, протяжно поющие о неразделенной любви. Проникновенные слова песен невольно заставили ее вспомнить собственную жизнь, прошлое...

Муж Светы был сиротой. Подружки ей даже завидовали: нет злой свекрови, которая вмешивалась бы в их жизнь, делилась ненужными рецептами и говорила обидные слова. На это Света возражала: раз нет свекрови, то нет и бабушки, которая могла бы подарить ласку и нежность внукам или выручить в трудную минуту.

Он мало испытал родительской любви, поэтому трепетно относился к матери Светланы — Алесе Федоровне. Слово тещи было для него законом. Та любила зятя безмерно, но и о себе не забывала. Не раз Света обижалась на мать, которая не давала их дружной семье

провести выходные вчетвером. После развода с отцом она снова вышла замуж, потом рассталась и со вторым мужем, бросила дом в деревне и взрослых дочерей с их семейными проблемами и перебралась в город.

Как бы Света ни строила планы на выходные, утром в субботу раздавался телефонный звонок, и драгоценная теща начинала одолевать зятя своими проблемами.

— Ну, что матери опять надо? — сердито спрашивала Света мужа, думая, чем заменить разрушенные планы.

— Шкафчик на кухне перевесить на другое место, — отвечал тот и, быстро позавтракав, отправлялся помогать теще.

В следующие выходные срочно требовался ремонт общественного унитаза, затем надо было снять, постирать и повесить шторы, или переставить мебель, а иногда сходить на рынок за продуктами — и так далее, по списку, который мать, казалось, старательно обдумывала и составляла в течение недели. Возвращался Коля домой поздно, и хорошо, если свободным оставалось воскресенье. Эти срочные, с точки зрения Алеси Федоровны, дела временно заканчивались, если у Светы лопалось терпение. Тогда она сердито звонила матери и требовала мужа обратно.

— Светик, не бесись, — успокаивал ее Коля, — мать — это святое.

Свете становилось стыдно за вспышку гнева, и эксплуатация мужа эгоистичной матерью продолжалась.

Навстречу с шумом пронеслась большая фура, машину тряхнуло душной волной, и женщина очнулась. Она посмотрела в окно. Уже была ночь. Трасса освещалась светом фар, и казалось, что они едут в узком тоннеле, по сторонам которого спрятались неведомые чудовища. Впереди, на границе света и тьмы, сверкали огоньки редких указателей. Женщина зябко передернула плечами. Света никогда не путешествовала на автомобиле ночью. Непривычно. Неприятно. Жутко и волнующе.

Дети уже давно спали, а Света никак не могла задремать. В голове крутились беспокойные мысли, на ум не раз приходил сон, который она видела накануне поездки. Детали уже исчезли из памяти, но ощущение надвигающейся опасности осталось.

— Ты чего не спишь, Светик? — спросил муж, не отрывая взгляда от дороги. — Я же сказал: все будет ок, не волнуйся.

— Что-то не спится. Коля, давай свернем с трассы на боковую дорожку и где-нибудь остановимся.

Не зная, что с ней происходит, Света всеми силами старалась побороть волнение и не передать тревогу, которая сжигала ее изнутри, мужу.

— Вот ты какая, вредная, — ласково пробормотал Коля и похлопал ее по колену. — Спи, ты сегодня устала. Не переживай. Я, как только почувствую, что клонит в сон, сразу остановлю машину.

Наконец Света задремала. Во сне она опять была в белорусском детстве. Коля, искоса поглядывая на жену, видел, что она то улыбается, то хмурит брови. Потом ее лицо разгладилось, исчезли морщинки, дыхание стало ровным.

— Ну и ладненько, — пробормотал он, — пусть спит, а то волнуется много.

Николай вел машину уже целый день, но сильной усталости не чувствовал. Так, чуть покалывали плечи из-за постоянного напряжения, иногда нечетко проглядывалась дорога, но съезжать с трассы он пока не планировал.

— Еще часик, а потом остановлюсь, — решил он и снова посмотрел на жену. Он

вспомнил, как без памяти влюбился в молоденькую врачиху, когда лежал в больнице с обострением язвы желудка.

Николай опять покосился на жену, и глаза его наполнились нежностью. Где та юная Света-конфетка, карамелька-леденец, как он ее называл в молодости? Тоненькая и гибкая, как ивовый прутик (не зря в юности занималась художественной гимнастикой), с роскошными волосами. Рядом с ним сидела строгая женщина, прибавившая в весе килограммов двадцать, но такая же прекрасная, как в молодости.

Темные кудри спрятались в плотный пучок на затылке, но одна прядка по-прежнему выбивалась из прически. Яркий румянец все так же красил щеки, округлились угловатые локти и коленки, а кожа стала упругой. В минуты близости Николаю так хотелось ее покусывать, что челюсти от желания сводило судорогой. Но не кусал, боялся, что жена поймет неправильно.

От этих мыслей Николай вдруг почувствовал, как тяжестью налились чресла, зашевелилось, закопошилось привычное возбуждение. Пытаясь стряхнуть вожделение, он на миг потерял контроль, и машина вильнула.

— Ну, приехали, дружок, — рассерженно обратился он к своему непослушному органу. — Не хватало еще, чтобы из-за тебя мы в аварию попали.

Он проехал уже Тверь, немного поплутав по улицам города. Сзади осталось и водохранилище, но силы, как моральные, так и физические, уже иссякли: слишком насыщенным был день. Николай решил, что на сегодня приключений хватит, и стал искать удобный поворот с дороги. Но трасса пролегла по небольшой возвышенности, и съезды, которые попадались на пути, резко уходили вниз. В темноте трудно было что-либо разглядеть — можно ненароком угодить в глубокую яму.

«Кажется, я принял неправильное решение, — подумал Коля, — надо было искать место для ночлега, пока не стемнело. Света как всегда права. И почему я ее не послушал!» Через полчаса он все же увидел пологий спуск и осторожно свернул к нему, стараясь не разбудить семью. Проехав по асфальту пару километров, он увидел поворот на лесную грунтовку. Искать нужное место пришлось недолго: через пятьсот метров фары выхватили свободное от деревьев и кустов пространство.

— Слава богу! Здесь можно и остановиться, — с облегчением вздохнул он.

Глава 12

Толян и компания

Бабка тяжело поднялась с табуретки и приготовилась встать на колени. Юрок вскочил, засуетился вокруг старухи, занервничал еще больше. Потом выразительно ткнул дружка в бок:

— Толян, пойдем, покурим, — и вышел во двор.

— Ну, пойдем, раз тебе так хочется, — вслед ему пробурчал Толян.

Он лениво оттолкнулся от косяка двери и пошел за дружком. На крыльце закурили от одного огонька, но начать разговор никто не торопился.

В кухне женщины замерли от волнения.

— Варя, как думаешь, признаются, где внучку бросили, али нет? — с надеждой подняла глаза на соседку баба Аня.

— Не дрейфь. Не признаются, так заставим. А если совсем плохо придется, тогда позвоню участковому. Что делать, пусть он с ними разбирается.

Варвара на цыпочках подошла к двери, приложила ухо и стала подслушивать.

— Ну, что там? Что говорят?

— Ничего пока не слышно. Тихо, баба Аня, не мешай.

***

Первым не выдержал Юрок.

— Толян, давай расскажем бабкам правду. Если участковому позвонят, что я потом делать буду?

— Да че они сделают? Не бойсь, — отмахнулся от него дружок. — Первый раз, что ли? Мать покричит-покричит да успокоится.

— Так-то оно так, но бабка Аня говорит, что пить Надьке нельзя, беда будет.

— Слушай ее больше, она и не то придумать может. Сказочница еще та, — Толян презрительно сплюнул и щелчком выбросил сигарету подальше от крыльца. Посмотрел, как она блестящими искрами описала дугу и приземлилась рядом с дровяным сараем. Он спустился с крыльца, чтобы найти ее и от греха подальше затушить. (Не совсем еще мозги пропил, понимал, чем его безалаберность может закончиться).

— А вдруг правду говорит.

— Ты мне на нерв не дави. Надька с нами пила, и все было в порядке. Ты же видел. Беленькую хлестала поболее нас. И даже не закусывала.

— А чо она вытворяла на пляже! Забыл? А потом ушла в кустики и пропала.

— Может, просто домой решила вернуться.

— Не вернулась, до сих пор нет. А вдруг она заблудилась? Бабка говорит, что с катушек съезжает Надюха, когда пьяная.

— Не, друган, я не понял, какое наше-то дело? Ушла и ушла.

— Грубый ты, Толян. Неужели тебе девку не жалко? Бродит одна в лесу, дорогу в темноте ищет.

— Ладно, скажем мы бабам, где с Надькой пили, а дальше-то что? Они же заверещат: «Ищите ее!». Ты не видишь — ночь на дворе, как ее искать будем? В темноте по лесу гулять с фонариком? Сами еще заблудимся.

— Можно участковому позвонить, он на уазике съездит.

— Ага, разбежался! Не боишься, что Макарыч прицепится к нам? Вопросы ненужные начнет задавать: что, как, почему? Про другое дело тоже расскажешь?

— Не знаю, — насупил обиженный Юрок и, подумав, сообразил, — а мы об этом промолчим, будто ничего и не было.

— Как же, не было. Когда девку найдут, она сама проболтается.

— Да нет, Надюха пьяная была, ничего и не вспомнит. Слушай, а может об этом баба Аня и говорила?

— Это ты про что?

— Ну, что ей крышу сносит, когда она выпьет.

— Ха, а ведь и правда, че токо не делала! Зачет! — рассмеялся Толик, вспомнив о приключениях на пляже.

— Ну как? Расскажем. Пропадет ведь Надюха, а мы потом точно виноватыми будем. Сейчас мать твоя покричит, да простит, а если с внучкой бабы Ани серьезное что случится, мы тогда не отмоемся.

Юрок видел, что настроение у друга сменилось, и вздохнул с облегчением. Появилась надежда, что тот согласится все рассказать, если еще чуть-чуть поднажать.

— Ладно, пошли, может, выкрутимся, — сказал Толян, еще не готовый признаваться в

грехах.

Толик с Юрком вернулись в дом. Варвара, на долю секунда раньше услышав шаги парней, отскочила к печке и приняла независимый вид.

— Ну, наговорились? Признавайтесь живо, что натворили.

— Мать, опять ты начинаешь? Ничего рассказывать не буду, — разозлился Толян.

— Все, все, больше не будем, не сумлевайтесь. Правда, Варвара? — вмешалась в разговор баба Аня и взмолилась:

— Ребятушки, время идет, искать надо.

— Надя была с нами, — сказал вдруг молчавший Юрок.

— Ты что, мужик, с дубу рухнул, что ли? Это когда она с нами ходила? Что придумываешь? — выкрикнув эти слова, Толян замахнулся, чтобы залепить дружку звонкую оплеуху.

На внутренней стороне предплечья мелькнула татуировка с изображением головы волка с раскрытой пастью. Когда-то юный Толян сделал ее, чтобы «запечатлеть» свою дикую и необузданную натуру. Белые клыки оказались прямо перед глазами Юрка, и он испугано присел: знал, какой тяжелой была рука дружка.

— Толян, ты не видишь, что ситуация серьезная. Надо Надюху искать. Она же сначала с нами была, — пролепетал он, опасливо поглядывая на Толяна.

— Да где была-то? — хором закричали бабка и Варвара. — Рассказывайте живо!

— В общем, Надюха попросила нас сводить ее на озеро. Мы и согласились, — начал историю Юрок, но глаза на женщин не поднимал.

— Прямо так и попросила? Не так все было, — влез в повествование друга Толик. — Пришла она днем ко мне в сарайку и заявила: «Пошли, Толян, к Лесному. Выпить охота, а дома бабка караулит, расслабиться не дает».

— Так и сказала? Ну, вернется домой, я с ней разберусь, — охнула баба Аня, вскочила с табуретки и забегала по кухне.

— Так и сказала, — повторил Толян. — Вы слушать дальше будете или нет?

— Молчу, молчу.

— Пока собрались, пока Надюха от тебя, баба Аня, сбежала, время уже после обеда было. Сама знаешь, оно вроде и недалеко, а ножками километра три топать нужно. Ну вот, нашли местечко хорошее ...

— А дальше?

— Выпили малость, потом искупались, Надюха прямо голышом в воду ныряла. Там еще люди были, так один мужик ее на камеру снимал.

— Я же говорю, нельзя Надьке пить водку: крышу сносит. Дура-дурой становится.

— Что ж вы ее не остановили? — влезла с вопросом Варвара.

— А зачем останавливать? Хочет девка прелести показывать, так это ее дело. Нам-то что? Не, Надька не совсем голая была, в трусах. Они у нее прикольные такие: спереди вроде трусы как трусы, а сзади — веревочка. Стринги называются. Так и ходила, крутила белыми булками.

— Вот ужас какой! Что вы парни наделали. И, говоришь, мужик ее снимал?

— Ага. Толян пошел к тому мужику разбираться и фотик в воду окунул. А тот в драку полез, дулю ему поставил, — Юрок посмотрел на лиловый синяк, расплывшийся под глазом друга.

— Ага, крепкий, зараза, попался. Но я ничего, тоже ему навалял маненько.

— А Надюха где в это время была? Почему вы одни вернулись?

— Так мы и рассказываем. Она рядом крутилась, тоже мужика сзади лупила. А на нее девка налетела, которая с тем парнем загорала. Так смешно бабы дрались! — Юрок тоненько захихикал, вспомнив об этом. Увидев, что его никто не поддерживает, захлебнулся смехом и продолжил рассказ:

— Надюха голая титьками трясет, визжит, а та девка на нее кричит, чтобы мы оставили ее мужика в покое. Наша и вцепилась ей сначала в волосы, а потом лифчик дернула, ну и крючки отлетели. Тогда эта ненормальная за Надюхины стринги ухватилась и порвала веревочку. Трусы и упали. Там еще парни сидели, так они над ними угорали, аж за животы от хохота держались.

— Ужас! — охнула Варвара.

— Я же говорю, ей пить нельзя, нельзя, — повторяла бабка. — А дальше что было?

— Да не знаю, — замялся Юрок, — я потом не видел.

— Как не видел? А что ты делал.

— Мать, ты на него не нападай. Он пьяненький сильно был. Сама знаешь, сколь ему надо. Я, когда с этим мужиком разобрался, пошел на наше место. Смотрю, а Юрок спит, как младенец, будто никакой драки не было и Надька голая не скакала.

— Я тогда не пойму: куда девка потом исчезла?

— Да с нами и была. Она смешная, ни на кого внимания не обращала, оделась, стринги на руку повязала, будто у нее браслет такой. Потом мы Юрка растолкали и домой потащили. Уже солнце садилось.

— Значит, она была трезвая?

— А я почему знаю, я же ее раньше нечасто пьяной видел. Она все хохотала да про себя рассказывала.

— Что, что рассказывала? — встрепенулась баба Аня, которая до этого все молчала.

— Ну, как она в луже утонула, а потом в другом мире оказалась. И еще, как ее инопланетяне похитили и на тарелку к себе притащили, потом разглядывали и щупали.

— И ты говоришь, что она была трезвая? Все ее рассказы — помрачение. Ничего этого в жизни с ней не случилось, — запрочитала баба Аня.

— Ага, я так и подумал, что Надюха «белочку поймала». Мы Юрка дотащили от озера до дачной остановки, а там ларек открыт.

— Ей что, мало было?

— Ничего вы бабки не понимаете, мы ж из-за того мужика и посидеть как следует не успели.

— Как же не успели? Юрок, сам говоришь, уже в отключке был.

— Так ему пару стопок налей, и он... спит. Даже не напьешься толком с таким дружкой. — Толян беззлобно треснул друга по затылку, снова мелькнула пасть волка, но на этот раз Юрок даже не увернулся.

— Надюха сбегала в ларек и бутылочку купила. Мы чуть-чуть отошли от дачного поселка, чтобы посторонние опять малину не испортили.

— А дальше?

— Так мы с Надюхой беленькую распили, а тут Юрку заплохело. Пока я с ним возился, девка и исчезла. Я думал, она в кустики ушла, даже посмотрел вокруг — ее нет. С час подождали, а когда уж стемнело, домой пошли.

— И как вы, природы, могли ее оставить в таком состоянии?

— Да в каком состоянии, баба Аня, ты толком объясни? Надька нормальная была, даже не шаталась. Юрок уже чуток оклемался, мы и решили, что она в деревню пошла. Мы же у дороги сидели, заблудиться негде.

— Да дома только ее нет.

— Так я и сам удивляюсь.

— Варвара, звони участковому. Искать надо, чую, заблудилась она. Может, пьяная не в ту сторону повернула и ушла в лес.

Варвара схватила телефон, набрала номер и через минуту уже рассказывала о пропаже Нади Петру Макаровичу, местному полицейскому, не обращая внимания на сигналы, которые подавал ей сын.

Участковый приехал почти сразу. Это был пожилой человек среднего роста, одетый в повседневную одежду: брюки и форменную голубую рубашку. Верхнюю пуговицу он расстегнул, галстук отсутствовал, так как дни стояли жаркие. Участковый снял фуражку, открыв белый лоб, положил ее на стол. Светлое пятно резко контрастировало с загоревшим худощавым лицом, единственным украшением которого были пышные усы.

Парни, как ни крутились, а вынуждены были еще раз с подробностями поведать о пляжных приключениях. Конечно, в мелких деталях они расходились, но главным оказывалось одно: надо было искать Надюху. Петр Макарович внимательно слушал их, задумчиво жевал усы и делал пометки в блокноте. Потом сообщил о происшествии в район, посадил парней в уазик, чтобы они показали дорогу (Толян при этом грозно смотрел на дружка, из-за болтливости которого они оказались в такой передрыге), и поиски начались.

Глава 13

Сегамачо.

Сегамачо уютно устроился на деревянном складном стульчике, который возил с собой. Только это сиденье выдерживало громоздкое тело. Новомодные пластмассовые изделия для отдыха никуда не годились: стоило богатырю сесть, как они тут же разваливались под ним.

Он покопался в банке с наживкой, чуточку подумал и, вытащив жирного полосатенького червя-навозника, насадил на крючок. Прделав ту же операцию с остальными удочками, мужчина забросил их в воду и настроился ждать.

Мыслями он опять вернулся к незнакомке, найденной на дороге: «Интересно, как эта тетка оказалась так далеко от трассы и жилья! Пошла на пикник с дружком, а тот ее и оставил? Ну да. Понять человека можно. Такую пьяную бабу с места сдвинуть нельзя, только на себе тащить. Вот мужик и бросил, наверное. Но, с другой стороны, какой пикник так далеко от трассы? А вдруг она просто землянику собирала! Хотя, нет. Рядом с ней не было никаких вещей».

— Стоп! — эти слова Сегамачо произнес уже вслух и испуганно огляделся: на рыбалке принято сидеть тихо. — Мы же ничего рассматривать не стали, схватили бабу и бросили в машину. Вот идиоты! — в груди опять зашевелился червячок раскаяния.

Внезапно он увидел, как поплавок крайней удочки ушел в глубину. Мужчина подергал его, ощутил тяжесть, но рыбы на конце пока не было. Потом задрожали и другие удилица.

— Здорово, — прошептал рыбак, — поклевка классная, будем сегодня с ухой.

Вскоре поплавок стал часто исчезать в воде — и не без толку. Сегамачо без остановки вытаскивал то плотвицу, то леща, то окуня. Пока это была еще мелкая рыбешка, часть которой он выбрасывал обратно в воду. Но за рыбалкой он забыл о вечерней неприятности. Она осталась где-то далеко, в той жизни.

Когда появилась маленькая передышка между поклевками, Гусев встал в попытке разглядеть в темноте место, где должен сидел друг. Он хотел окликнуть, позвать его к себе: вдвоем все-таки веселее, рядышком как-нибудь бы поместились. Однако Сергей Иванович ничего не увидел, а по всплескам, раздававшимся с завидной частотой, он понял, что и у друга рыбалка идет здорово.

Сегамачо почувствовал, что замерз, и пошел к машине надеть кожаную куртку, которую сунула в последний момент жена. Отметил про себя с усмешкой, что она оказалась права. Уже повернувшись обратно к озеру, почувствовал, что голоден, и решил прихватить пластиковый контейнер, где лежали нарезанные ветчина и хлеб (бутерброд был бы кстати!). К своему удивлению, Сегамачо обнаружил коробочку пустой.

— Котыч, что ли, ветчину съел, пока я рыбачил? — хмыкнул Сегамачо и повернулся, чтобы окликнуть друга, но передумал. — Пусть, не буду ему мешать.

Он взял из сумки нетронутую палку колбасы, ловко настрогал себе толстых кусков ножиком Кости, который лежал здесь же на столе, захватил хлеб, термос с кофе и вернулся к рыбалке. «Может, и Котычу кофе отнести? — подумал он, остановившись на полдороге, а потом на корню задушил свой благородный порыв. — Не пойду. Решит еще, что я к нему подлизываюсь. Пусть первый разговаривать начнет. Сказал же, что с бедой ему надо переночевать».

Тяжело вздыхая, Сегамачо, снова устроился на своем стульчике. Он натянул на голову капюшон и, откусывая бутерброд и прихлебывая кофе, сосредоточился на рыбалке.

Через два часа активной ловли Сегамачо опять поднял голову. Что-то, вернее, какой-то странный звук заставил насторожиться и замереть. Ему показалось, будто он слышит предсмертный крик раненой птицы, потом что-то с шумом упало. Он снял с головы капюшон, в котором была почти космическая тишина, и еще раз вслушался в звуки природы. Но вокруг было спокойно. Рыбак встал, чтобы размять затекшие ноги, и сосредоточился на лесных шумах. Но его уши больше не улавливали посторонних звуков. Он успокоился и сел.

Вдруг раздался визг, похожий на скрип ножа по стеклу — по коже рыбака пробежал озноб. Мужчина вскочил со стульчика и минуту не мог понять, что это было. Сердце от страха стучало в горле. Шелест листвы от ветра, мягкий шорох волн о берег, всплески рыбы — все эти звуки были и раньше. Потом резкий звук повторился, и Сегамачо узнал неприятный голос. Это кричала болотная сова. Он облегченно вздохнул. Характерно-хриплое «х-е-е-в» самки напугает кого угодно!

Рыбак снова сел, но на душе было беспокойно. Азарт рыбалки прошел, да и в ведре уже плескалось десятка два подлещиков, величиной с его широченную ладонь. Была там еще плотва, окуни и даже один здоровый, килограмма на полтора, лещ.

— Знатная получилась рыбалка! — проговорил Сегамачо и встал. Он потянулся, опять размял затекшие ноги и огляделся.

Горизонт уже алел на востоке. По воде стелился утренний туман. Его клубы закрывали водяные растения, ухудшая видимость. Мужчина повернулся в ту сторону, где была рыбацкая вотчина друга, попытался его рассмотреть, но ничего не увидел.

— Котыч, айда, будем уже завязывать? У меня рыбы полное ведро, — крикнул он.

Его голос эхом разнесся по рябой глади озера, оттолкнулся от прибрежных кустов и растворился в кронах деревьев. Он словно дал сигнал к побудке озерной живности. Сразу затенькала болотная камышовка, заохала озерная чайка, которая кружила над водой в поисках добычи, прочистил горлышко и тоненько завел нежную утреннюю песню зяблик. С

громким хлопанием крыльев по воде взлетела утка, за ней — другая и третья. По сторонам веером рассыпались брызги. Всколыхнулась водная гладь, еще активнее закачалась у берега волна.

Рыбак понял, что пора собирать удочки. На сегодня развлечений достаточно.

— Костян, ты меня слышишь? — снова позвал он друга.

Но ответа не было, а с соседнего дерева стаей поднялись вороны и устремились ввысь, каркая во все горло. Сегамачо проводил их взглядом.

— Что-то много воронья собралось здесь. Не иначе рядом пададь лежит, — пробормотал он, но мысли снова перекинулись на пропавшего друга.

— Ну и куда этот мужик делся? Неужели до сих пор на меня дуется? — уже с удивлением спросил себя Сегамачо.

Он собрал снасти, сложил стульчик, отнес все к палатке. Потом заглянул внутрь — там было пусто. Мужчина подошел к уазику, открыл дверь.

— Котыч, ты здесь?

В машине тоже никого не было, лишь тоненько звенели комары, залетевшие в салон еще с вечера.

— Странно, куда он пропал? Может, не нарыбачился еще?

Становилось все светлее. Солнце поднималось выше, окрашивая воду в пурпурный цвет. Туман постепенно рассеивался. Новый денек обещал быть таким же теплым, как и вчерашний.

Сегамачо двинулся вдоль берега. Он быстро нашел место рыбалки друга, хотя при тусклом свете утра все выглядело немного не так, как ночью. Стул Котыча был на месте, ведро с пойманной рыбой тоже, но сам Костик исчез.

Глава 14

Толян и компания

Поисковая бригада в лице участкового, Толяна и Юрка приехала на место пикника быстро. На тот самый небольшой пляж, организованный дачным кооперативом, расположившимся неподалеку. Берег до кромки леса был засыпан мелким песком. На солнце он казался золотистым, а теперь из-за ночной росы напоминал бурую массу неизвестного происхождения и влажно прилипал к обуви. Толика и Юрка участковый Петр Макарович Парфенов послал вперед, чтобы те показали место своего пикника, а попросту — попойки.

— Мы сидели здесь, на краю лысины, ни к кому не лезли, — рассказывал Толик, — рядом с водой была кодла борзых пацанов, которые над выходками Надюхи ржали. А вон там, — верзила показал на холмик, поросший травой, — загорал со своей бабой мужик, который нашу девку фоткал.

— Ну, Толян, у тебя и речь! — воскликнул участковый. — Ни одного слова нормального. А лысина — это что?

— Лысина... ну, это... — Толян замялся, мучительно подбирая нужное слово.

— Лысина — это опушка леса, — тихо за него ответил Юрок, — там мы сидели почти рядом с деревьями. Не хотели, чтобы нам мешали.

— А компании тоже пешком пришли?

— Нет. Слева от пацанов, в кустах, стояли мотоциклы. Рядом с парочкой, тоже в кустах, синела спрятанная машина, — ответил Толян.

Участковый подошел к указанному месту, где днем сидели дружки из Васильевки, и

посветил фонариком. Там лежал пластиковый пакет с пустыми бутылками, на песке веером были разбросаны огрызки яблок, промасленные комки газеты с рыбным запахом и другой мусором. Сбоку валялось влажное покрывало непонятного рисунка и цвета.

— Это ваше?

— Да. Видите, только две беленьких и четыре бутылки пива выпили. Юрок после пары рюмок отрубился, а мы с Надюхой здорово оторвались.

— А мусор за собой вас не учили убирать, «оторванные»?

— Дядя Петя, кто ж после пьянки и драки о мусоре думает? — вскинулся Толян, — Я вон и материно покрывало забыл, всю плешь мне она за это проест, хоть домой не показывайся.

— И верно, никому нет дела до экологии, а уж вам подавно, — махнул рукой Макарыч.

— Ты, дармоед, одеяло-то прихвати с собой, чай мать его покупала.

— А чо сразу дармоед? — опять вскинулся Толян, но осторожный Юрок ткнул его пальцем в бок, чтобы зря не злил участкового.

— Так, мужики, здесь все понятно. А куда дальше пошли?

— Вот по этой тропке, — показал Толян куда-то во тьму, — а она ведет к дачам и к автобусной остановке, где Надюха еще одну бутылку купила.

Макарыч посмотрел в указанном направлении, задумчиво хмыкнул, и вся группа гуськом пошла по узкой тропинке, которая освещалась только лучом фонарика участкового. Впереди осторожно ступал Петр Макарович, за ним двигался Толик, а последним семенил Юрок, опасливо оглядываясь.

— Ну что мы в такой темноте увидим, — ныл Толян, — надо утром идти на поиски.

— А вдруг с ней что-то случилось, и она лежит, горемычная, без сознания, помочь даже некому?

— Ага, разбежалась! — ядовито выкрикнул Нефедов. — Без сознания, да только от водки. Правду баба Аня, говорила, совсем с катушек Надюха съехала, а и выпила всего-ничего. Хотя... С ней весело было.

— Эгоист ты, Толян. Кроме себя думать не можешь?

— А чо я должен о других заботиться! У каждого своя тыква на плечах.

— А если с тобой так поступят? Вот напьешься самогону и упадешь в канаву, а люди будут идти мимо и смеяться вместо того, чтобы помочь.

— Да ладно вам, дядя Петя, я ведь так, с дуру, ляпнул. В лесу уж больно жутко по темноте шагать.

У дачной остановки они притормозили. Участковый огляделся, подошел к двери магазинчика, посмотрел часы работы, потом двинулись дальше. Последнее место стоянки обнаружили быстро. Компания Толика расположилась у протоптанной тропинки, которая вела на пляж, но чуть в глубине леса. Полянка была маленькая и скрытая от случайного взгляда высокой травой и плотным кустарником, поэтому с дороги ее не видели. Собутыльники распивали спиртное, сидя на поваленном дереве. Рядом с ним участковый и обнаружил еще одну пустую бутылку.

— Видишь, дядя Петя, мы не врем. Все, как есть, рассказали,

— А куда Надюха потом делась?

— А бес ее знает. Мы Юрка с ней вдвоем притащили и бросили вон там, под деревом.

Участковый посветил фонариком в направлении руки Толяна и увидел раскидистую елку, среди торчащих из земли корней которой образовалась уютная ложбинка.

— А дальше что?

— Потом беленькую распили. Девка уже вдрызг пьяная была, про инопланетян болтала. Вроде бы они ее украли и в тарелку притащили, а там всякие опыты над ней делали.

— Какие опыты? — не понял участковый.

— Ну, Надюха говорила, что они к кровати ее привязывали и током прошибали. Я еще подумал, что она, может, «белочку» поймала, раз такую чушь несет.

— И, правда, ерунда какая-то. А вдруг наша девушка того, с мозгами не дружит? Голова у нее в порядке?

— Не знаю, при нас вроде нормальная была.

Разговаривая с мужиками, Петр Макарович продолжал внимательно осматриваться вокруг. Луч фонарика перемещался с одного дерева на другое. Потом прошелся по нижним кустам. Ничего не обнаружив, участковый подошел ближе к месту, на которое показывал Толик, и в свете фонаря увидел остатки рвоты.

— А это что?

— Это Юрку плохо стало. Вырвало. Пока с ним возился, Надька исчезла. Я посмотрел вокруг, по кустам пошарил — ее нигде нет. Я и решил, что она сначала по-маленькому где-то присела, а потом домой намылилась.

Они шли по лесной дорожке, спотыкаясь на каждом корне и матерясь на всю округу, буквально метров сто, как вдруг показался асфальт. Расследование зашло в тупик.

— Допустим, она пошла в сторону, противоположную от деревни. Куда она могла попасть? — размышлял вслух участковый.

— Впереди крутая база отдыха построена. Там все под охраной. Надюху бы сразу остановили и доложили, куда следует, если бы брыкаться стала.

— Хорошо. А в лес она могла свернуть?

— Ну, да. Могла, — включился в разговор Юрок, — но уже было темно, а в тени деревьев и того хуже. Вечером и ночью в лесу страшно. Любой куст опасным кажется. Птица из-под ног выпорхнет — у мужика сердце остановится, а у молодой девки и подавно. Не дура же она, чтобы просто так болтаться.

— Погоди, Юрок, а помнишь, баба Аня про какие-то таблетки говорила, которые нельзя принимать с водкой? — добавил Толян. — Может, Надька эти таблетки перед уходом выпила, и у нее мозги отшибло? Ну, есть же лекарства, которые нельзя мешать с алкоголем.

— А какие таблетки она принимает? Транквилизаторы?

— Транки... что? Не, я даже такого слова не знаю, — протянул Толян.

— Транквилизаторы — это успокаивающие. Если их принять с алкоголем, то такой «коктейль» усилит их действие. Появится сонливость, нарушится координация движений, острота зрения, ориентация в пространстве. Бывает, поменяется сознание. А может, усилится и действие алкоголя. Человек еще сильнее пьянеет.

— Ух, ты, как интересно ты рассказываешь, дядя Петя. Вот я о том же и говорю. Спит Надюха где-нибудь в кустах, а как проснется, так домой пойдет.

— Да, тебе лишь бы ночью по лесу не бродить, — укоризненно покачал головой Петр Макарович.

— А чо! Мы в темноте ничего не найдем, правда, Юрок? — Толик призвал на помощь дружка для подтверждения своих слов.

— Так-то оно так, — с сомнением произнес Юрок, — а вдруг звери какие на Надюху нападут?

— Ты чо мелешь, блаженный! Какие звери? У нас здесь самый страшный зверь — человек. Во всей округе, кроме людей и собак, никаких зверей не осталось.

— И то верно, — согласился с Толиком участковый.

— Петр Макарович, давайте домой вернемся, а как только развиднеется, так сразу и на поиски пойдем.

— А что бабе Ане скажем?

— Да так и скажем. Мол, темно, ничего не видно, поэтому остановили поиск до утра. Доводы были разумные, и как ни сомневался участковый, а до утра, действительно, в лесу делать нечего.

— Ладно, уговорили. Только надо вашим бабкам позвонить, чтобы зря не ждали.

Обрадованный Толян быстро набрал номер телефона матери, но, не услышав гудков, увидел, что связи нет.

— Что за чертовщина? Будто в дыре какой-то находимся. Вечно в нужный момент связь пропадает.

— Сам знаешь, здесь такое бывает, — согласился участковый и дал команду садиться в машину.

Домой ехали молча. Время было позднее, да и темы для разговора закончились.

Когда у Петра Макаровича зазвонил мобильный телефон, от неожиданности все вздрогнули. Участковый взял трубку:

— Петр Макарович? — услышал он испуганный голос помощника, студента, направленного на его участок для прохождения практики.

— Да, Кирилл? Почему так поздно звонишь, случилось еще что-то?

— Из района звонили. К ним сигнал поступил о грабеже с нанесением тяжелых увечий.

— Господи, что за напасть на мой участок! Сначала девушка пропала, теперь грабеж. Где это произошло? Как? Рассказывай быстро.

— В дачном поселке, который к нашему участку приписан.

— В «Дорожнике», что ли?

— Ну да, — быстро ответил помощник, — здесь уже следственная бригада работает, вам тоже нужно прибыть на место.

— Хорошо, диктуй адрес и рассказывай толком, что произошло, — участковый достал блокнот, ручку и сунул все в руки коротышки, — Юрок, я буду говорить, а ты записывай.

— А что записывать? — голос Юрка предательски дрожал, но участковому некогда было прислушиваться. Он не обратил никакого внимания на странное поведение друзей.

— Что скажу, то и записывай, — ответил Петр Макарович и прокричал в трубку уже Кириллу, — диктуй адрес.

— Улица Земляничная, дом 15.

— Улица Земляничная, дом 15, — повторил для Юрка Петр Макарович, а потом снова рявкнул на студента:

— Кирюха, ты давай, не мямли. Должи по существу дела, как на службе положено.

— Так я и докладываю. В поселке «Дорожник» на даче через окошко в дом залез вор. Думал, что никого нет, а в домике на втором этаже остался ночевать дед. Он и вышел на звон разбитого стекла. Подошел к преступнику тихонько сзади и спросил, что тот забыл в его кухне. Вор испугался, схватил стоящую на газовой конфорке сковородку и огрел деда по голове.

— Ты так подробно рассказываешь, как будто сам был на месте происшествия.

— Я же первый приехал на велосипеде на вызов, уже соседней опросил. Они и рассказали, что слышали шум, прибежали и нашли деда в луже крови. Вызвали полицию и скорую. Деда увезли в больницу.

— Хорошо, молодец, оперативно. Откуда знаешь, что орудие нападения — сковородка?

— Так у деда все лицо в растительном масле и картошка жареная в волосах. А на доньшке посуды следы крови остались. Я вам уже полчаса пытаюсь дозвониться, а вы все недоступны.

— Ну, бывает. Здесь связь плохая, сигнал ускользает. Вор украл что-нибудь?

— В том-то и дело, что нет. Так, пошарил по шкафам, еду кое-какую собрал да бутылку водки прихватил.

— И все? — при этих словах участковый посмотрел в зеркало заднего вида на притихших за его спиной мужиков.

— Ну, да.

— Хорошо, я уже рядом. Скоро буду на месте. А водка какая была?

— Обыкновенная, дешевая беленькая, вроде «Пшеничная», дед не успел сказать, почти сразу сознание потерял. Она в ларьке у остановки продается.

— Ясно, — при слове «Пшеничная» опытный участковый сделал охотничью стойку и с угрозой посмотрел на дружков. Но разъяснение Кирилла, что водка продается в ларьке, успокоило Петра Максимыча и отвело его подозрение от мужиков, замерших на заднем сиденье.

— Внучку бабы Ани нашли?

— Нет. В темноте не разглядеть. До утра это дело отложили.

Толян с Юрком сидели и, замирая от страха, слушали разговор, боясь пропустить хоть одно слово. Верзила делал равнодушное лицо и смотрел в окно, всеми силами показывая, что его эта история не касается, но по виду Юрка этого сказать было нельзя.

— Парни, где мне вас высадить? Придется ножками прогуляться. Я сейчас занят буду.

— Ничего, дядя Петя, ты вот туточки машину останови. Мы сами доберемся, здесь недалеко, — обрадовался Толян.

— Я могу вас с собой взять, но, боюсь, там надолго застряну.

— Нет, мы домой. Правда, Юрок? — Толян посмотрел на дружка, который сидел ни жив ни мертв.

Петр Макарович остановил полицейский уазик, высадил дружков на окраине дачного поселка, развернулся и поехал в сторону улицы, где произошло ограбление.

Толян и Юрок молча шли по темной дороге. Сначала медленно, потом все больше ускоряя шаг, и, наконец, побежали.

— Толян, я не могу, задыхаюсь, давай передохнем, — первым не выдержал коротышка.

Толян нехотя согласился. Они остановились и заскоблили подошвами по траве, чтобы найти приличное место. Нащупали площадку без кустов и веток и сели на обочину, касаясь локтями. Глаза хоть и привыкли к темноте, но все равно разглядеть ничего не могли.

— Надо было фонарик у участкового взять, — проворчал Толян.

— Ага, не догадались, — вяло ответил Юрок, — и что делать будем? А вдруг узнают?

— Да не бзди ты, кто узнает? Нас ведь там не было, на поляне сидели. Надюха одна ходила.

— Ты думаешь, это она деда по голове сковородкой?

— Откуда я знаю, она же пришла, как ни в чем не бывало, поставила бутылку. Баба Аня

про какие-то страсти нам в уши пела, я ж толком ничего не понял. Нефедов перевел дыхание и, чуточку подумав, добавил:

— Да нет, не может Надюха такое сотворить. Она же мирная была, только хохотала много, говорила, что водку в ларьке купила.

— А если не в ларьке? Ты же слышал: вор в доме "Пшеничную" украл. Надюха такую же притащила. А вдруг это она делов наворочала?

— Мы-то тут причем? Нас там не было. Ты вон — пьяный в стельку валялся.

— Слушай, мы тоже по поселку болтались.

— Ну, походили чуток, и что? Никуда же не лезли.

— Так тебя, дурака, баба с корзиной запомнила. Ты к ней приставать начал.

— И не приставал я, а наоборот, помочь хотел.

— Да какой нормальной бабе помощь пьяного мужика нужна? Еще и такого бугая здоровенного, как ты.

— Ого, а ты не такой уж и пьяный был? — внимательно посмотрел на друга Толян. — Может, ты притворялся? Вдруг это ты деда того, сковородкой припечатал? Давай, колись.

— Да я ничего, Толян. Я же рядом с тобой был. Ты же знаешь, я хоть и пьяный, а память не теряю. Ну, что? Потопали?

— Давай, а то только к утру домой доберемся.

— Знаешь, я вот что думаю: зря мы с тобой из машины вышли. Надо было на хвост к участковому сесть, и все бы узнали.

— А ты дело говоришь.

Пока препирались и переживали, не заметили, как преодолели два километра по темной дороге и подошли к дому Толика. В окнах еще горел свет. Получалось, что женщины спать так и не легли.

— Что говорить будем бабе Ане, она, поди, извелась уже? — спросил Юрок.

— А я почему знаю? На участкового свалим. Это он решил до утра поиск Надьки приостановить и на другое дело поехал. Мы же не соврем, все — истинная правда.

Не успели мужики подняться на крыльцо, дверь резко отворилась и выскочила баба Аня:

— Ну, что? Как? Нашли Надюху?

Ответить дружки не успели. Они услышали вой полицейской сирены. Выбежав на дорогу, увидели, как к ним по пустынной улице пылит уазик Петра Макаровича.

— Все, Юрок, кранты! По нашу душеньку ментяры прибыли.

Глава 15

Максимовы.

...Человек пробирался по лесу. В темноте разглядеть что-либо было сложно, поэтому он шел медленно, едва передвигая ноги и вытягивая руки, чтобы на ощупь определить опасность. От напряжения у него слезились глаза. То и дело раздавалось чертыхание, треск сломанного сучка, когда человек натыкался на колючую ветку. Изредка он останавливался, переводил дух, оглядывался, снова пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте, потом двигался дальше. Вокруг шумел лес, но, казалось, что он вовсе не пугал его. Раздражали препятствия, которые попадались на земле и о которые постоянно спотыкались ноги.

Наконец, не разглядев впереди опасность, путник наткнулся на ствол, лежащей поперек едва видной тропинки, и ушиб ногу. От пронзившей его боли он невольно вскрикнул и выругался:

— Что б ты провалился, кусок дерьма!

Человек сел на ствол и стал растирать ушибленный палец. Уставшее тело требовало отдыха. Незнакомец медленно сполз на землю и прислонился плечом к лежащему дереву. Из-под ноги трусливо шмыгнул в кусты шустрый зверек. Путник вздрогнул от неожиданности и опять грязно выругался.

— А чтоб тебя на части разорвало, паразит! Греби ушами в камыши, а то догоню и оторву их нах...н!

Боль пульсировала в висках и мешала сосредоточиться. От сильного напряжения болели глаза. Во рту было паршиво, будто там кошки ночевали.

— Пить хочу! — произнес он хриплым голосом.

Конечно, надо бы сориентироваться и выбрать правильное направление, но в кромешной тьме это сделать было сложно. Куда бы ни поворачивал голову человек, везде взгляд натыкался на огромные ели, сосны или лиственные деревья — короче, на что-то большое и мрачное... А сквозь кустарник, росший между высокими стволами, пролезть было просто невозможно.

Человек встал и двинулся вперед — появилось ощущение, что идет он в гору. Это был маленький холм, и путник сразу оказался на его вершине. Если бы не ночь, нужную дорогу отыскать было бы легко ... Незнакомец замер на месте, прислушался. Показалось, что справа плещется вода. Он облизал пересохшие губы и уставился в темноту, потом посмотрел наверх и зло воскликнул:

— Хоть бы эта долбанутая луна вылезла! Ни черта не разглядеть. Куда идти? Где дом? Вот погодите, сволочи, я до вас доберусь!

К кому относились эти слова, было неизвестно, но, будто услышав ругань, из-за тучи несмело показалась луна. Выглянула одним глазом, словно хотела подсмотреть, что там, в мире, творится, и скрылась. Потом показался еще раз ее слегка щербатый бок, и ночная красавица, сияя золотистым ободком, полноправной хозяйкой воцарилась на небосклоне. Темнота постепенно редела, из насыщенной, иссиня-черной становилась темно-серой.

— Ну, привет, красотка! — опять крикнул человек, спугнув с дерева ночную птицу. Громко хлопая крыльями, та пролетела немного и приземлилась на соседнюю елку.

— А ты чего разлеталась? Вот поймаю и башку оторву, — продолжал разговаривать с природой человек.

Под лунным светом стали видны контуры деревьев и кустов. Глаза, слегка привыкшие к темноте, разглядели справа черное гладкое пространство. Поскольку именно оттуда доносился плеск волн, человек предположил, что там находится озеро. Его снова охватила жажда. Он направился на шум воды.

— Пить хочу!

Но близко к озеру подойти не удалось: он попал на заросший растительностью берег. Колючие ветви кустарника, жесткие листья высокой травы оставляли на руках порезы. Каждый шаг давался ему все с большим и большим трудом. Когда одна нога по колено провалилась в болотистую почву, человек сдался. Он наклонился и, зачерпнув в пригоршню воды из образовавшейся лужицы, напился.

— Классно как! — воскликнул довольный путник.

Для постороннего наблюдателя этот человек показался бы странным. Во-первых, он не боялся темноты и враждебности леса, его не задевали никакие ночные крики, писки, трески и уханья. Во-вторых, он не заботился о своем здоровье. Напролом лез через кусты, не

выбирал удобную и менее опасную дорогу, как сделали бы это обычные люди, чтобы не пораниться. Его не трогало, что вода, которую он пил из болота, могла быть грязной, полной микробов или болотной живности. Кроме того, его монолог, обращенный к деревьям, птицам и лесным зверькам, состоял в основном из ругательств и «кровожадных» угроз.

Наблюдательный человек обязательно бы сделал вывод, что поступки этого незнакомца неадекватны и резко отличаются от нормального поведения.

— Если поверну влево, то выйду на дорогу.

Сделав такой вывод, человек, немного прихрамывая, снова поднялся на холм. Неуклюже спускаясь, он злобно предупредил луну:

— А ты, с...а, не смей за тучу прятаться! Дай я из лесу сначала выберусь.

Через пять минут незнакомец вышел на свободное от деревьев пространство, огляделся и прислушался. По-прежнему справа едва слышно плескалась волна (озеро было совсем близко). На поляне, окруженной лесом, стояла, поблескивая лаком в свете луны, машина.

— Какого лешего? Что за дурак здесь торчит? — пробормотал под нос путник. Он развернулся и хотел уже убраться восвояси, но наступил на сухую ветку, которая сломалась с громким щелчком. Выругавшись про себя, незнакомец резко подцепил обломок ногой, подбросил и пнул в сторону машины. Ветка стукнулась о дверь — из машины никто не вышел.

Человек тихо, как тень, приблизился к автомобилю, обошел его, тронул дверную ручку — та оказалась запертой. Приблизив лицо к окну, он заглянул внутрь, но рассмотреть ничего не смог.

Человек направился к лесу. Через несколько шагов он вдруг уловил какие-то звуки. Замер на месте и прислушался.

Кругом чуть шумел листвою лес, плескалась о берег озерная волна, в чаще ухал филин ... Обычные звуки ночного леса.

* * *

...Проснулась Света внезапно, с неясным ощущением опасности. «Что же меня разбудило?» — подумала она, но причин беспокойства не нашла. Вокруг было темно, непривычно тихо. И холодно. Света зябко передернула плечами, огляделась. Она была в машине, на сиденье рядом посапывал муж, сзади спали дети.

Значит, Коля съехал с дороги и остановился. Где они сейчас находятся? Света не смогла определить — слишком было темно.

Тишина. Все дышало миром и покоем. Женщина вытянула затекшую во сне руку, потом другую, несколько раз согнула непослушные пальцы.

«И что же со мной происходит? Откуда этот беспричинный страх?»

Внезапно она услышала шорох. Кто-то снаружи трогал ручку машины. Света вздрогнула и испуганно уставилась в окно: два неподвижных глаза посмотрели на нее — и тут же исчезли.

У Светланы, как деревенский набат, застучало сердце, лоб покрылся испариной. Приглушенно вскрикнув, она схватила за руку мужа.

— Что? Что случилось? Уже утро? — Коля спросонья хлопал глазами, еще ничего не понимая.

— Там... Там... — она показала рукой на окно, — там кто-то есть. — Ее голос осип и отказывался подчиняться. Сознание сковал ужас. Частичка ее «я» еще пыталась проанализировать, чего она так испугалась, но все остальное потонуло в этом ужасе.

— Где? Кто там? — пытался что-нибудь сквозь стекло разглядеть Коля, но ничего не увидел.

— Ну, что ты выдумываешь? Птица ночная пролетела и задела окно крылом.

— Коля, это не птица. Я четко видела глаза, глаза человека. Они смотрели на меня, — Светин голос перешел на свистящий шепот.

— Ну и где твой кошмар? Ничего же нет. Успокойся и давай спать.

— Ты мне не веришь, тогда смотри: Чапка не спит, он тоже что-то чувствует.

Собака тихонько рычала и, не отрываясь, смотрела на окно.

— Даже если там кто-то и бродит, то волноваться не надо. Машина закрыта, а взламывать ее никто не будет, — успокаивал жену Коля. Однако, увидев ее лихорадочно блестящие глаза, тут же добавил:

— Ладно, уговорила. Пойду посмотрю, что тебя так напугало.

Устало вздохнув, он сбросил с колен плед.

— Нет, не нужно, — испуганно вцепилась в него жена, — все в порядке, я уже успокоилась.

Коля повернулся на бок, обнял жену:

— Ладно, малыш, давай спать. Я сегодня устал. Вот увидишь, все выяснится. Либо это ветка по стеклу царапала, либо еще что-то подобное. Ночью и собака волком кажется. Спи.

Света прижалась к руке мужа и затихла. «Неврастеничка, лечиться тебе надо! Разве можно так изводить себя и мужа!» — подумала она и принялась считать про себя, чтобы быстрее заснуть. На ум невольно пришел тот сон, который она видела накануне отъезда. Замкнутое пространство, темнота вокруг, парализующий сознание ужас — все напоминало о нем...

Но тишину больше ничто не нарушало, и Света незаметно для себя заснула.

* * *

Тень еще раз бесшумно обошла машину. Постояла, снова протянула грязную ладонь к дверной ручке, но на полпути остановилась. Передумала. Потом почесала голову, кивком отбросила с лица прядь волос и медленно побрела к плотно стоящим деревьям. Лес молча принял ее в свое лоно, спрятал в плотной чаще, закрыл мохнатыми ветвями... Он хорошо умел оберегать чужие тайны.

Глава 16

Толян и компания.

Когда Петр Макарович приехал на место происшествия, следственная бригада работу уже закончила. Участковый поздоровался с коллегами.

— Макарыч, вроде твой участок, а ты на преступление последним приезжаешь. Непорядок, — пошутил Виктор Васильевич Трофимов, пожилой следователь.

— Простите, так вышло. По другому делу ездил. Находился там, где связь плохая.

— Да ты не извиняйся, знаем мы о твоих проблемах. Практикант нам уже рассказал. Ловкий он парень, быстрее нас приехал. Наверное, без остановки педали крутил, чтобы первым быть.

— Да нет, — зарделся от похвалы Кирилл, — так получилось.

— Макарыч, как думаешь, не те ли парни пошалили, которые девушку в лесу оставили?

— Еще не знаю. Ребята, вы можете немного подождать, пока я осмотрюсь?

— Давай, Макарыч, у тебя есть пятнадцать минут. Мы опрос свидетелей закончили, стариков отпустили по домам, только вот Катя, которая нас вызвала, и осталась. Если что,

Кирилл тебе подробности расскажет, он дознание с нами проводил.

Участковый с интересом пригляделся к свидетельнице. Рядом с бравыми операми из района стояла молодая девушка лет двадцати, не больше. Ее переполняли эмоции. Глаза возбужденно горели, руки теребили края пестрой шали, накинутой на плечи. Она азартно переговаривалась с практикантом, то и дело перебивая его, вспоминая новые подробности.

— Хорошо, я постараюсь быстро.

Пострадавшего уже не было. Машина скорой помощи увезла деда, положение которого на данный момент было критическим: удар по голове вызвал в старом организме цепную реакцию. Результат оказался плачевный: в головном мозге пострадавшего разорвался сосуд.

Врачи вызвали родственников и решали вопрос об операции, которую старик, возможно, не переживет. И тогда рядовое дело о дачном грабеже станет делом об убийстве.

Следователь ввел участкового в курс дела. Он сообщил, что очевидцев не было. Дачники, соседи дедушки, выскочили на шум разбитого стекла, но в домике нашли только стонущего старика. Они видели убегающего преступника, но разглядеть, кто это был, не смогли. Девушка, которая стояла рядом с операми, рассказала, что встретила вечером в поселке с двумя сильно захмелевшими мужиками. С ними болталась и женщина.

По словам свидетельницы, один из парней, с татуировкой головы волка на предплечье, стал к ней приставать, а когда она не ответила на заигрывания, он еще ее и оскорбил. Участковый слушал следователя и девушку и постепенно склонялся к мысли, что речь идет о его знакомых. Но во время нападения на старика деревенские алкаши находились в его уазике! У них было стопроцентное алиби.

Девушка рассказала также, что ринулась догонять вора, но преступник свернул на соседнюю улицу и пропал. Может, спрятался на заброшенном участке, заросшем травой, каких в поселке было немало, может, так быстро бегал — выяснять было некому. В старом дачном поселке владельцы участков — пожилые люди. Молодежь хоть и приезжала, но на ночь оставалась редко, тем более в будний день. А сегодня был вторник.

— Я за ним бежала, а когда он пропал, испугалась: на улице ни одного фонаря — а вдруг он из-за спины выпрыгнет и пырнет меня ножом, — оправдывалась она.

Но никто ее не стыдил. Оперативники понимали, что девчонка не смогла бы остановить преступника и только навредила бы себе.

Петр Макарович выводы пока делать не стал. Он зашел в домик через узкую веранду. Ее пол усеивали осколки битого стекла: преступник разбил камнем окно и легко забрался в домик, в котором было еще две комнаты — на первом и на втором этажах. Петр Макарович огляделся. Больше на веранде смотреть было нечего, и он прошел в квадратную комнату размером примерно четыре на пять метров.

Справа находился кухонный уголок: газовая плита, стол-тумба с посудной сушилкой, над ним висели два шкафа для продуктов. Далее у окна стоял обеденный стол, за ним — холодильник. Две следующие стены занимал коричневый диван, рядом находился комод. В последнем свободном углу — камин. На полу лежал старый потертый ковер с длинным ворсом. Точно такой вот уже двадцать лет дряхлел у Макарыча дома. Простая обстановка временного жилища, куда привозят обычно старые, никому не нужные вещи, создают минимум уюта. В ночной тишине раздавалось мерное тиканье ходиков. Участковый отметил: 2-30 ночи.

В комнате царил беспорядок. Двери шкафчиков были раскрыты, их содержимое валялось на полу. Манная крупа из лопнувшего пакета усыпала пол. Сковороду, какой

ударили деда, криминалист уже запечатал в пакет в качестве орудия нападения, но жареная картошка валялась на полу вперемешку с манкой. Зиял раскрытой пастью холодильник, из которого пропали вареная колбаса и бутылка «Пшеничной». Об этом уже рассказала операм Катя, которая столкнулась с дедом в дачном ларьке и видела, что тот покупал.

Кроме продуктов на полу валялись и мелкие вещи: полотенце, носки, грязная рубашка в красную клетку, чуть подальше — белая мужская кепка. Стандартный дачный набор одежды. Рядом лежал опрокинутый стул.

— Так, стул упал случайно: на нем, скорее всего, висела и лежала одежда, и вор в темноте на него наткнулся. Кепка должна висеть на веранде, где обычно люди оставляют верхнюю одежду, но, возможно, старик забыл, снял ее в комнате. У него сейчас не спросишь. У родственников утром выясню, что еще пропало, кроме еды и водки, — бормотал себе под нос участковый и беспрестанно щелкал телефоном, снимая все подряд, чтобы потом спокойно еще раз посмотреть фотографии и подумать.

Складывалось впечатление, что вор хотел поесть и выпить. Домик выбрал случайно, тот, что оказался ближе к лесу. В окнах не горел свет, поэтому вор предположил, что никто не ночует. А сообразить, что хозяин уже спит, почему-то не мог.

Вообще, странный был этот преступник. Так обычно воруют подростки, бомжи или алкаши, которым на водку денег не хватило. Нападение тоже не было спланированным. На это указывала сковорода, выбранная орудием. Получалось, что первое попало под руку, то вор и схватил.

— Во что был одет преступник? — спросил Петр Макарович Катю, когда вышел из домика. — Вы ведь видели его спину.

— Во что-то светлое, больше ничего не скажу. Не знаю, — Катя на секунду призадумалась, потом выпалила. — Вернее, светлым был верх, низ не видела. Темно. Правда, почудилось, будто один раз мелькнуло что-то белое внизу, может, нога, а может, и другое что.

— Не предполагаете, это могла быть женщина? — осенила вдруг догадка участкового.

— Ой, вряд ли. Разве могла женщина так сильно деда ударить? А вы что, уже кого-нибудь подозреваете?

— Не совсем, но идея уже появилась. Ее надо ее проверить, — эти слова Макарыч уже адресовал операм.

— Конечно, вы здесь каждую собаку знаете, вам и флаг в руки, — ответил следователь, — а мы поехали. Если что узнаете, звоните. А как поиски? Нашли девушку.

— Пока еще нет. Я проехал с ее друзьями по их маршруту, но никого не встретил. В лесу темень страшная. Искать начнем, когда рассветет.

— Понятно. Ладно, до встречи.

— Кирилл, прощайся с Катей, у нас работа. В одно место съездить надо, проверить мою догадку.

— Дак, кого все-таки подозреваете? — снова вскинулась любопытная Катя.

— А вот это вам, мадам, знать не положено, — шутливо щелкнул девушку по носу Петр Макарович. — Время позднее, марш в постель. Если вы еще понадобится, мы вас обязательно найдем. Кирилл, ты спросил координаты Кати?

— Обижаете, Петр Макарович, сразу записал, как только прибыл на место.

— Тогда все, здесь закончили. Катя, закрой домик на ключ и ничего в нем не трогай. Договорились?

Катя согласно кивнула.

— Спокойной ночи, милая девушка. Мы поехали.

Глава 17

Сегамачо.

— Костян, ты где? — крикнул еще раз Сегамачо, понимая, что друг должен быть рядом. Но в ответ услышал только эхо.

Он решил, что Котыч заглянул в кусты. Хотя... Рыбак пожал плечами: здесь никого нет, можно на месте помочиться. Тогда где Костик? Он еще раз осмотрелся, потом вернулся к машине. Раззадорил костер, чтобы веселее было и не так донимала утренняя мошкара, поставил на огонь прокопченный чайник и приготовился ждать. Пока закипала вода, Сегамачо прошелся вдоль кромки леса, но друга не нашел.

— Костян, это уже не смешно. Если хотел меня напугать, так я уже боюсь. Хватит детских игр, выходи.

Все еще не сильно беспокоясь, он съел бутерброд с остатками вчерашней колбасы и выпил стакан крепкого чая, а Котыч так и не появился. Тревожные мысли одолевали Сегамачо. Он понял: что-то случилось. Как бы Костян на него ни злился, не мог он исчезнуть просто так, не предупредив друга.

Сегамачо снова пошел на место рыбалки товарища. Утро уже вступило в законные права. Весело щебетали птицы, туман, расстилавшийся молочной пеленой над озером еще тридцать минут назад, почти полностью растворился. Но друга по-прежнему не было.

— Что за чертовщина!

Сегамачо сложил ладони рупором и крикнул:

— Костик, ты где?

Ответа не было. Тогда он решил внимательно оглядеться и увидел то, что не заметил ранее. В густых камышах между стеблей травы стоял вертикально нож. Возможно, он был здесь и раньше, но в утреннем полумраке Сегамачо принял его за коричневый цветок камыша. Он осторожно выдернул лезвие и стал его разглядывать. Это был обычный охотничий клинок, который друг брал с собой в лес.

Сегамачо удивленно пожал плечами: зачем Котычу во время рыбалки понадобился нож, и уже нацелился бросить его в ведро с рыбой, все еще стоящее рядом, но вдруг в памяти мелькнула картинка: нож в руках у Котыча, а тот режет им хлеб, затем кладет на стол. Сегамачо вспомнил, что когда они уходили к озеру, нож лежал на столе. А потом появилась и вторая картинка: он сам ночью режет колбасу этим ножом. Сегамачо помнил, что сунул потом лезвие в ножны и оставил на столе.

Он бы не был хорошим участковым, если бы не заподозрил неладное. Тревога в душе уже пышно расцветала. Сегамачо попытался размышлять логически. Во-первых, он сидел ближе к месту стоянки, чем Котыч, но совершенно не слышал, как тот вставал со своего стульчика и ходил по берегу. Если только Костик не летал или не шел на цыпочках, чтобы не спугнуть рыбу.

А во-вторых, присутствие постороннего он тоже не слышал. Хотя эту мысль он сразу же отменил. Если незнакомый человек находился в лесу, Сегамачо бы о нем все равно не догадался: далеко слишком. В-третьих, кто-то съел ветчину из контейнера. Но Сегамачо сразу отказался от этого аргумента: ветчину мог схомячить и сам Котыч, как и захватить с собой нож.

— Господи, о чем я думаю! Вот идиот, в Шерлока Холмса решил поиграть, — но на

душе было все равно неспокойно. Только бы ничего не случилось, — прошептал он, а потом опять крикнул на весь лес, — Костя, ты где? Выходи, не пугай меня так.

Но на его крик откликнулись только вороны, десятка три которых сидело на дереве, стоявшем поодаль у воды. В мозгу Сегамачо щелкнуло: он вспомнил, как получасом раньше видел ту же стаю, взлетающую вверх с того же дерева. Он тогда еще отметил, что рядом лежит падаль.

— О боже! — вскрикнул мужчина, внезапно связав вместе факты. — Хоть бы ничего не случилось.

С ножом в руках он побежал к тому месту, где каркала стая ворон. Сначала он ничего не мог разглядеть. Зрение как будто потеряло четкость, он видел только размытые силуэты кустов. Потом Сегамачо встряхнул головой, прогоняя душившие его плохие предчувствия. Он и сам не понимал, почему так перепугался. Сердце колотилось как бешеное, его било мелкой дрожью, нож, который он держал кончиками пальцев, постоянно норовил упасть на землю.

Мужчина, тяжело дыша, подбежал к дереву, но рядом с ним ничего не увидел, как ни старался. Стая ворон с громким карканьем взвилась вверх, а две, самые смелые, опустились на прибрежные кусты, мимо которых Сегамачо только что пробежал. Он бросился к ним и наконец увидел Котыча. Тот лежал в двух шагах от воды лицом вниз и не шевелился. Одна рука была вытянута вдоль тела, а другая прижата к горлу.

— Костян, что с тобой? — крикнул Сегамачо, опять вспугнув ворон.

Он схватил друга за плечи и перевернул. Котыч смотрел на него остановившимся навсегда взглядом серых глаз. Его ладонь съехала с шеи и с глухим звуком ударилась о землю. На месте кадыка зияла рваная рана, сделанная острым предметом. Одежда на груди и животе была залита кровью вперемешку с водой. Красная лужа натекла и под тело. Рука, которая закрывала горло, теперь лежала ладонью кверху. Кожа на ней тоже была в мелких порезах.

Все еще не осознав толком, что произошло, Сегамачо, как заторможенный, смотрел то на друга, то на рану, то на нож, который бросил рядом, когда переворачивал Котыча. Он недоуменно огляделся вокруг и заметил бурые крапинки на траве, кустах, а потом к своему ужасу увидел кровавую дорожку, которая тянулась от места рыбалки до этих кустов. А он пробежал мимо и даже не обратил внимания на странные пятна.

Сегамачо опустился на землю рядом с другом и завыл. Со стороны это выглядело страшно. Огромный мужчина сидит в прибрежных кустах, руки закрывают лицо, он раскачивается, как маятник, и в голос воет и причитает.

— Как же это произошло? Что случилось? Почему я, идиот, ничего не слышал и не видел! — Сегамачо вскочил на ноги и в иступлении побежал вдоль берега. — Кто здесь есть? Выходи, сволочь, по-мужски поговорим.

В отчаянии Сергей Иванович забежал в лес, но там никого не было. Тогда он схватил палку и стал колотить ею по деревьям. Громкий топот его ног и истеричные крики, грохот дубинки по стволам пугали лесных обитателей, заставляли их прятаться в норы, хорониться среди листвы, или спасаться от нежданной беды, удирая со всех ног. Сегамачо бегал и кричал, заглядывая под каждый куст. Однако, даже находясь в этой безумной гонке, понимал, что никого не найдет. Надо было выплеснуть боль и горе на кого-нибудь, пусть даже и невидимого. В один момент ему показалось, что сзади хрустнула ветка. Сегамачо бросился в ту сторону с криком:

— Где ты прятешься, покажись! Я все равно тебя найду, жизнь положу, но найду. Чем

тебе рыбак помешал? Если ты грабитель, так забирал бы все по-тихому. Никто же не караулил ни машину, ни добро.

Если бы Сегамачо присмотрелся внимательнее, он бы увидел или, по крайней мере, почувствовал присутствие постороннего. Рядом с ним в густых зарослях лесной малины кто-то стоял. Человек равнодушно смотрел на беснующегося рыбака и левой ладонью придерживал правую раненую руку, завернутую в темно-красную материю. Он не пытался убежать или спрятаться. Казалось, он ждал, что его вот-вот найдут, и терпеливо готовился к встрече. Но Сергей Иванович слишком был потрясен трагедией, случившейся с другом, поэтому ничего не заметил.

Когда первый шок от увиденного на берегу прошел, Сегамачо вернулся к воде и снова посмотрел на Котыча. Вдруг резкий порыв ветра шевельнул траву над головой убитого, и Сегамачо почудилось, что тот двинул пальцами израненной ладони. Он стремительно упал на колени в слабой надежде, что Котыч еще жив. Сергей Иванович дрожащими пальцами нащупал пульс, но ничего не понял. Тогда он наклонился, чтобы расслышать дыхание. Потом вспомнил один способ из прочитанных книжек.

— Зеркало, нужно зеркало.

Сорвался с места и побежал к машине. Искал зеркало везде: в багажнике, в салоне, в бардачке, потом вдруг сообразил и выломал с корнем зеркало заднего вида у машины. Стремглав бросился обратно к берегу, приложил блестящее стекло к губам Котыча и напряженно вглядывался, запотеет или нет. Но зеркало оставалось прозрачным, а холодное тело бездыханным.

— Костик, как же ты? — опять завыл Сегамачо и сел на землю рядом с мертвым другом, обхватив лысину большими ладонями.

По-прежнему горе рвало сердце на части, уши не желали ничего слышать, а глаза видеть, но голова уже прояснилась. Мысли еще метались, как птички в клетке, но панические, бессвязные обрывки фраз, внезапно вспыхивающие в мозгу и бесследно исчезающие, постепенно превращались в логически выстроенные вопросы.

— Надо что-то делась, но что? Точно. Надо взять Костика, дотащить до машины и привезти в районный центр, — пробормотал он и даже привстал, чтобы действовать, но снова сел на землю.

Краешком сознания отметил, что брюки пропитались береговой влагой, но с места не сдвинулся, чтобы и пойти переодеться. Потом в нем заговорил участковый.

— Нет. Плохая идея. Лучше вызывать полицию сюда. Трогать нельзя, я и так здесь следы затоптал.

Он достал сотовый телефон и набрал номер, но сигнала не было. Тогда Сегамачо побежал к машине, вытащил из багажника кусок брезента и вернулся к берегу, чтобы накрыть тканью мертвое тело.

— Вот так. Так будет лучше, — лихорадочно шептал он, — ты, Костик, подожди чуток. Я скоро к тебе людей приведу. Потерпи, друг, пожалуйста.

Спрятав тело друга, Сегамачо вернулся к машине, но в замке зажигания не обнаружил ключей. Удивляться было некогда, он снова побежал к берегу и нашел их в кармане убитого.

— Костик, ты прости меня, бестолкового. Я сейчас, я быстренько обернусь.

Бегом назад — к машине. Завел мотор. Лихорадочно дернув коробку передач, развернул уазик Котыча и выехал на грунтовку. Озабоченный тяжелыми думами, мужчина и не заметил, как в уголках глаз появились слезы. Они медленно покатались по щекам, застревая

в каждой морщинке, а затем капнули с подбородка.

Сегамачо скосил глаза на мокрое пятно, появившееся на коленке, прикоснулся к лицу и удивленно посмотрел на влажную ладонь. Он уже и забыл, что умеет плакать. Когда хоронил своих и Наташкиных родителей, он не плакал. Смерть родных воспринималась естественно: старики уходят, оставляя свое место молодым. А с такой трагедией он столкнулся впервые. Мало того, что друга не стало, так еще и погиб он самым ужасным образом. Но больше всего убивало Гусева другое. Никак он не мог себе простить, что ничего не услышал, не заподозрил, а когда столкнулся со странностями, не засомневался, не стал расследовать.

— Как же так! — в который уже раз вскрикивал Сергей Иванович. — я же видел, что кто-то съел ветчину, но сразу решил, что это Костик. Я же столько раз хотел к нему сходить, и не дошел. Ну почему я такой идиот?

— Нужен сигнал, нужен сигнал, — без остановки повторял он, изо всех сил нажимая на газ.

Уазик скакал и трясся по грунтовой дороге, но выбирать места получше и объезжать ямы Сегамачо не мог: он их просто не замечал. Его взгляд постоянно перемещался: дорога — телефон, телефон — дорога. Сигнал появился лишь тогда, когда Сегамачо приблизился к туристической зоне. Рядом с тем местом, где они вчера бросили на произвол судьбы пьяную незнакомку. Он остановил машину и уже набрал номер телефона районной полиции, как что-то его будто толкнуло. Сергей Иванович опустил руки и на минуту задумался.

— Стоп. Что я делаю? — мелькнула первая разумная мысль за крайние полчаса. — Надо все тщательно рассчитать, а потом действовать. Так недолго и дров наломать. Буду рассуждать логически. Я позвоню в район и сообщу о случившемся. А дальше? Мне скажут оставаться на месте до приезда следственной группы. Это правильно, того требует протокол. Пока полиция появится, пройдет немало времени. А преступник тоже не debil. Он сейчас либо удирает со всех ног, либо где-то прячется.

Сегамачо вышел из машины и стал размашисто шагать вдоль дороги. На ходу ему лучше думалось. Он дошел до того поворота, где они стояли вчера, развернулся и пошел обратно.

— Предположим, я вызвал полицию, дождался их. Кто в глазах оперов будет подозреваемым? Конечно, я. Никто мне не поверит, что я сидел недалеко от того места, где человека резали, он сопротивлялся, еще несколько метров раненый полз, а я ничего не слышал. Что же делать? А если вызвать полицию анонимно? Тоже не вариант. Они за пять минут вычислят, с кем Котыч рыбачил, и тогда я из подозреваемого сразу превращусь в преступника.

Сегамачо остановился и с размаху стукнул себя по лбу.

— Ну что я за идиот. Нож-то зачем руками хватал! — он немного помолчал, а затем махнул. — А, какая теперь разница, я им ночью колбасу резал. Ручку своими пальцами заляпал.

Мужчина снова сел за руль, но в машине думалось неважно. Несмотря на раннее утро, становилось жарко. Солнце уже поднялось над иглами елок, чтобы опалить горячими лучами начинающийся день. Сегамачо вдруг обнаружил, что он до сих пор одет в кожаную куртку. Он нервно снял ее и бросил на сиденье рядом. На минуту он даже испытал облегчение, а потом вспомнил Котыча, одиноко лежащего на берегу, и пулей вылетел из машины в приступе дурноты. Постоял наклонившись, держась рукой за дерево, отдышался и снова зашагал по дороге.

— Думай, Серега, думай, — шептал он. — Ну, ладно, представим, что я сообщил е

район, в полицию. Они приедут через час, не раньше. А я чем в это время заниматься буду? Котыча охранять? Да я с ума сойду. Нет, это не выход. Тогда что делать, кто мне скажет? — Сегамачо с отчаянием посмотрел на небо, как будто просил совета.

Озарение пришло неожиданно.

— Господи, спасибо тебе за подсказку! — чуть не закричал он на весь лес. — Виктор Орлов! Ну, конечно, ему я расскажу все, как есть, а уже он выход найдет.

Сергей Иванович торопливо стал искать в телефонной книге номер своего знакомого. Они в юности вместе учились в школе милиции. Однокурсники часто проходили острым словцом по поводу их фамилий. Красавец Сегамачо откликнулся на неблагозвучную фамилию Гусев, тогда как маленький и невзрачный Виктор был Орловым.

Но жизнь все расставила по своим местам. Гусь так и остался ходить по земле: Сегамачо работал в родном поселке участковым. Зато Виктор превратился в Орла: стал в городской уголовке большим начальником.

— Виктор Романович, доброе утро! — закричал в трубку Сегамачо, когда наконец услышал сонный голос Орлова. — Это я, Сегамачо, участковый из деревни Ледяново.

— Кому доброе, а кому и нет, — ворчливо ответил голос на другом конце провода, — Серега, ты на время смотрел? Шесть часов утра! Я, черт возьми, в отпуске! Имею полное право подольше поспать.

— Прости, меня, друг, ради бога! Знаю, что еще рано, но тут дело такое...

— Что случилось, говори, все равно уже разбудил.

— Виктор Романович. Выручай, беда приключилась. Мы с другом рыбачили, здесь, на озере Лесном, а утром я обнаружил его мертвым.

— Сердечный приступ?

— Нет. Сам не понимаю, что произошло, но нашел его лежащим у воды с перерезанным горлом.

— Может, вы напились и подрались, а сейчас ты ничего не помнишь?

— В том-то и дело, что не пили мы, лишь пропустили по паре стопок. Бутылка водки так на поляне и осталась, если какой алкаш уже не нашел. Помоги, подскажи, что мне делать?

— Во сколько это произошло?

— Не знаю точно, хотя подозрение есть. Я на часы не смотрел, рыбалка была хорошая. А обнаружил я Котыча минут пятьдесят назад, холодного уже, но тело еще не заоченело.

— Давай подумаем. Если сейчас шесть утра, нашел ты его в пять пятнадцать, так?

— Да. Примерно.

— Тело, говоришь, не заоченело, но лежал убитый у воды. Хм... При таком раскладе на трупное окоченение нужно меньше времени. Предположим, убийство произошло в четыре или четыре тридцать утра.

— Я тоже так время рассчитал. Только, Виктор Романович, я сначала запаниковал. Боюсь, следы затоптал все, и нож руками хватал.

— Этот нож — орудие убийства?

— Не знаю, крови на нем нет, но это не показатель. Он стоял среди камышей, воткнутый во влажную землю. Кровь могло смыть. Я его выдернул, не задумываясь, на автомате. Только сейчас в чувство начал немного приходить.

— Понятно. Ты в райотдел уже звонил?

— Нет, сразу тебе, как добрался до места, где телефон ловит. Я подозреваю, что, пока

полиция едет, преступник смоется, потом не найдем его.

— Хочешь сразу по следу идти?

— Да, если вы позволите.

— Сложную ты мне задачу поставил. Подожди пять минут, я с дежурной оперативно-следственной группой переговорю.

— Спасибо за доверие, Виктор Романович. Клянусь, я никакого отношения к смерти Костяна не имею. Не могу даже представить, что произошло. Ничего не слышал и не видел, будто инопланетяне прилетели и сотворили такое.

Пять минут ожидания звонка показались Сегамачо вечностью. Он опять вернулся к машине, сел за руль, готовый сразу тронуться в путь. Мыслями он все время был на берегу. Как там Котыч? Звери не стащили брезент? А вдруг какой охотник или грибник наткнется на их стоянку? В голове одни вопросы менялись на другие, но ответов пока у него не было. Звонок прозвучал, как гром с ясного неба. Сегамачо подпрыгнул от резкого звука и закричал в трубку.

— Да!

— Оглушил. Ты так обитателей леса на ноги поднимешь, — проворчал спокойный голос на другом конце. — В общем, слушай. Оперативно-следственная группа выезжает. Главный у них — Олег Петрович Нестеренко. Он тебя знает, где-то вы с ним пересекались по работе. Я ему дал твой номер, ты расскажешь подробно, как найти тебя. Сам возвращайся на место рыбалки и начинай расследование. Пока бригада едет, уже что-то сможешь им рассказать.

— Хорошо, спасибо большое.

— Кстати, ночью поступили еще две оперативки из этого района. Во-первых, из деревни Васильевка, что находится в этом же районе, пропала девушка. Местный участковый организовал поиск из своих жителей, но в темноте они ничего не нашли. Так что, может, еще со спасателями пересечетесь. А во-вторых, в дачном поселке, что тоже построен на берегу Лесного, было совершено разбойное нападение с причинением телесных повреждений. Туда другая группа выезжала. Знаешь, вообще, не нравится мне это: три случая за одну ночь и в одном районе. Я в такие совпадения не верю. Может, и девушки уже в живых нет.

— А что за девушка? — сиплым голосом спросил Сегамачо? Услышав эту информацию, он почувствовал, как покрылся липким потом, а сердце снова застучало набатом в груди.

— Не трать время. Нестеренко тебе все и расскажет с подробностями. Удачи.

Сегамачо тяжело откинулся на спинку кресла, которая еще пахла одеколоном друга, а потом уронил голову на руль и снова завыл.

Глава 18

Толян и компания

Машина резко остановилась у калитки Нефедовых. На шум из дома выбежала Варвара и присоединилась к испуганной группе, состоящей из Толика, Юрка и бабы Ани.

— Толян, ты что опять натворил, — набросилась она по привычке на сына.

Тот ответить ничего не успел, дверь уазика распахнулась, и на землю спрыгнул участковый, а за ним его практикант Кирюха.

— Ну, что, хлопцы? Попали вы, кажется, в большую переделку, — укоризненно покачал головой Петр Макарович, — пошли в избу, буду дознание проводить. Хотя, по правилам, надо вас в участок забрать.

— Вы о чем говорите, какая переделка? Вы ничего не знаем, если вы про нападение на

даче. Нас там даже не было, — отбрыкивался Толян.

— Какое нападение? — всполошилась Варвара. Она переводила испуганные глаза с сына на участкового и понимала только одно: случилась новая беда.

— А Надюху мою нашли, — тронула за рукав участкового расстроенная баба Аня.

— Нет, бабуля, пока не нашли. В лесу темень, хоть глаз выколи. Как только рассветет, так и поедем.

— Так ведь уже скоро утро.

И правда, небо на горизонте уже посветлело, и темнота не была такой густой, стали видны очертания соседних домов.

— Еще часик подождем. Я с этими оглоедами побеседую, а вы, бабуля, идите домой. Мы вам обязательно сообщим, когда новости появятся.

Расстроенная баба Аня не знала, что делать. Она едва на ногах держалась от усталости. Варвара помогла ей встать и дойти до дверей, потом, хоть и переживала за бестолкового сына, пошла провожать ее до дома.

Вернулась буквально через минуту, Петр Макарович только устроился за столом и приготовился задавать вопросы. Кирилл притулился рядом с планшетом на коленях, готовый вести запись. Друзки сидели напротив. Толян держался нагло: грыз зубочистку, которую вытащил из солонки, и делал вид, что происходящее его не касается, а Юрок дрожал. Он устал, давно не ел, полночи болтался по лесу, вот организм и не выдержал. У него тряслись коленки, стучали зубы, подрагивали руки. Поглядев на этого бедолагу, любой посторонний человек скажет: этот мужик виноват во всех земных грехах.

— Ну, пожалуй, начнем.

— А чо надо? Мы в грабеже не замешаны. Это Надька, наверное, постаралась.

— Вот это сейчас и выясним. Если у вас есть алиби, никаких вопросов больше не будет. Я извинюсь перед вами, на том и расстанемся. Во сколько вы пошли на пикник из деревни?

Пальцы Кирилла так и замелькали над экраном планшета.

— Мы на часы не смотрели, пошли и пошли, — сразу вскинулся Толян.

— Около трех часов дня было, — тихо дополнил Юрок.

— А как ты об этом узнал, на часы посмотрел?

— Нет, на телефон, у меня часов нет. Мы хотели водку купить в магазине, а он закрытым оказался. Записка на дверях висела: «Магазин закрыт на перерыв. Приду в 15–00».

— А... правда! Клавка куда-то слиняла посреди рабочего дня. Мы ее ждали. Ты, дядя Петя, разберись, где она шляется. Не первый раз уже магазин закрывает.

— Разберусь, без сопливых советов обойдусь как-нибудь. Итак, вышли в 15–00. Записал, Кирюха?

— Да.

— Во сколько пришли на лысину, как ты говоришь?

— Да мы разве засекали время? Ну, вы даете. Кто ж идет гулять и каждую минуту на часы смотрит?

— Давайте тогда вместе прикидывать, — участковый достал из сумки карту, разложил на столе, — до дачного поселка два километра, оттуда до озера еще метров пятьсот, — размышляя вслух, Петр Макарович старательно измерял линейкой расстояние.

— Ты еще от магазина до дороги посчитай, здесь тоже метров пятьсот с гаком. Вот вместе и получается, что шли мы три километра, — ловко подсчитал Толян и горделиво хмыкнул, — не совсем еще мозги пропил.

— Кирилл, ты в своем интернете посмотри, за сколько времени средний человек пройдет три километра.

— Ну... 30–35 минут, — ответил помощник.

— Значит, на озеро вы пришли в 15–40, я добавил еще пять минут на всякий случай.

— Дядя Петя, ты прибавь еще десять минут, пока мы место искали и с пацанами отношения выясняли, — подсказал Юрок.

— А что вы не поделили?

— Да Надюху они зацепили, ну я и сказал им пару ласковых.

— Давай об этом немного поговорим. Когда мы с вами были в лесу, ты сказал, что обе компании приехали, а не пришли ногами, как вы.

— Ну, да. Неформалы на мотоциклах, а парочка на машине прикатила.

— Пацаны — это те, что байкерами зовутся?

— Какие байкеры! Я вас умоляю! Так, мелюзга на понтах. Знаете же эти модняцкие штучки: крутые наколки, серьги везде, дырки в ушах, еще волосы розовые или фиолетовые.

— И с волосами розовыми был?

— Не, это так, добавил. Ну, еще называют их как-то на «м», что ли.

— Эх, Толик, так мозги уже пропил, что слово вспомнить не можешь.

— Мажор, — подсказал Кирилл.

— Во, правильный пацан! Мажорами их кличут, — обрадовался Толян.

— А марку машины или мотоциклов не знаешь?

— Нет, я не смотрел. Да и не разбираюсь я в этом. У меня своего отродясь не было.

— Один мотик был Хонда, — вдруг тихо сказал Юрок, — а остальные я не видел. А машина — Ниссан Кашкай.

— Ого, Юрок, ты в технике разбираешься! Молоток! — ткнул в бок дружка Толян, и тот смущенно зарделся. — Дядя Петя, ты думаешь, они, того, Надюху увезли?

— Не знаю, но исключить такое предположение не могу. Кирилл, записал названия? Искать будем, — дал указание Макарыч, а потом повернулся к Юрку, — может, ты еще и номера запомнил?

— Нет. Я на номера не смотрел, — опустил глаза Юрок и покраснел, как будто испытывал неловкость, что оказался таким невнимательным.

— Ясно. А сколько времени вы кутили на пляже?

— Ну, час-два посидели, выпили малеха, потом Надюха гольшом стала щеголять, ее мужик начал фотографировать, и мы с ним подрались. Дядя Петя, мы это все уже много раз говорили. Ну, сколько можно нас доставать! — в бешенстве вскочил с табуретки Толян.

Варвара, которая внимательно до сих пор слушала, но молчала, так как допрос не расходился с той историей, о которой рассказали дружки раньше, тоже привстала и двинула сына кулаком в бок.

— Сиди, паразит, сколько я позор из-за тебя терпеть буду?

— Варя, ты успокойся, пока я их ни в чем не обвиняю. Мне нужно уточнить некоторые детали. Уж очень все поразительным кажется. Несколько лет на моем участке, кроме драк пьяных да семейных разборок ничего не было, а тут сразу два случая, причем с обоими связаны вот эти два парня.

— Господи, Макарыч, а еще что случилось? — охнула Варвара и тяжело опустилась грузным телом на стул. — Я думала: ты про Надьку их расспрашиваешь.

— Меня теперь не только поиски Надежды волнуют. У нашем районе такие интересные

события происходят, что не знаю, как на них реагировать.

— Да что ты загадками говоришь, Макарыч? Я не экстрасенс, не умею мысли читать. Разъясни нам, тупым, на пальцах, что случилось! — сердито воскликнула Варвара.

— Так ведь и разъяснять нечего, хозяйка, — медленно произнес участковый, размышляя, стоит ли делиться важной информацией с деревенской сплетницей. Потом он сделал паузу и наконец решился. — В «Дорожнике» произошло разбойное нападение на дачника. Домик ограбили, а хозяин в больнице лежит без сознания.

— Как же так! — запричитала испуганная Варвара, закрыла ладонью рот и громко, в голос, расплакалась.

— Ну, вот незадача. Знал бы, что у тебя такая реакция будет, ни за что бы тебе не рассказал, — в сердцах выругался участковый, — ты, давай, успокаивайся, или выйди, не мешай допросу. Продолжаем? Так сколько вы оставались на лысине?

— Несколько часов точно. Мы ушли, когда уже солнце на горизонте висело. Наверное, в половине восьмого, или чуть позже, — ответил Юрок, только я не помню, я в отключке был.

— А как тогда про солнце знаешь?

— Толян и Надюха меня с двух сторон поднимали, я глаза открыл, а солнце красное в них как ударит... Если учесть, что я низко был и его видел, значит, оно уже к озеру спустилось.

— А ты у нас детектив, пьяный-пьяный, а соображаешь? — усмехнулся Петр Макарович.

— Какой детектив, не смейтесь, просто логику включил, — зарделся от похвалы Юрок.

— Все это здорово и вроде бы на первый взгляд логично, да только вот здесь, дорогие алкаши, что-то не сходится. Вас в «Дорожнике» раньше видели. А в глазах у тебя, Юрок, не солнце играло. Ты на себя в зеркало смотрел, блаженный? Если нет, то погляди, на кого ты похож.

Коротышка подошел к трюмо, стоящему в комнате, и взгляделся в отражение. На него уставился неприятный человек с серым лицом и красными от лопнувших сосудов белками. Волосы торчали птичьим гнездом, мятая и грязная одежда висела мешком. Взгляд затравленный, уставший и сонный.

— Да, красавец, — тихо прошептал он и схватился за желудок, — тетя Варя, а поесть ничего не найдется? Я с обеда не ел. Умру сейчас от голода.

— Накорми их Варвара, еще неизвестно, сколько проговорим.

Пока мать Толяна накрывала на стол, возникла неловкая пауза. Все молчали, каждый о своем. Петр Макарович обдумывал новые вопросы, дружки прикидывали, как выйти сухими из сложившейся ситуации, а Кирилл редактировал то, что уже написал. Поели споро. Варвара разогрела картошку, оставшуюся с вечера, нарезала колбасу, поставила квашеную капусту и свежие огурцы, которые только еще пошли в теплице. Нехитрый деревенский ужин, вернее, ранний завтрак, голодные мужчины уничтожили за пять минут.

После чашки горячего чая Толян и Юрок заклевали носами. Смотрел сонно и участковый, который тоже не спал эту длинную ночь. Только Кирилл чувствовал себя бодро, он испытывал настоящий эмоциональный подъем. Еще бы, не успел приехать на практику, а уже участвует в расследовании сразу двух интересных дел.

— Ну, что, парни, продолжим допрос, — наконец, зевая во весь рот, проговорил Петр Макарович, — на чем мы остановились? Итак, у вас, дружочки, проблема с алиби. Вас в дачном поселке видела женщина. Она рассказала, что это было около 18–30, то есть на час

раньше, чем вы только что озвучили. Вот и объясните мне, что вы в это время там делали?

— Не, дядя Петя, мы, получается, врем, а она нет. И как это она интересно узнала, что мы были там в это время? — окрысился опять Толян. Он лениво откинулся на стул и почесал волосатую грудь, выглядывавшую из отворота рубашки.

Кирилл замер. Он и раньше смотрел с восхищением на татуировку головы волка, а теперь надеялся увидеть на груди надпись уголовного авторитета, что-то типа: «Не забуду мать родную». Ему было невдомек, что, несмотря на все блатные замашки, позы, жесты и словечки, Толян никогда в тюрьме не сидел. Да и от братков держался подальше. Слишком независим и хитер был, чтобы прислуживать какому-нибудь пахану. Кроме того, верзила был еще и поразительно ленив, чтобы проворачивать дела самому. Его устраивала неспешная деревенская жизнь. Спи до обеда, мать накормит и напоит, а вечером пивка или водочки с Юрком примут и повеселятся. Красота!

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— Эта девушка боялась начало сериала пропустить, а вы ее остановили. Точнее, вот этот бык, — участковый показал на Толяна, — приставать к ней начал.

— Ничего я не пристаивал, она корзину большую несла, вот я предложил подсобить. У нас теперь что, и за помощь в тюрьму сажают?

— Ты не ерничай! — прикрикнул Петр Макарович. — Девушка вам объяснила, что в корзине ничего нет и она сама ее отлично донесет, а ты все равно стал ручки у нее выхватывать. А когда девушка тебе их не отдала, ты стал ее обзывать коровой деревенской с титьками до пупа. Было такое? Признавайся!

— Ну, было. И что? Я же ее не бил, не насиловал, так, слегка поприкалывался. Дядя Петя, ну подумаешь, бабу языком зацепили! Ишь ты, фифа-недотрога! Причем тут грабеж? Мы с Надюхой над девкой этой пошутили и пошли дальше по своим делам.

— Во-во, девушка еще рассказывала, что Надежда юбку задрала и ей голый зад показала.

— Так мы с Юрком и говорим: Надька шальная была, никак остановиться не могла, если что-то делала.

— Ладно, с этой историей мы разобрались. Поехали дальше. Ваше алиби уже под сомнением, так как время не сходится на час.

— Ну вот, опять двадцать пять. Я же и говорю: мы на время не смотрели, а то, что Юрку спяну показалось, я за это не отвечаю. Дальше мы вышли из поселка и стали место искать, где Юрка положить можно, уж очень тяжело его на себе нести. Надюха совсем не помогала. Все дурачилась рядом, юбку задирали и песенку напевала. Так и мелькала ее белая корма перед моими глазами, — здесь Толян разразился таким отборным матом, что все присутствующие замерли.

Кирилл перестал записывать. Он сидел с раскрытым ртом и, как промокашка чернила, впитывал грязь, которая срывалась с языка Толяна. Петр Макарович сердито посмотрел на практиканта и толкнул в бок, чтобы привести в чувство.

— Ты что, малец, замер? Стучи, давай, по экрану.

— Мне эти слова записать?

— Можно и без мата обойтись.

— Да разве это мат! — захохотал Толян. — Вы бы моего папаню послушали. Как завернет, бывало, трехэтажным, так даже собака в будку пряталась. Ты, Кирюха, записывай. Это народный язык.

— Без твоего фольклора обойдемся. А что за песню Надюха пела?

— Странную какую-то. Сама, что ли, придумала. «Я Надюха, попрыгуха, откушу тебе два уха». Спойет и хохочет, а потом заново начинает. Сначала прикольно, а дальше жутко. Я иногда на нее смотрел и верил, что если ее разозлить, точно откусит.

— Ясно. Поляну вы нашли, будем считать в 19–00. Дачница говорила, что из-за вас на 10 минут к началу серии опоздала и все самое интересное пропустила. Пока по «Дорожнику» шли, место искали, еще 20 минут можно отбросить. Сколько вы на поляне этой сидели?

— Не знаю. Я Юрка дотащил и между корней елки бросил, вы сами место видели, а Надюха в поселок побежала в ларек.

— Стоп. Она что, не сразу, когда шли, водку купила?

— Нет, сначала не сообразила. Мы только на поляне устроились на перекур, она и сорвалась.

— Долго ходила?

— Нет, сразу пришла и бутылку «Пшеничной» из кармана достала. Я думал: у нее денег нет, а вышло, что в кармане юбки были.

— Прямо из кармана? Бутылка же большая, — удивился Макарыч.

— А у Надюхи карманы в юбке очень глубокие.

— Дядя Петя, а во сколько того деда по башке сковородкой звезданули?

— Ночью уже, около часа. Никто из соседей на время не посмотрел, а когда следственная группа приехала, уже половина второго было.

— Тогда это не мы. Вы проверить можете. Ларек утром откроется, у продавщицы и спросите, покупала ли там водяру Надюха. А в час ночи мы с вами были, Надьку искали, так что, дядя Петя, мы с Юрком не при делах, — Толян довольно распахнул в улыбке рот, показав тридцать два зуба, удивительным образом сохранившиеся у такого дерьмового хозяина.

— Варвара, во сколько они домой пришли?

— Так, дай подумать. Я уже в постель легла, телевизор решила посмотреть, а тут слышу, баба Аня меня зовет. Я на будильник глянула — стрелки к одиннадцати доходили. Точнее не скажу, не знаю. Мы с соседкой минут десять поговорили и увидели, что они идут.

— Кирилл, давай теперь подсчитаем. На полянке у дач они устроились в 19–00, Надюха еще полчаса за водкой ходила. Кстати, узнай, пожалуйста, во сколько ларек в «Дорожнике» закрывается.

— А что тут узнавать? — вклинился Толян, — Я и так вам скажу: он до восьми вечера работает. Это все в деревне знают.

— Сколько вы еще на поляне просидели?

— Я же говорю, темнеть уже начало. Может, полдесятого. Я тогда Надьку искать и начал. Потом еще полчаса или больше ждали, а там и домой потопали. Юрка вырвало, ему всегда после этого легче становится. Он оклемался, ну и пошли. Когда к деревне подходили, уже совсем ничего не видели: темно было, а тут и баба Аня с мамкой в нас вцепились, как пиявки.

— Ты кого это, паразит, пиявкой назвал, — вскинулась на сына мать и хлестанула Толяна с размаху полотенцем, которое держала в руках.

Тот вскочил, как ужаленный, открыл рот, чтобы разразиться площадной бранью, но покосился на Макарыча и передумал.

— Дядя Петя, давай, закончим на сегодня. Спать охота, сил уже нет.

Участковый, слушая его брюзжание, еще раз прокрутил в голове временные отрезки и понял: по всем раскладкам выходило, что эта троица к грабежу отношения никакого не имела.

Глава 19

Максимовы

Утром Свету мучила сильная головная боль. Она рвалась из черепа наружу, стягивала кожу у волос, мешала повернуть глаза, чтобы не ослепить яростной вспышкой, поднималась тошнотой из желудка. Осторожно, с трудом поворачивая больную голову, женщина выпрямилась в кресле и огляделась.

— О боже! — толкнула она в бок мужа. Коля, посмотри, куда ты нас завез!

— Место, как место, — проворчал Николай, сонно потирая глаза, — деревья, кусты, трава — что еще в лесу можно увидеть? Ничего особенного.

Сказал он это, явно не подумав.

Место было и впрямь необычное, стоило только присмотреться. Машина находилась на небольшой поляне, закрытой с трех сторон зеленым занавесом чащи. Вокруг непроходимой стеной тянулись в голубую высь столетние ели. Низкий кустарник, заполняющий свободное пространство, был настолько густой, что, казалось, пролезть между соседними ветками не сможет даже маленький Чапка. Чуть поодаль в кустарнике виднелся небольшой просвет, и оттуда доносилось тихое журчание воды. Лучи солнца едва пробивались сквозь густую сеть иголок, поэтому лужайка полностью спряталась в тени.

— Свет, ты не права, назвать место плохим нельзя, — разглядывая полянку, еще оставаясь в машине, сказал Коля.

— Ну да, — нехотя признала жена, — но, согласись, что-то здесь чудится неприятное, жуткое, будто в дремучем лесу находимся.

— А я думаю — в сказочном. Представляешь, сейчас во-о-н те ветки распахнутся, и... — Коля сделал страшную гримасу, согнул крючками пальцы и приблизил лицо к жене, — выскочит оттуда леший с бабой Ягой, и они — ам-ам — тебя и скушают.

— Ох, ну и балабол у меня муж, — через силу улыбнулась Света, встряхивая головой, чтобы избавиться от вновь появившегося неприятного предчувствия. Состояние хозяйки передалось Чапке. Песик крутился в ногах у Антоши и тихонько повизгивал, глядя в окно. «Что со мной творится? — в который раз подумала Света. — Лес как лес. Вокруг никого нет. Мы позавтракаем и через полчаса, максимум час, уедем. Все в порядке, все хорошо».

Она повернулась к детям.

— Сони-засони, утро на дворе, вы вставать собираетесь?

Но дети ее не слышали, они забылись крепким сном и даже посапывали носами. Какие проблемы, что там мама себе придумала, их юные головы совершенно не волновало.

В этот момент луч солнца пробился сквозь густые ветки и окрасил в цвет мрачный, безрадостный пейзаж. Засияли, разлились радужным блеском капли росы на траве, которая приобрела нежно-зеленый оттенок молодого малахита. Повеселели деревья и кусты, громче защелкали птицы. Казалось, что по земле растекается сияние, так переменялся пейзаж вокруг.

Свете сразу стало легче. Она открыла окно и глубоко вдохнула свежий утренний воздух, пахнувший хвоей, туманом, непролитым дождем и чем-то неуловимо прекрасным. Потом вдохнула еще несколько раз, пытаясь судорожными короткими вдохами унять

поднимающуюся из желудка тошноту.

— Тебе плохо? — заботливо спросил Коля. — Ну, извини ты меня, в темноте я не видел, куда сворачиваю.

— Нет, все нормально. Беспокойно спала, да еще и этот случай ночью, вот и накрутила себя. Дети, подъем! Завтракать будем.

Отбросив в сторону дурные мысли, Света собралась выйти из машины. Но не успела она опустить ноги на землю, как Чапка опередил ее и пулей вылетел наружу. Он принял бойцовскую стойку, повернулся мордочкой к дороге, ведущей на поляну, и разразился таким залившимся лаем, что вострепнулась вся семья. Через минуту и Максимовы вдруг рядом слышали вой полицейской серены.

— Это что за черт? Что полиция в лесу делает? — удивленно поинтересовался Коля.

— Представления не имею. А вдруг случилась беда?

— Какая беда! Тоже скажешь, — отмахнулся Николай, — полиция теперь и по грибы ездить не может?

— Ну, да! На специализированной машине и по грибы. Да еще и с сиреной. Хорошо придумал. Молодец. Кругая у нас в стране полиция!

— Что-то и вправду я перестарался, — засмеялся муж.

— А ты, дорогой, случайно ничего не нарушил? — набросилась на Колю с подозрением Светлана. — Может, это заповедное место, а мы здесь ночевали.

— Света, не придумывай. Сейчас узнаем, — ответил Николай, но тревожное состояние жены передалось и ему. «И, правда, что тут делает полиция? — недоуменно подумал он и оглянулся назад. Увидев Антошкину лежанку, он огорченно воскликнул:

— Черт! У нас еще и кровать на полу сделана!

— Господи, кровать! Срочно! В багажник подушки и одеяла! — воскликнула Света, мгновенно сбросила с коленей плед и открыла дверь машины, но разобрать лежанку не успела.

— Папа, мама, смотрите! — закричал вскочивший Антон, сонно щуря глаза на свет.

Родители проследили за пальцем сына и обнаружили, что на поляну въезжает белосиняя машина с мигалками.

— Пап, здесь, наверное, произошло убийство, — от возбуждения Антошка не знал, куда деть руки. Он и теребил ими волосы, и хлопал по коленям, и тряс кресло Варечки, пытаясь привлечь ее внимание. Света резко осадил разволновавшегося сына.

— Антон, успокойся. О чем ты говоришь! Ты фильмов насмотрелся, что ли.

Но мальчик ее уже не слушал. Он выбрался из машины и блестящими глазенками рассматривал полицейских, которые тоже вышли из автомобиля. О таком приключении мальчик даже не мечтал, будет теперь что рассказать пацанам во дворе.

— Доброе утро. Извините, мы, кажется, заблудились, — обратился к Николаю, который рукой за спиной закрывал распахнутую дверь в салон, чтобы избежать лишних вопросов, невысокий человек средних лет, одетый в спортивную куртку и джинсы. — Вы не могли бы подсказать, где здесь выход к озеру?

Коля и Света растерянно переглянулись.

— К какому озеру? Мы ничего не видели.

Мужчина огляделся, нахмурился и добавил, повернувшись к коллегам:

— Кажется, мы не на то место приехали. Малышко, ты на карту смотрел?

Молодой человек, выглядывавший из окна водителя, смущенно залился краской.

— Олег Петрович, здесь все съезды одинаковые. Перепутал.

— Звони, уточняй дорогу.

— А вообще, как же так? — улыбнулся мужчина Максимовым. — Вы здесь ночевали и даже не поняли, что это прибрежная зона озера Лесное?

— Я свернул с основной трассы почти ночью, ничего не видел, а утром мы практически не осматривались. Еще только проснулись. Да и на карте озеро немного в стороне расположено, вот и не подумал, что я в темноте к нему попал.

— Ясно. Вы как раз в том месте дороги повернули, где все съезды с трассы направлены в сторону озера. Прислушайтесь. Буквально за теми кустами волна шумит.

Мужчина пошел в сторону журчания воды, и Максимовы устремились за ним, а следом потрусил все еще ворчливо твякающий Чапка.

— А я? Я тоже хочу посмотреть, — заплакала пристегнутая к сиденью Варечка, которую оставили в машине.

Антон побежал вперед, но, услышав крик девочки, вернулся и помог сестре выбраться из кресла. Взяв ее за руку, он устремился следом за взрослыми, которые уже подошли к берегу.

— А мы думали — это ручей журчит, который в кустах спрятался, — удивилась Света.

— Ручей как раз в озеро и впадает, — полицейский потоптался на месте, и из-под кроссовок показалась вода, — почва здесь болотистая, к берегу свободного подхода нет.

Он взял палку, которая лежала на земле, раздвинул густой ракитник, и Максимовы увидели буквально в десяти метрах от себя ребристую гладь озера.

— Надо же, а мы и не догадались, — развел руками Коля, — смотри, Антон, здесь и камыш растет.

Коля прикоснулся к бархатистым, темно-коричневым цветам болотного растения. Он сорвал один камыш и протянул его детям.

— Какие у него интересные стебли, — удивился мальчик, как будто из ваты сделаны и покрыты коричневой краской.

— Это, сынок, не стебли, а цветы, — пояснила Антону мама.

— Я тоже хочу цветок потрогать, — заявила Варечка.

— Конечно, дорогая, — Света протянула камыш дочке, а потом повернулась к полицейскому, — но, если честно сказать, мы ни за что не догадались бы, что рядом находится большой водоем.

— Здесь, кажется, самое узкое место озера, летом сильно зарастает и превращается заболоченный участок. Туристическая зона располагается в нескольких километрах в сторону, — пояснил на обратном пути полицейский.

— Правда, а мы и не знали.

Мужчина пошел к своей команде, за ним поспешили и Максимовы.

— Малышко, выяснил дорогу?

— Олег Петрович, связи нет, не дозвонился. Наверное, нам на следующий съезд с шоссе надо.

— Все у тебя, Малышко, предположения, никогда хорошим оперативником не станешь, если концентрироваться на поставленной задаче не научишься, — проворчал начальник и отдал приказ садиться в машину.

Яркий бело-синий автомобиль развернулся, включил сирену и через секунду пропал в облаке пыли.

— Видишь, ничего не случилось, — они ошиблись и свернули с трассы не туда, куда планировали, — упрекнул жену Коля.

— Но там, куда полицейские направились, что-то произошло, — не успокаивалась Света.

— Это уже нас не касается. Давайте будем думать только о своих делах. Ок?

— Ок!

— Света, мы сегодня завтракать будем?

— Ой, — встрепелась женщина и шутливо добавила, — с этими приключениями даже не вспомнила о своих обязанностях.

Через пять минут все уже забыли о визите полицейских, и только Чапка по-прежнему не успокаивался. Он немного покружился на одном пятчке, принялся. Вдруг сорвался с места и с громким лаем бросился в лес.

— Чапка, вернись! — вслед ему запоздало крикнул Коля.

Собачка остановилась, оглянулась на хозяина, но назад не побежала, продолжая лаять на что-то, видимое только ей.

— Куда Чапка рванул? — вскинул голову Антон.

— Не знаю, сынок, у него тоже есть собачьи дела, — ответил отец, — а ты умываться не собираешься? Мама уже завтрак почти приготовила.

Света действительно уже открыла багажник, достала плащ-палатку и быстро на ней приготовила завтрак из остатков вчерашней еды. Она положила на импровизированный стол помидоры и огурцы, нарезанную колбасу, сыр, для детей приготовила ложки и йогурты. Руки делали привычную работу, а в голове опять крутились тревожные мысли. Она все время проглядывала в сторону леса, рядом с кромкой которого бесновался Чапка.

— Что он там обнаружил? Не пес, а следопыт, — забеспокоилась Света. Страх, ненадолго притихший, вновь поднял голову.

— Ничего, не отвлекайся, есть захочет, прибежит, — дети, мы с мамой вас долго ждать будем?

— Мама, а на кого так Чапка лает? — спросил Антон, когда подошел к ним.

— Не знаю, наверное, белку увидел, — придумала она более-менее приемлемый ответ.

— Он что, кушать не хочет, — захныкала Варечка, — позовите Чапку.

— Завтракайте спокойно, я его принесу, — Света встала и медленно направились в сторону залиvisto лающей собаки. Подойдя ближе, она проследила взглядом за Чапкой и вздрогнула. «Так я и знала! Добром этот день не кончится», — панически подумала она и почувствовала, как ее тело покрывается липким потом.

Глава 20

Сегамачо

Нестеренко позвонил сразу. Расспрашивать Сегамачо о том, что случилось, не стал: времени не было. Он только уточнил дорогу и приказал участковому ждать группу на месте. Все было правильно. Официальный процесс расследования запущен, теперь можно подумать и о личном поиске.

Сергей Иванович прикинул, сколько времени у него есть. До районного центра пятьдесят километров, плюс парочка наберется по грунтовке. Пока группа соберется, рассмотрит поставленную задачу, пока доедет до места, пройдет не менее часа, если не больше.

Сегамачо поставил телефон на таймер, чтобы знать, когда время будет на исходе, потом

набрал номер Наташи. Но долго не разговаривал, чтобы не слушать причитания жены. Второй вопрос, который мучил его, вопрос о пропавшей женщине. «А что если это дорожная пьянчужка? Что делать? Говорить Нестеренко или нет, что мы ее видели?»

— Ну, хорошо, расскажу о ней, а что дальше? Я даже не помню, как она выглядит. В темноте дело было, да и ее лицо закрывала прядь волос, — он произносил эти слова вслух, но как только вспоминал вечернее приключение, так сразу его бросало в жар. — Да, отговорка про темноту слабая.

Когда женщина проснулась у них в машине, они ее хорошо разглядели. Видели, что это еще молодая девушка, да и не дурнушка. Конечно, она была почти без сознания от выпитого алкоголя, но не пропащая, это точно.

Чуть подумав, решил, что про незнакомку пока ничего не скажет, но съездит туда, где они с Котычем ее впервые увидели. Он завел уазик и повернул к грунтовке. Ехал специально медленно, чтобы не пропустить то место, и удивленно поднял брови, когда нашел его сразу. Он вышел из машины. Там, где лежала вечером женщина, торчали острыми углами сломанные ветки кустов. Сегамачо поднял палку и пошарил ею на земле, приподнял желтые стебли придорожной травы. Ничего примечательного, а тем более опасного для себя не обнаружил. Нашел только пустую бутылку из-под водки. Понюхал. Пахло сильно, алкоголь еще не выветрился.

— Ничего не понимаю, одна эта тетка водку хлестала или с компанией?

Следов пребывания других людей он не нашел. Отметил только, что нет женских трусиков, так как хорошо помнил, как Котыч отбросил их в сторону.

— Звери, что ли, утащили? — решил он, но задумываться не стал, посчитал вопрос о незнакомке закрытым.

Сегамачо вернулся к машине, но вдруг вспомнил, что здесь, в кустах, выбросил кепку. Пришлось ему продираться сквозь придорожные заросли, чтобы разыскать ее. Еще пять минут потратил на поиски, а затем махнул рукой: мало ли сколько в лесу вещей валяется. Разве кому-то придет в голову связывать найденную кепку с ним?

Сергей Иванович сел в автомобиль и поехал на место рыбалки. В груди он ощущал тяжелый тревожный комок и уже не знал, с чем он связан: с нелепой смертью друга или с пропавшей женщиной, с которой он так грубо обошелся.

На поляне он поставил уазик на старый след, вышел из него и решил теперь уже внимательно осмотреться. Сначала он сходил к Котычу. Открыл брезент и удостоверился, все ли в порядке. Друг лежал на том же месте и в той же позе, однако при ярком свете выглядел иначе.

Только теперь Сергей Иванович увидел, что на шее зияла одна рана, а не несколько, как показалось ему в панике. Да и была она небольшая, но с рваным краем внизу, как будто преступник сначала вонзил нож, а потом его дернул в сторону. Мужчина перевел взгляд на правую руку Котыча. На ней бледно розовели четкие следы порезов.

— Бедный ты мой, защищался, наверное, а я, друг, сидел рядом и ничего не слышал, — в какой раз уже шептал слова раскаяния Сегамачо.

Ему опять стало плохо. Он выпрямился, почувствовав дурноту, стал часто и неглубоко дышать.

— Спокойно, спокойно. Иначе я ничего не сделаю до приезда следственной бригады.

Когда приступ прошел, участковый наклонился над телом и теперь разглядел новые детали. На первый взгляд казалось, что Котыча ударили ножом со спины. То, что разрез был

какой-то косой и шел сверху вниз, объяснялось элементарно: во время нападения Костик сидел, а преступник стоял, нависая над ним. Но, как ни пытался Сегамачо представить этот удар, у него ничего не получалось.

— Допустим, Костик сидел лицом к озеру, — размышлял он, — преступник мог подойти к нему только сзади, чтобы рыбак его не заметил, не закричал, не позвал на помощь. Такое возможно при внезапном нападении. Убийца тихо подкрался и ударил.

Сегамачо поднял обломанную ветку, сжал ее в кулак и замахнулся, имитируя атаку.

— Нет, ничего не сходится. Рассчитать нападение со спины практически невозможно. Пробить эту ткань, — он потрогал пальцами камуфляжную куртку с жестким воротником, которая была на убитом, — без специальных навыков нельзя. А значит, нож не смог бы чисто и глубоко войти в тело, не застряв в одежде. Ранение было бы поверхностным, Котыч сумел бы позвать на помощь или защититься сам, — он помолчал, осмысливая сказанное, а потом горько воскликнул. — О Боже! Если бы да кабы! Или я ошибаюсь?

Сегамачо слегка повернул тело, чтобы рассмотреть воротник куртки, и увидел, что он не тронут. По всем признакам получается, что либо убийца — профессионал, и для него нет разницы, с какой стороны убивать, либо удар нанесли спереди. Но тогда новая загадка, почему Костик не закричал, увидев незнакомого и агрессивно настроенного человека?

Плюс порезы на правой ладони. Откуда они взялись? Когда Костик схватился за нож: уже после ранения или сразу, как только увидел убийцу? Но почему он не вытащил оружие за рукоятку, а взялся за лезвие? Не было сил? Или нож вошел неудачно? Или он пытался сдержать удар?

— Вопросы, вопросы, вопросы! Хоть бы на один найти ответ! — воскликнул Сегамачо и в отчаянии потряс головой.

Он выпрямился и пошел туда, где рыбачил Котыч. Как бы он ни представлял картинку, она не получалась без привязки к местности. Здесь ничего не изменилось. Стул стоял, ведро с рыбой тоже. Две удочки лежали на берегу, а третья погрузилась наполовину в воду, ее основание подрагивало: было понятно, что на конце висит крупная рыба. Но это он отметил краешком сознания, которое цеплялось за привычные образы, чтобы его хозяин снова не ударился в панику.

Он осмотрел предполагаемое место убийства. Стул стоял между двумя развесистыми ракетами. Рядом еще оставался пяточок земли для ведра. Сегамачо тяжело приземлился на сиденье, закрыл глаза и представил, как Котыч рыбачил. Удочки он явно забрасывал близко друг к другу, так как расстояние между ракетами было маленькое. Когда вытаскивал добычу, видимо, задевал правым локтем куст. Сегамачо посмотрел внимательно в ту сторону и увидел, что ветки обломаны.

— Все правильно, я бы тоже от них избавился, чтобы не мешали. А может, чтобы обрезать эти ветки, Котыч и сходил к машине за ножом?

Предположение было вполне разумным. Сегамачо знал, что из некоторых видов ивы делают корзины, так как их прутья прекрасно гнутся, но не ломаются. Однако эта догадка провалилось, как только Сегамачо согнул ветку. Она подалась легко и повисла на тоненькой коре без всяких усилий с его стороны.

Он встал и пошел к своему месту. Участковый никак не понимал, почему убийца выбрал не его, а Котыча. По всем признакам объектом нападения должен был стать он, так как сидел ближе к машине и стоянке. Преступник мог его заметить сразу, тогда как Котыч был скрыт от посторонних глаз кустами.

— Стоп. А что если...

Не дойдя до стула, он резко развернулся, и пошел к уазу, чтобы проверить новую идею: оценивать места рыбалки надо не со стороны озера, а со стороны машины. Вблизи кажется, что Сегамачо открыт как на ладони, а Котыч в стороне. А как это выглядит со стоянки? Он уже понял, что ветчина из пластикового контейнера исчезла не просто так. Очевидно, преступник сначала подошел к столу.

Сегамачо дошел до машины и повернулся лицом к озеру. Его догадка оказалась верна: со стоянки берег выглядел по-другому. Его место рыбалки, хоть и находилось ближе, было закрыто от посторонних глаз ветками развесистого куста, который рос как раз посередине между машиной и озером. Чтобы попасть к своему стулу, Сегамачо приходилось обходить этот куст. Взгляд мужика упал на переднее сиденье уазика, где лежала его кожанка, и он вдруг сложил последний пазл головоломки. Сергей Иванович схватил куртку и побежал к берегу. Он повесил ее за капюшон на куст и вернулся к машине. Даже при дневном свете темная кожанка настолько органично вписывалась в среду, что была издалека незаметна.

Он перевел глаза на место рыбалки Котыча и увидел, что оно, увы, на виду. Две большие ракиты, а между ними стул Костика. Несмотря на трагичность ситуации, ему стало легче. Выбор преступника оказался случайностью: он Котыча заметил, а его — нет.

— Но почему, зачем он убил? Мы же никого не слышали, он мог не только все съесть и выпить, но и угнать машину, если бы захотел. Бессмысленное убийство, — Сегамачо недоуменно развел руками, потом немного подумал и добавил, — хотя нет. Ключи от уазика я нашел в кармане Котыча. Может, это стало причиной нападения? Преступнику нужна была машина. Но тогда почему он убил, а ключи не забрал? Опять ничего не сходится.

В голове вопросы возникали один за другим. Только Сегамачо думал, что нашел ответ на один вопрос, а потом появлялись новые детали, и оказывалось, что первое решение было неверным.

— Нет, так дело не пойдет. Нужно все сомнения и вопросы записать, а заодно сфотографировать Котыча и место преступления.

Сегамачо порылся в бардачке друга и обнаружил там старенькую тетрадь, в которую Котыч записывал координаты удачных мест рыбалки, ягодные и грибные плантации. В середине тетрадки лежала синяя шариковая ручка. Сергей Иванович увидел также, что в ней было еще два-три чистых листа.

— Отлично.

Он присел к столу и стал быстро записывать.

Почему выбор преступника упал на рыбака, который сидел дальше от места стоянки?

Сегамачо уже занес руку, чтобы поставить крестик напротив этого вопроса, так как нашел на него ответ, но передумал. У него было две версии. Первая — преступник по непонятной причине напал на Котыча, потому что просто не заметил сидящего Сегамачо. Вторая — убийце нужны были ключи от машины. Какая из них правильная, он не знал, поэтому оставил пока вопрос открытым.

2. Как убийца сумел подобраться вплотную к Котычу и остаться незамеченным?

3. Преступник нанес удар, но почему не избавился от орудия убийства, а бросил на месте? Его что-то спугнуло?

Здесь Сегамачо опять сделал паузу. Следующая мысль буквально сбила его с ног.

— Может, это я спугнул убийцу, когда ходил за курткой? Господи, я же хотел принести Котычу кофе! Ну почему я такой идиот? Почему не пошел к нему? Я мог его еще спасти! —

Сегамачо опять началотрясти мелкой дрожью, даже зубы стучали друг о дружку. Однако, секунду поразмыслив, он вздохнул с облегчением. — Нет, убит Котыч был уже ближе к утру. Когда я тело нашел, оно еще не остыло. И трупное окоченение не наступило: рука же свободно соскользнула с горла, а к машине я ходил в середине ночи. Оставляю это вопрос пока открытым.

4. Откуда у Котыча порезы на ладони и как он их получил?

5. Каков мотив убийства?

Это был, пожалуй, главный вопрос. Самый разумный довод за то, что убийство совершено с целью ограбления. Однако у рыбаков ничего не пропало, кроме ветчины из контейнера.

Вторая версия — месть. При этой мысли Сегамачо грустно усмехнулся. У Котыча врагов не было. Более мирного, доброго и совестливого человека еще поискать, и то не найдешь. Да и что такое в наше время месть? Это просто интересный сюжет для боевика. В сериалах каждый второй — мститель, а в жизни все проще, прозаичнее.

Третья мысль — Котыч кому-то мешал, и его убрали с дороги. Этот аргумент тоже несостоятелен. Кому нужен рядовой совхозный агроном? Коровам? Или дояркам? Смешно.

Еще Сегамачо предположил убийство по случайности. Вот не хотел убивать, а так неудачно карта легла. Но таким образом гибнут люди в авариях, на операционном столе, но не на рыбалке, в полной тишине и покое.

Больше Сергею Ивановичу в голову ничего не пришло. Вот и получалось, что убийство — бессмысленное и беспощадное зверство.

— Ладно, версии отложим в сторону. Пусть над ними думает следователь. Мне преступника искать надо, — напомнил себе Сергей Иванович, посмотрев на часы. У него до звонка таймера осталось пятнадцать минут.

Сегамачо пошел от машины к месту убийства, внимательно разглядывая каждую травинку по дороге и снимая на телефон любой сомнительный клочок земли, Сфотографировал все, что только мог, и отошел на несколько шагов в сторону, чтобы издалека спокойно оценить обстановку. Хотя спокойствие это было относительным. Сердце в его груди сжималось от боли и желания спрятаться в лесу и выплеснуть горе. Но, как он ни старался, признаков преступника не увидел.

Он по-прежнему не понимал, как тот совершил убийство, а главное — зачем. Теперь он не сомневался, что Котыч сидел на стуле, когда к нему подошел неизвестный. Прибрежная трава, ветки ракит, камыш — все было забрызгано кровью, которую в утреннем полумраке он не заметил. Еще, как он ни крутил, но не мог представить, что удар был нанесен со спины: слишком мало было вокруг Котыча свободного места. Преступник либо обладал баснословной удачливостью, скоростью и точностью удара, либо...

Все, пока варианты закончились.

Была еще одна мысль, которая не давала покоя участковому. Раненый в шею Котыч не мог позвать на помощь из-за повреждения голосовых связок, но почему он ползком направился в противоположную он машины сторону? Это вопрос он тоже записал в тетрадку, пометив его цифрой шесть.

— Костян, что случилось? Я ничего не понимаю. Откуда эта напасть на нас с тобой свалилась? — в который уж раз задавал он себе эти вопросы, и не знал на них ответы.

Теперь он шел от места преступления к другу, лежащему в стороне, по кровавой дорожке. Капли, еще недавно ярко-алые, уже высохли и напоминали обычные темные

пятнышки, на которые никто не обратит никакого внимания. Полоса примятой травы, оставленная телом ползущего Котыча, тоже исчезла. Сегамачо открыл брезент, в надежде, что упустил какие-то детали, стал разглядывать странные длинные порезы на ладони Котыча, пытаюсь понять их происхождение. Все сфотографировал, опустил кусок ткани и выпрямился. Огляделся, не пропустил ли чего. Опять отошел на несколько шагов, чтобы оценить обстановку.

Вдруг его взгляд наткнулся на темное пятно, которое было достаточно далеко от мертвого друга. Сегамачо, несмотря на грузное и тяжелое тело, стрелой полетел туда. Когда он приблизился, то увидел, что впереди еще есть похожие пятна, постепенно удаляющиеся в сторону леса. Участковый наклонился, чтобы рассмотреть их поближе, и понял, что это капли крови.

— Он ранен, — прошептал Сегамачо.

Ноздри рыбака раздулись, как у зверя, почуявшего добычу. Он низко наклонился, чтобы не пропустить ни пятнышка и пошел по дорожке кровавых следов.

Глава 21

Максимовы

Света увидела, что в лесной чаще стоит женщина. Она прижималась спиной к голому стволу сосны, но ни страха, ни растерянности в ее лице Света не увидела. Незнакомка просто стояла и смотрела на лающего Чапку, как на досадную помеху. Она почти полностью скрывалась в тени, поэтому разглядеть детально ее портрет Света не могла. Но то, что она увидела, ее больше пугало, чем вызывало любопытство.

На знакомке была надета светлая футболка с непонятным рисунком и темная юбка, кажется, бордового цвета, покрытая пятнами. Что это за пятна, Света не увидела, может, просто так лежала тень от дерева, но все равно женщина производила жуткое впечатление. Длинные, давно не чесанные, волосы разметались по плечам и закрывали половину лица. Она смотрела неподвижным взглядом черных глаз на Свету и молчала. Однако, несмотря на грязь, покрывавшую ее лицо и руки, знакомка не казалась опустившимся человеком. Светлана не чувствовала от нее того ужасного запаха, которым благоухают бомжи, проспиртованные алкоголики, неряшливые старики и другие подобные персоны нашего общества.

— Чапка, как тебе не стыдно, — набросилась на песика Светлана, — лаешь на людей, прохода им не даешь, — она наклонилась к собаке и внезапно пошатнулась от резкой пульсирующей боли, ударившей ей в виски. «Надо непременно принять таблетку», — не к месту вдруг подумала она.

— Извините нас, пожалуйста, — обратилась Света к женщине, — с нашего места, — она кивнула в сторону машины, — вас совершенно не видно. Погодите, я уберу собаку, и вы пройдете.

Света подхватила Чапку на руки и сделала два шага в сторону, но женщина продолжала, молча, не мигая, смотреть на нее и не двигалась. И от этого неподвижного без мимики, без выражения чувств лица, прикрытого наполовину прядью волос, Свете хотелось убежать подальше и спрятаться. Однако странные глаза притягивали, как магнит. От знакомки исходила опасность, и Света чувствовала ее всеми клетками тела, как животное. Чтобы избавиться от неприятного ощущения, она снова заговорила со странной женщиной.

— Вы откуда пришли? Здесь рядом есть жилье? — и, так как знакомка продолжала молчать, а уйти, оставив ее в лесу, Света не могла, она задала третий вопрос. — Может, вы

голодны?

Незнакомка резко качнула головой, при этом волосы с застрявшими в них кусочками мха и сосновыми иголками, упали ей на лицо и закрыли его совсем. Женщина небрежно отбросила назад темные пряди.

«В лесу спала, что ли?» — невольно подумала Света, но вслух сказала другое:

— Пойдемте к нам, мы вас накормим. Правда, кроме бутербродов, предложить ничего не могу, но и это неплохо, как вы думаете?

— Света, ты чего там застряла? Иди сюда, пора собираться, — донесся издали голос Николая.

— Иду! — крикнула женщина мужу. — Ну как, вы принимаете мое предложение?

Незнакомка продолжала молчать. Эта странная ее неподвижность и остановившийся взгляд начинали все больше пугать Свету. В голове стремительно проносились мысли: «Что за неприятная женщина! Откуда она здесь? И что я к ней прицепилась со своим угощением. Вот дура интеллигентная! Хоть бы она отказалась!»

Света решила больше не испытывать судьбу и не звать с собой незнакомку. Она развернулась и уже направилась к родным, но в этот момент женщина качнула головой и тихо сказала:

— Нет.

— Что, нет? — не поняла Света. Она задала незнакомке так много вопросов, что уже не знала, на какой из них та сейчас ответила.

— Нет, — прозвучал опять тихий, слегка с хрипотцой, голос.

— Ну, нет, так нет, — Света взяла удобнее все еще ворчавшего и вырывавшегося из рук Чапку и пошла к мужу и детям, которые уже поели и теперь на поляне играли в догонялки. «В первую очередь выпью таблетку», — решила она, осторожно неся пульсирующую от головной боли голову.

— Что там случилось? На что так злобно Чапка лаял? — спросил муж.

— Там женщина, и, знаешь, такая странная. Молчит. На вопросы не отвечает. Взгляд неподвижный, какой-то дикий. Я ее толком и не разглядела, она почти сливалась с деревом, а лицо было закрыто волосами и находилось в тени, но этот взгляд я еще долго помнить буду.

Отдав распоряжения семье, Света открыла багажник и достала аптечку. Она присела на заднее сиденье машины и выложила рядом все содержимое сумочки в поисках нужных таблеток.

— Что ты ищешь? — спросил Коля.

— От этих переживаний у меня дико болит голова. Ты не видел мои таблетки?

— Медициной у нас заведешь ты, я в эту область даже не вникаю, — отшутился муж и уже собрался продолжить сборы, как вдруг вспомнил, — слушай, в бардачке лежат какие-то таблетки. Может, это твои? Посмотри там.

— Ой, спасибо. Я же вчера принимала одну капсулу и совсем забыла, что остатки в аптечку не убрала.

Света вышла из машины, открыла переднюю дверь и стала рыться в бардачке, попутно бросив сыну:

— Антоша, убери лекарства на место.

— Почему я? — сразу вскинулся Антон. — Пусть Варька тоже помогает.

— Сынок, ты подумай, о чем сейчас сказал. Варя — маленькая девочка. Она еще не

понимает, как опасно держать лекарства в руках. А если она решит, что это витаминка, и съест ее?

Мальчик нахмурил брови, но возражать матери больше не посмел. Складывая лекарства в аптечку, он внимательно рассматривал каждый пакетик, гадая, для чего он предназначен. Добрался он наконец и до красивой металлической коробочки. Антон огляделся: папа убирал вещи в багажник, мама стояла к нему спиной и запивала таблетку водой, Варенька играла с Чапкой — никто за ним не наблюдал. Он дернул плотно прижатую крышку, но у него ничего не получилось. Мальчик уже оставил эту затею, но любопытство пересилило. Он подцепил крышку с одного угла, потом с другого. Она подалась, и он увидел внутри несколько блестящих медицинских инструментов.

— Мам, а для чего нам эти штучки?

дернул

— Мам, а для чего нам эти штучки?

Света посмотрела на то, что показывает сын, но не заволновалась: Антоша — мальчик разумный, глупостей совершать не будет.

— Сынок, эти медицинские инструменты я взяла на всякий случай. Закрой коробку и убери их на место.

Найдя спасение от головной боли и надеясь, что та скоро пройдет, Света собирала остатки продуктов, раскладывала их по контейнерам, а мыслями все время возвращалась к странной женщине: «Интересно, ушла она или все еще стоит там?»

Ей казалось, что спиной она чувствует взгляд незнакомки. «Ладно, хватит думать об этом. Сейчас уедем, и все забудется», — успокоила она себя и поставила последнюю корзину в багажник.

— Мама, можно я этим ножичком дудку себе делать буду? — издалека, как из тумана, донесся до нее голос сына.

— Каким ножичком? — встрепелась она и оглянулась: в руках у Антона был острый скальпель.

— Сынок, это не нож. Это хирургический инструмент. Положи его на место, — посчитав вопрос решенным, Света снова отвернулась.

— Вот так всегда! — обиженно надул губы Антон. — Как что-то интересное найду, так сразу: положи на место, — он восхищенно разглядывал блестящий инструмент и никак не мог с ним расстаться. «А если я его спрячу? Мама все равно не смотрит и проверять тоже не будет. Она своими делами занята», — внезапно возникла у мальчика идея.

Он посмотрел на сестру, которая в ненужный момент может выдать его секрет родителям. Варю папа уже посадил в машину, и она погрузилась в мультитк, нацепив на голову наушники. Девочка сидела в кресле, болтая ногами, и громко повторяла за мультяшными котятами:

— Миу, миу, миу.

Поняв, что родные за ним не следили, Антон тихонько огляделся в поисках хорошей прятки. Но скрыть нож в машине, наполненной людьми, сложно. Ничего лучше не придумав, он завернул скальпель в салфетку, которую достал из бардачка, и засунул его в карман для мелочей, расположенный на двери, возле которой он сидел.

— Ты лекарства убрал, сынок? — спросила мама

— Да, — весело ответил Антон и побежал к берегу, где утром они видели камыши.

— Сын, ты куда? — крикнул папа, который уже садился в машину.

— Я сейчас, камыш сломаю. Я мигом.

Антошка вернулся буквально через минуту с несколькими длинными стеблями болотного растения. Он прочитал в детской энциклопедии, что в старину из него мастерили дудки. Конечно, делать он их не умел. Но в интернете легко найти любое руководство, благо телефон всегда при нем. Довольный собой, Антон забрался в машину.

— Пап, ты сможешь мне из камыша сделать дудочку?

— Помогу. Только дай, сын, на место приехать, — ответил, не глядя, отец, который уже заводил машину.

Светлана в их разговор не вмешивалась. Из-за сильной головной боли, чувства тревоги, которое не отпускало, и нервозности, она была рассеянна и не проверила, выполнил ли сын ее требование: убрать скальпель. Да, и принесенный камыш, и вопрос сына о дудочке, в обычном состоянии ее насторожили бы. Но не сегодня. Лишь потом, когда Света разбиралась, с чего начался дорожный кошмар, она вспомнила свою непростительную ошибку. Если бы у нее не болела голова! Ах, если бы они тогда не задержались из-за желания Антона нарвать камышей... все сложилось бы по-другому, но...

Глава 22

Сегамачо

Капли крови сначала попадались часто, и Сегамачо легко шел вперед. Его взгляд наталкивался на них везде: там темное пятнышко на травинке, здесь листик запачкан, а тут — на ветке прерывистая полоса. Однако по мере приближения к лесу обнаруживать следы стало труднее. Сергей Иванович крутился среди деревьев и кустов, пытаясь их отыскать, пристально вглядывался в каждый лист, бросался к каждой темной точке, которую видел.

И все же наступил такой момент, когда капли крови исчезли.

— Где ты, сволочь? Покажись, — рычал участковый, отчаянно всматриваясь в траву.

Но, как ни вглядывался и ни вслушивался Сегамачо, вокруг шумела только лесная жизнь, далекая от случившегося на берегу. Где-то на ветке дерева тенькал зяблик, с ним наперегонки звенели еще какие-то птицы, голоса которых он не узнавал. Рядом стрекотала сорока и перелетала с дерева на дерево, издавала бодрое утреннее «ку-ку». Природа оживала, тянулась к первым солнечным лучам, наслаждалась теплом.

С шумом мимо мужчины пронесся зеленый жук и заставил его невольно повернуть голову в сторону. Его взгляд наткнулся на густые заросли малины, которые хорошо могли спрятать человека, если в этом возникла бы потребность.

Сегамачо замер, даже затаил дыхание. Бешено колотилось сердце, казалось, что его стук разносится по округе. Он узнал это место. Час назад именно здесь он кричал от горя и крушил все вокруг. Обломок толстой ветки лежал там же, где он его оставил. Мужчина поднял импровизированную дубинку и раздвинул с ее помощью малинник. Конечно, там никого не было, но на одной стороне куста он обнаружил много следов крови.

— Значит, ты здесь прятался, урод, — горько произнес Сегамачо, а потом с упреком набросился на себя, — а я куда смотрел? Нет, какой идиот! — он отчаянно хлопнул себя по лбу, — был рядом с убийцей... раненым, и не заметил его?

У него снова появилось желание завывать. Отчаяние захлестнуло разум. Эмоции победили логику и попытку вдумчиво вести расследование. Он тяжело опустился на землю, поставил локти на колени и опустил низко голову. Двигаться, думать, анализировать не было сил. В груди дрожала пустота и безысходность.

— Все в порядке. Все хорошо, — внушал себе Сергей Иванович, успокаивая

расстроенные нервы и прекрасно понимая, что ничего хорошего нет.

Издали донесся вой полицейской сирены. Это звук привел его в чувство. Времени на личный поиск уже не осталось. Если его не найдут на месте происшествия, решат, что он сбежал.

Сегамачо встал, встряхнул головой, чтобы прогнать ненужные сейчас эмоции, и внимательно посмотрел на заросли. Пятна крови виднелись на высоте метра от земли и покрывали с десятков листьев. Мужчина подошел к ним вплотную: крайний запачканный лист темнел на уровне низа его живота.

— Куда же ты ранен, ублюдок? — пробормотал Сегамачо, пытаясь опять включить логику, — точно не в ногу, следов крови было бы в разы больше, и они находились бы ниже. Может, Котыч ударил тебя в живот? Нет, это тоже неверно.

Сергей Иванович понимал, что его друг сопротивлялся, о чем свидетельствуют раны на ладони. Однако, скорее всего, появились они в результате самозащиты, а не спланированного нападения. Ослабленный Костик, одной рукой зажимающий разрезанную артерию, увы, не мог причинить серьезный вред преступнику.

Сегамачо опустился на корточки и стал разглядывать землю, но на траве он следов не увидел. Напрашивалось два простых вывода: либо преступник прикрыл рану, либо она была неглубокая, кровь быстро свернулась и перестала течь.

— Итак, предположим, рану этот гаденыш прикрыл, тогда надо искать человека с пятнами крови на одежде.

Он произнес эти слова вслух и сразу понял их абсурдность. Ну, кто, находясь в здравом уме, щеголяет в одежде с пятнами крови? Естественно, что убийца давно уже переделался и избавился от улики.

Мужчина еще раз примерил высоту через свое тело. Окровавленный лист упирался ему в живот ниже пояса. И здесь Сегамачо осенило, и он закричал:

— Ну, я и дурак! Как же я сразу не догадался. Котыч с убийцей тянули друг у друга нож. Выходит, у преступника рана тоже на руке. Думай, Серега, думай! Как человек ведет себя, если у него рана на руке? Он оборачивает ее чем-нибудь и прижимает к груди. У меня рост 187 сантиметров. Крайний запачканный лист упирается мне сюда, — он коснулся низа живота. — Если бы я прижал руку к груди, я держал бы ее на 25–30 сантиметров выше. Так, что же у нас выходит? — мужчина произвел в уме нехитрые расчеты, — грудь убийцы — на высоте метра или метра двадцати над землей.

Сегамачо вышел из кустарника, поднял прут и, увлеченный новой мыслью, стал на земле делать расчеты.

— Прибавим еще шею и голову, допустим, сантиметров сорок, — бормотал он, — что же получается? Метр двадцать плюс сорок равно метр шестьдесят. Выходит, что преступник невысокого роста.

Мужчина удовлетворенно хмыкнул и довольно потер руки, но тут же снова огорченно воскликнул:

— Господи, ну как же так, Костян! На тебя напал коротышка, а ты даже не защитился!

Рыбак секунду постоял, подумал, а потом опять расстроено выдавил из себя новое предположение.

— А если их было двое? Нет, ерунда. Два нападающих и защищающийся создают много шума, который бы усилился поверхностью воды. Я бы обязательно услышал. Но была тишина!

Да и с запачканным листом не все гладко. Если на него кровь капала с высоты, то идея насчет роста преступника была шита белыми нитками и трещала по швам, как Сегамачо ни пытался соединить ее лоскутки.

Несмотря на то что большинство его предположений оказывались неверными, от полученных выводов у Сегамачо поднялось настроение. Он вновь ощутил боевой подъем. С азартом охотника он опять приблизился к малиннику и еще более пристально стал вглядываться в листву, надеясь обнаружить улики. Вой сирен прекратился. Следственная группа прибыла на место, но выйти к операм он пока не мог.

— Так, а это что?

Он осторожно отодвинул ветку и увидел на ней длинный темный волос. Уже обрадовался, потом досадно хмыкнул.

— Бабы малину собирали, вот и оставили.

Потеряв интерес к волоску, Сегамачо перевел взгляд на другую сторону куста, но ничего не нашел. Тогда он еще раз осмотрел землю под ногами и заметил то, что ранее ему было недоступно. Он с трудом присел, и теперь этот объект был у него прямо перед глазами. Крохотный клочок ткани, темно-красного цвета, шириной не более трех, а длиной десяти миллиметров, прицепился к малиновому шипу.

— Этот придурок щеголял в красных штанах, что ли? — удивился Сегамачо, но оценить на ощупь качество ткани так и не решился: вдруг это важная улика, а он ее лапать будет.

— Не двигайтесь! — услышал он за спиной приказ, — медленно поднимите руки вверх и повернитесь.

— Не успел! — огорченно воскликнул Сегамачо, — Ребята, я Сергей Иванович Гусев.

— Вот когда повернешься, мы и увидим, что ты за гусь, — каламбуром ответил голос за спиной.

Сегамачо поднял руки, медленно встал и повернулся. Перед ним стояли двое мужчин в гражданской одежде, и один направил на него оружие.

— Это я вас вызвал. Ваш руководитель час назад со мной говорил по телефону.

— Мы тебя слышали, а теперь шагом марш вперед.

— Я не могу отсюда уйти. Здесь ценная улика. Она очень маленькая, боюсь, потом не смогу найти это место.

Оперативник остановился на минуту и по радиации доложил о своей находке начальству. Ответ Сегамачо не расслышал, но понял, что отбой, сейчас его никуда не поведут. Они стояли на месте и ждали начальство примерно пять минут. Вскоре кусты затрещали, и на их пятачок свободного пространства вышли еще три человека в гражданской одежде.

— Кто из вас Олег Петрович Нестеренко? — осмелился спросить Сегамачо, стоя с поднятыми руками.

— Это я, — сделал шаг вперед невысокий человек, плотного телосложения, в спортивной куртке и джинсах, — а вы, как я понимаю, Сергей Иванович Гусев?

— Да.

— О какой улике вы говорите?

— Видите эти заросли малины? Я предполагаю, что здесь стоял раненый преступник, когда я бегал по лесу и искал его.

— Как вы узнали, что он ранен?

— Я прошел по дорожке кровавых следов до этого места.

Нестеренко внимательно пригляделся и тоже увидел пятнышки крови на листьях.

Сегамачо поднял сухую палочку, не такую большую, как его бывшая дубинка, осторожно провел ее между веток малины, которые соединились, когда его заставили встать.

— Видите этот крохотный кусочек ткани, приставший к шипу? Возможно, это обрывок одежды преступника.

Нестеренко махнул рукой, позвал к себе сотрудника, надевающего латексные перчатки, и велел ему поработать на этом месте. Он предложил Сегамачо вернуться на поляну и подробно рассказать о происшествии, а также о его собственных догадках. Сергей Иванович неохотно согласился.

— Я не осмотрел заросли малины с другой стороны. Может, и там найдутся какие-нибудь улики или следы.

— Не переживайте, этим теперь займутся профессионалы, — следователь взял телефон и хотел позвонить, но у него ничего не получилось.

— Здесь связи нет. Нужно выезжать на дорогу, чтобы дозвониться.

— Пойдемте, Сергей Иванович, на место рыбалки. У меня к вам много вопросов.

Они вышли на опушку и направились в стоянку. По дороге Сегамачо начал сбивчиво рассказывать о том, что случилось и как он обнаружил друга мертвым, но следователь его перебил.

— Сергей Иванович, начните с того, как вы собрались на рыбалку, почему предпочли именно это место. Потом мы с вами разберем ваши действия по минутам, а сейчас я хотел бы владеть общей картиной.

— Да, конечно, — ответил Сегамачо, — я буду рассказывать с вечера.

Пока они шли к машинам, он успел поведать обо всех событиях, которые предшествовали этой ночи, но промолчал о встрече с пьяной женщиной: она не имела никакого отношения к происходящему, а, наоборот, показывала его, как мужчину, в невыгодном свете. «Господи! — в который раз подумал Сегамачо. — Как я, взрослый человек, попал в такую переделку!»

Проходя мимо места, где лежал Котыч, Сегамачо хотел шагнуть к куску брезента, покрывающему тело, но следователь его остановил, и сам приближаться не стал.

— Сергей Иванович, осторожно. Вы и так здесь уже достаточно наследили, — предупредил Олег Петрович, — не осложняйте криминалисту работу, пожалуйста.

Нестеренко передал по рации сообщение и, когда увидел оперативников, показавшихся из леса, указал им пальцем на кусты. Затем он потянул за рукав Сегамачо и пошел к месту стоянки.

Они приблизились к столу, где ночью выпивали друзья. Сейчас здесь разложили вещи оперативники. При взгляде на эту картину что-то царапнуло сознание участкового, мелькнула какая-то идея, но Нестеренко задал очередной вопрос, и мысль исчезла.

— Во сколько вы приехали на берег?

— В начале одиннадцатого.

— Почему так поздно? — удивился следователь. — Обычно рыбаки стараются застать либо вечернюю, либо утреннюю зорьку, а вы к ночи приехали.

— Мы так и планировали, но опоздали. Хотели поужинать и спать лечь, чтобы с утра пораньше рыбачить. А потом посидели и решили ночью леща половить. Он в это время близко к берегу подходит. Сами видите, что место подходящее, — Сегамачо развел руки и показал на озеро.

— Хорошо. Во сколько стали рыбачить?

— Думаю, около часа разошлись по сделанным затончикам.

— То есть, вы три часа выпивали? — уточнил следователь, записывавший показания в блокнот.

— Нет. Пока палатку поставили, места сделали, от травы берег кошкой очистили, прикормку в каждое «окно» положили — уже к двенадцати время было.

— Покажите, где сидели вы, а где был ваш друг, — попросил Олег Петрович.

— Мое место находится прямо напротив стоянки. В-о-о-о-н там, — Сегамачо показал рукой на куст, — окошко Котыча расположено вправо от меня, это если стоять лицом к озеру, метров пятьдесят в сторону. Его там тяжело ранили, но он сумел еще несколько метров дальше проползти и упал в кустах. Я его в полумраке даже не сразу заметил, думал, он в лес ушел.

Пока Сегамачо рассказывал, он наблюдал за оперативниками, которые подошли к береговым зарослям. Он видел, что полицейские осторожно подняли брезент, потом почему-то задвигали ветками кустов. Затем вообще разошлись по сторонам и пошли вдоль кромки воды. «Интересно, что они делают?» — подумал он, но вслух произнес другое

— У меня есть версия, почему преступник увидел первым Котыча, а не меня.

— Правда, расскажите, — следователь на своих сотрудников не смотрел, иначе тоже увидел бы интересные перемещения.

Сегамачо показал на куст, который загоразживал его место рыбалки, потом сбегал за курткой и продемонстрировал, что даже при свете дня его было сложно заметить, а уж ночью — тем более. Он повернулся, чтобы положить куртку на место, и опять взгляд за что-то зацепился, но озарения не произошло.

— Я здесь записал вопросы, которые возникли у меня, — он протянул тетрадку Нестеренко и уже открыл рот, чтобы пояснить догадки, но не успел.

— Олег Петрович, — услышали они крик, — а где труп?

Глава 23

Толян и компания

Да, троица друзей, весело покутивших на пляже, к нападению на деда никакого отношения не имела. На то время, когда произошло ограбление, у Толяна и Юрка есть стопроцентное алиби, сам Петр Макарович его и обеспечил. А вот где пропадала Надежда, никто не знал. Но, как сказала Катерина-дачница, вор на женщину был не похож. Да и бутылку Надя принесла мужикам для распива, когда еще было светло. Не могла же она ночью пересидеть в лесу, потом вернуться в поселок, залезть на дачу, ударить старика и сбежать. Логика в таком поступке не была никакой, поэтому Надежду как подозреваемую участковый рассматривать тоже не стал.

Он прикрыл уставшие глаза и жестом попросил присутствующих замолчать. Так ему легче думалось, а после бессонной ночи мысли разбегались по норам, как мыши. Пытаясь ухватить одну за хвост, участковый нахмурил брови, и в этот момент тишину разорвал звонок телефона.

Все вздрогнули. Задремавшая на стуле Варвара вскочила с места и теперь испуганно водила глазами по кухне, не понимая, где находится и что эти люди делают у нее дома. Опять задрожали руки у Юрка, а нога часто застучала по дощатому полу. Нефедов открыл глаза: он, как и мать, успел задремать сидя. Только Кирилл с любопытством смотрел, как участковый вытаскивает старенький мобильник и, подслеповато щурясь, пытается попасть на зеленую клавишу вызова.

Наконец он кнопку нашел и стал внимательно слушать собеседника. Иногда только вставлял короткие реплики или вопросы.

— Где произошло? Как? А он что? Неужели! Кто выехал? Без меня справятся? Хорошо, я этим займусь.

На кухне была такая звенящая тишина, что когда Варвара задела локтем ложку, и та со звоном упала на пол, все восприняли это, точно удар грома. Петр Макарович положил трубку и окинул взглядом людей, сидящих вокруг стола.

— Ну, что? — тихо спросил Кирилл.

— Ничего хорошего, — пробурчал участковый, а потом взорвался бранью, ничуть не уступающей по накалу речам Толяна. — Мать твою! Ну, и как мне реагировать на эту новость прикажете? Кто мне ответит, что происходит на этом участке.

— Петр Макарович, не пугайте нас. Что случилось?

— Надежда пропала, ограбление было, а теперь еще и убийство! Нет, просто безобразие! Для полного счастья мне только трупов не хватало.

— Дачный дед умер, да? — охнула Варвара.

— В том-то и дело, что нет. Пусть дед живет. Тут другое. На озере рыбака убили.

— Ужас! — всплеснула руками Варвара, — А кого? Тебе ничего не сказали?

— Не наш человек, с соседнего района. Он с другом приехал порыбачить. А утром его товарищ стал разыскивать и обнаружил мертвым. И опять ничего не пропало.

— Прямо маньяк неизвестный у нас здесь завелся. На улицу выходить страшно, — вставил слово Толян, — дядя Петя, а может, он и нашу Надюху, того? — при этих словах верзила сделал выразительный жест рукой по горлу.

— Типун тебе на язык, блаженный, — замахнулся на него участковый, — язык, как помело. Сам понял, что сказал?

— Я-то понял. А вы покумекайте: ушла из леса она задолго до нас, но домой не вернулась. Ее больше никто не видел. Мы по округе прошлись, но тоже следов не нашли. Если бы она пьяная была, то спала бы где-нибудь. Ее обязательно бы увидели.

— Здесь ты прав. Вставай, Кирилл. Спать нам сегодня не придется. Уже рассвело, займемся поисками Надежды.

— Варвара, ты бабку успокой. Сейчас ее проблемой заниматься буду. Можешь мне помочь?

— Говори, Макарыч, что делать надо.

— Сходи к бабе Ане, принеси одежду Надюшкину. Кофточку или платок. Главное, чтобы ее запах сохранился, лучше даже нестиранную.

Варвара шустро набросила шаль на плечи и, несмотря на грузное тело, незаметно выскользнула в дверь.

— А нам что делать? — влез с вопросом Толян. — Мы спасать пойдем, а? — он с надеждой посмотрел на Петра Макаровича.

— Идите, пока вы мне не нужны. Но из дому — ни шагу! В любой момент могут вопросы возникнуть. Юрок, ты спи у Толяна сегодня, домой не ходи. Понял?

— Конечно, — коротышка посмотрел на дружка, — пошли к тебе в сарай.

— Погоди, мать вернется, у нее одеяло попросим и подушку.

— А сам взять не можешь? — спросил удивленный Кирилл.

— А я почему знаю, где она белье прячет, — лениво потянулся Толян и широко, во весь рот, зевнул.

— Ну, ты, мужик, даешь! Ты же дома, обязан знать, где и что лежит.

— Оставь ты его, Кирюха! — прикрикнул участковый. — Без нас они тут разберутся.

Вон и Варвара уже бежит.

Действительно, только он это сказал, как все услышали на крыльце шаги, дверь отворилась, и в комнату вошла Варвара с бабой Аней на хвосте. В руках она держала девичью футболку.

— Держи, Макарыч, Надюшкина кофточка.

— Варь, не могла по-тихому взять? Неужели надо было бабку тревожить?

— А как я возьму? Я только дверку ворот открыла, а баба Аня уже на крыльцо выскочила.

— Не ругай ты ее, Макарыч. Я спать не могу, за Надюшку переживаю. Хоть бы вы ее скорее нашли. Не на месте мое сердце, чую, беда случилась. А все эти, дармоеды виноваты, — старушка замахнулась на Толика и Юрка полотенцем, которое висело на стуле.

— Юрок, пошли-ка отседова. Нам здесь не рады. Мать, дай-ка одеяло и подушку. Дядя Петя велел Юрку у меня ночевать.

Варвара ушла в комнату, баба Аня присела возле кухонного стола, а дружки вышли на улицу.

— Слышал, Толян, кого-то на озере убили, — прошептал Юрок.

— Молчи, не наше это дело. Мы и так с трудом выкрутились. Врать, говорят, хреново, попасться можно. Но так болтают те, кто полуправду никогда не рассказывал. Вот где в мелочах тонешь!

— Я каждую минуту обмирал, когда Макарыч вопросы задавал. Так и боялся, что поймает нас на вранье.

— Толик, держи одеяло и подушку, — перебила шепот Юрка выглянувшая на крыльцо Варвара, — идите спать. Если вы Макарычу понадобится, я вас разбужу. Спокойной ночи. Ой, что это я. Какая ночь? Уже утро вовсю на дворе.

На крыльцо вышли Петр Макарович и Кирилл.

— Все, Варвара, мы поехали. Как будут новости, обязательно сообщу.

Полицейские сели в узик, и машина вскоре исчезла из виду. Однако, как только миновали крайний дом, участковый приказал автомобиль остановить.

— Мы далеко без плана не уедем. Выходи, осмотримся, оценим обстановку.

Кирилл нехотя выбрался из машины вслед за начальником. Он не видел никакой необходимости в этом: прекрасно можно было продумать план в салоне. Но спорить с участковым не стал.

— С чего начнем поиски? — спросил Петр Макарович.

— Думаю, кинолога надо из района вызывать, сами не справимся.

— Разбежался, — улыбнулся Макарыч, — ты думаешь у нас при каждом участке обученные собаки имеются? Не смейся. Это дело дорогое. Даже в районе нет развернутой кинологической службы, только платная. Да и поисковую собаку уже, наверное, вызвали на убийство.

— А, — протянул разочарованный Кирилл, — а я-то думал.

— Ты о нашей работе по сериалам, видимо, судишь. Нет, практикант, в реальности все намного примитивнее. Сначала здесь людей опросим, может, кто из них видел Надежду или слышал о ней. Я вот только думаю, с кого начнем?

Кирилл достал планшет и посмотрел в свои записи.

— Сначала спросим продавщиц в деревенском магазинчике и дачном. Они оба открываются в восемь часов. С какого начнем? Нам же надо знать, девушка купила водку в ларьке или нет.

— Молодец. Хорошо мыслишь. С этого и начнем. А вторым пунктом плана что делать будем?

— По теории мы должны разыскать свидетелей, которые были на пляже.

— Должны-то, должны, но Толян и Юрок их не знают, видимо, обе компании приехали из города. Представляешь, столько там синих Ниссан Кашкай или мотоциклов Хонда?

— Ничего страшного. Эту информацию в райотделе дадут. Я могу сейчас позвонить.

— Хорошая идея. Сами не справимся. Будем подключать людей.

Кирилл быстро набрал номер телефона районного отдела полиции и передал просьбу участкового, прибавив, что информация нужна срочно. Он попросил выслать ее ему по почте. Пока он звонил, Петр Макарович пытался представить общую картину, но у него слабо получалось. Пока не сходились концы с концами. Одно он понял совершенно ясно: три случая связаны, таких совпадений не бывает, но как, это и был главный вопрос.

— Петр Макарович, а на убийство мы не поедем? — раздумья участкового прервал голос практиканта.

— Сейчас нет. Да мы там и не нужны. Выехала оперативно-следственная группа из района. А другом погибшего, знаешь, кто был?

— Ну откуда мне знать.

— Сергей Иванович Гусев, участковый. Мы с ним на семинаре по ножевым ранениям весной встречались. Вот и проверил полученные знания на практике. Жалко мужика. Убит просто горем.

— А он преступника не видел?

— Не только не видел, но и не слышал, как убивали, хотя рыбачил в пятидесяти метрах от друга. Вот так.

Он повернулся лицом к деревне, которая отлично просматривалась с окраины, так как состояла из одной улицы, затем посмотрел на часы и обнаружил, что стрелка приближается к семи. Деревня оживала. Во дворах кричали петухи, лаяли собаки. Серый, облезлый кот сидел на столбике забора крайнего строения и умывался. Хозяйки выгоняли домашний скот, которых деревенский пастух собирал и сопровождал на луга. Появились первые люди, спешащие на работу или по своим делам.

— Поехали, навестим Клавку, продавщицу из магазина. Не будем ждать, пока она его откроет, — решил участковый.

Дом Клавки нашли быстро. Он стоял в центре деревни и был огорожен двухметровым забором темно-зеленого цвета. Макарыч постучал в ворота и услышал, как во дворе яростно залаяла собака, затем донесся металлический звук, который то отдалялся, то приближался.

— Это хорошо, что Юнкер на цепи. От их волкодава никто убежать не сможет. Злющий, ужас! Истинный дьявол.

— Какой-то странный звук, — недоуменно произнес Кирилл.

— А что тут странного? От забора к дому протягивается металлический трос, на нем закрепляется цепь. Так собака передвигается по двору, но в то же время полной свободы у нее нет. Эх, Кирюха, сразу видно, что ты никогда в деревне не жил.

— А сорваться она не может?

— Может, если цепь перетрется, но обычно хозяева следят за этим. Клавдия,

просыпайся, почему так долго не открываешь? — громче крикнул участковый и снова постучал в ворота.

— Да иду я, иду. Кого черти в такую рань принесли? — услышали напарники голос хозяйки.

— Это я, участковый. Открывай ворота, пара вопросов имеется.

Через минуту распахнулась калитка, и они увидели красивую и пышногрудую женщину за пятьдесят с шустрыми глазами, которые так и бегали по сторонам.

— Что, Клавдия, испугалась, думала, по твою душу пришел?

— А почему я должна бояться, торгую честь по чести, не ворую, лежалый товар людям не спихиваю. Проходите в дом.

— Нет. Проходить не будем. Ответь только на вопрос, и мы исчезнем. Скажи, заходила магазин компания Толяна?

— Да, заглядывала. Этот алкаш еще мне скандал устроил, что на обед ушла. Нутро, видите ли, у него горело, выпивка срочно нужна была. Он вообще наглый стал. Я с его матерью дружу, мог бы и повежливее разговаривать.

— Во сколько они приходили?

— Я же и говорю, я с обеда вернулась, в три часа пополудни.

— Спасибо. Больше вопросов нет, — махнул рукой Петр Макарович на прощание и широкими шагами пошел к машине. За ним двинулся и Кирилл.

— Макарыч, а что случилось? Натворили эти паразиты каких-то дел?

Однако участковый ничего не ответил, еще раз махнул рукой из открытого окна, и вскоре машина исчезла из виду растерянной Клавки.

— Куда дальше поедет? Вроде показания свидетелей и рассказ дружков не расходятся.

— Ты не торопи события. Много еще непонятных моментов. Все, тронулись. Поедем на пляж. В дачный ларек еще рано. Затем наведаемся в магазин и в домик, где вчера ограбление было. Родственники приедут и, расскажут, что пропало.

Петр Макарович опять задумался. По-прежнему какая-то мысль не давала покоя, но она ускользала, никак не приходила на ум.

— Кирилл, — вспомнил вдруг участковый, — ты почту не проверял? Может, уже информация по транспорту пришла?

Кирилл остановил машину на обочине и открыл планшет, но связи не было.

— Что за черт? — выругался он. — Вроде бы совсем недалеко от деревни отъехали.

— Не чертыхайся, молод еще! — прикрикнул на студента Макарыч. — У нас так бывает. Вышка далеко вата расположена, только в деревне связь нормальная и интернет. Теперь ближе к дачам сигнал появится, так что поехали. Дел много.

Кирилл завел машину, и в этот момент участкового озарило.

— Черт! Черт! Черт! Дурья башка! Как я раньше не догадался!

Глава 24

Максимовы

— Ну, готовы? — спросил папа и оглянулся, чтобы проверить, хорошо ли все устроились.

— Да, — хором ответили дети.

— А штурман о чем задумался? — этот вопрос Коля уже адресовал жене, которая стояла возле двери, но не садилась.

— Прости, не слышала, — очнулась от грустных мыслей женщина и уже хотела сесть,

как вдруг сзади кто-то тронул ее за плечо.

— Извините, — раздался тихий голос.

Света вздрогнула, резко повернулась: за спиной стояла незнакомка. Она подошла так тихо, словно была бестелесной, словно прилетела по воздуху и незримая и неслышимая опустилась на землю рядом с машиной.

— Как вы меня напугали! — схватилась за грудь Света.

— Я хотела спросить... — незнакомка помолчала, будто вспомнив о чем-то, потом продолжила, — вы не довезете меня до деревни Васильевка?

Говорила она медленно, делая паузы, растягивая слова и проглатывая окончания, отчего ее речь становилась невнятной.

— Что вы сказали? — переспросила Света.

— Вы не подвезете меня до Васильевки? — повторила девушка.

«Робот, да и только», — подумала Света и отчаянно посмотрела на мужа.

Только сейчас, при ярком свете, она рассмотрела незнакомку. В темноте леса та показалась Свете взрослой женщиной, с седыми волосами и уставшим от жизни взглядом. Но теперь она видела, что лесная гостья — это девушка лет двадцати пяти, максимум тридцати. На ней, кроме светлой футболки, была надета еще длинная юбка темно-бордового цвета. Легкий материал покрывали пятна неизвестного происхождения. Из левого кармана торчал краешек голубой ткани, а в правый девушка глубоко засунула руку. На ногах белели летние спортивные тапочки, каких множество видов продается во всех магазинах, тоже в бурых разводах...

Аккуратная Света осуждающе поджала губы, но потом одумалась: иметь грязную обувь не преступление.

В целом, ничего примечательного, девушка как девушка, если бы не ее глаза. Темные волосы незнакомка кое-как пригладила руками и заправила в красную резинку, открыв симпатичное лицо с маленьким носом и по-детски пухлыми губами. Теперь хорошо были видны карие глаза такого глубокого цвета, что они казались почти черными. Мороз прошел по спине у Светланы, когда она встретилась с пустым и безжизненным взглядом незнакомки. Казалось, что девушка смотрит мимо нее куда-то вдаль, но такое впечатление складывалось потому, что один глаз у незнакомки немного косил.

Света поглядела на мужа, который приглушил мотор и тоже вышел из автомобиля, и слегка качнула головой. «Не бери, — молили ее глаза, — с ней что-то не так». «Что не так?» — приподнял брови Коля.

«Даже не представляю, но чувствую, нельзя ее сажать в машину», — хотела крикнуть жена, но промолчала.

Молчаливый диалог продолжался всего секунду, но они оба знали, что видимой причины отказать незнакомке в помощи, у них нет. Коля вздохнул и решил:

— Конечно, о чем разговор, подбросим куда нужно. Только я не знаю, где находится ваша деревня. Вы сможете мне ее на карте показать?

Женщина пожала плечами, но Коля уже нырнул в салон, достал из бардачка карту и разложил ее на капоте.

— Не подскажите, где мы находимся?

— Я не знаю, — пожала плечами девушка.

— Посмотрите сюда, здесь озеро Лесное, мы на его берегу стоим. А где ваш поселок: возле озера, или дальше него, или вообще в стороне?

Но незнакомка с отрешенным видом смотрела на карту, и создавалось впечатление, что она ничего не понимала. Потом она медленно достала из кармана правую руку и протянула ее, чтобы показать какое-то место. Света увидела на коже длинный порез, который шел от кисти вверх и был покрыт темной коркой. По всему предплечью разливались кровавые пятна разного оттенка: от едва заметного светло-розового до темно-бордового.

— Ох, что с вами случилось? — всполошилась Света, — Где вы так поранились?

— Не знаю, — ответила женщина и с удивлением поглядела на руку, пальцем потрогала корочку и поморщилась.

«Хоть какие-то эмоции проявила», — подумала Света, но вслух сказала другое.

— Вам надо рану обработать. Не бойтесь, я врач. Сейчас быстро все сделаю.

Она вытащила аптечку, которую только что убрал в сумку Антон, и стала раскладывать на переднем кресле ее содержимое. Мальчик испуганно замер, боясь, что мама вот-вот обнаружит пропажу. Любопытная Варенька тоже перестала смотреть мультик, сняла наушники и прислушалась к разговорам взрослых.

Света достала перекись водорода, йод, ватные диски и бинт. «Вот откуда у этой девушки пятна на одежде. Ну да. Если бы юбка была другого цвета, я бы сразу заметила, а так, попробуй, догадайся!», — думала Светлана, пока руки выполняли привычную для медика работу. Она осторожно промыла у незнакомки рану, обработала ее сначала перекисью водорода, затем йодом, стараясь не касаться сформировавшейся корки, потом забинтовала.

— Порез длинный и глубокий. Лучше, конечно, его зашить. Но рана выглядит не очень свежей, поэтому постарайтесь не занести инфекцию. Если не будет нагноения, то через некоторое время останется маленький шрам, но не страшный, — рассказывала во время обработки Света.

Но незнакомка, после слабого проявления эмоций, была безучастна. Казалось, что она не реагирует ни на боль, ни на слова доктора.

— Может, мы вас тогда доведем до первого поселка, который попадется на дороге, и покажем врачу? — неожиданно произнес за спиной Коля, обращаясь к девушке.

Света стремительно повернулась к мужу и сделала круглые глаза, которые просто кричали: «Ты с ума сошел! Что ты предлагаешь? Зачем нам возиться с незнакомкой? Я ей уже помощь оказала».

Но предложение уже вылетело, назад не воротишь. Правда, девушка Николаю ничего не ответила. От яростного взгляда жены мужчина смутился и попытался исправить допущенную оплошность:

— В вас есть телефон с данными родных? Давайте им позвоним! — Коля в ожидании ответа достал из кармана смартфон.

Незнакомка пожала плечами. Она стояла молчаливая и равнодушная и смотрела в сторону.

— Ну, ладно, — огорченно вздохнул Коля, — едем тогда до первого населенного пункта, а там будет видно.

Расстроенная Света неохотно с ним согласилась, хотя, если бы была ее воля, она бы оставила женщину в лесу. Незнакомка не вызывала доверия, с первой встречи Светлана чувствовала исходящую от нее опасность. Но как объяснить детям, почему их добрая мама врач не помогла в трудную минуту пострадавшей? Со стороны это бы выглядело странно.

— Антон, подвинься, — привычно приказала она, — и Чапку возьми на руки, чтобы не

мешал. Садитесь, пожалуйста, вам тут будет комфортно, — обратилась она уже к девушке.

Незнакомка по-прежнему стояла неподвижно и не двигалась.

— Ну, что же вы, садитесь, — поторопила ее Света и взглянула на часы, маленькая стрелка которых приближалась к девяти. «Ого, сколько уже времени! Мы не планировали так долго задерживаться на поляне».

Девушка посмотрела на нее, затем на сиденье, нахмурилась и никак не решалась сесть. Она взяла раненой рукой подол юбки и стала тщательно протирать кожу кресла. Сначала терла по горизонтали, потом перешла к вертикали. Заглянула во все щели и складки обивки, сдула все пылинки. Максимовы недоуменно наблюдали за ее действиями. Во время уборки девушка шевелила губами, но расслышать слов Света не смогла. В душе рос комок. Появилось неприятное ощущение, что они с мужем поступают неправильно.

— Девушка, если сиденье грязное, садитесь тогда вперед, — скороговоркой выпалила Света и внезапно почувствовала облегчение: надо было с самого начала предложить ей переднее кресло.

Но, увы, опоздала: незнакомка, завершив уборку, уже села на предложенное место, наступив ногами на стебли, лежащие на полу.

— Мама, — закричал Антон, увидев, как девушка мокасинами топчет его будущие дудочки, — она мне все камыши ломает.

— Сынок, ты почему ведешь себя точно капризный малыш? Давай сюда твои растения, я их положу в багажник, — раздосадованная, Света наклонилась и осторожно забрала из-под ног незнакомки, которая даже не шелохнулась, стебли и вынесла их из салона, еще раз отметив странное и нелогичное поведение девушки.

Наконец все расселись по своим местам, и машина тронулась в путь. Лишь Антон расстроено и недовольно поглядывал на попутчицу, которая не только заняла его место и отдала от ножичка, завернутого в салфетку, но и заставила маму спрятать его камыши для дудки в багажник

Глава 25

Сегамачо

Все растерянно замерли и переглянулись. Криминалист поднял голову от стола, на котором раскладывал инструменты из привезенного чемоданчика, посмотрел на Сегамачо и Нестеренко и выжидательно поднял брови.

— Как где труп? — недоуменно выдавил из себя участковый.

И вдруг его захлестнула шальная мысль: Котыч жив, а это просто он, дурак, в панике все не так понял и наделал шуму. Он сорвался с места и тяжело побежал к воде. Сердце бешено колотилось в груди, но теперь от призрачной надежды, что его друг тяжело ранен, но жив. За Сегамачо также быстро следовали Нестеренко и криминалист.

— Вот, Котыч лежал здесь, — показал рукой на землю запыхавшийся участковый, все еще не решающийся назвать товарища «трупом», — видите, я его брезентом накрыл.

Он посмотрел вниз и обнаружил, что кусок ткани на месте и лужа крови тоже, а Костик исчез уже второй раз за это утро.

— Ничего не понимаю. Что произошло?

— Может, он был без сознания, а вы решили, что он мертв?

— Да нет! — крикнул Сегамачо. — Я же не идиот. Кожа была еще теплая, когда я его нашел, и ладонь с горла легко свалилась при переворачивании, но сердцебиение отсутствовало и дыхание. Крови под ним было много, и рана на горле в области артерии.

— А как ты узнал, что это артерия повреждена? — спросил его Нестеренко, оглядываясь вокруг. — Ты же не медик.

— Недавно в райцентре был семинар по ножевым ранениям.

Оперативники переглянулись, так как тоже про этот семинар слышали.

— Вот-вот! — продолжил ободренный Сегамачо. — А когда я подошел к Котычу во второй раз, тело уже остыло. А потом ветер пошевелил волосы, и я вдруг решил, что он еще жив, поэтому сбегал к машине и выломал зеркало, чтобы точнее проверить: жив он или мертв. Видите, вот оно лежит.

Следователь проследил за пальцем Сегамачо, и обнаружил под ракитой зеркало заднего вида.

— И куда тогда труп делся? — удивленно спросил Нестеренко и взмахом руки дал команду операм внимательно осмотреть все в округе.

— Стойте! Не двигайтесь! — закричал Сегамачо, потом повернулся к Олегу Петровичу и прошептал. — Я понял. Преступник возвращался! А может, он еще здесь. Ходит, как зверь, кругами.

Опера замерли и вопросительно посмотрели на командира в ожидании дальнейших указаний. Если убийца рядом, то каждая минута промедления осложнит его поиск.

— Почему ты это вдруг понял?

— Можно я у него кое о чем спрошу? — задал мучавший его вопрос Сегамачо командира и повернулся к подошедшему криминалисту и, когда Нестеренко кивнул, обратился к Михаилу Максимовичу — Слушайте, вы свои вещи разложили на нашем столе, а куда убрали с него остатки еды и посуду?

— Я ничего не убирал. Стол был чистый.

— Разве?! Я тоже ничего не трогал, все оставил. Я еще подумал — вдруг там улики, — Сегамачо повернулся к следователю и продолжил, — когда мы с подходили к столу, я тогда сразу заподозрил неладное, но сразу не понял, что меня смутило. Только сейчас дошло. Ну что я за дубина: друга потерял, еще и соображаю плохо!

Расстроенный мужчина с размаху сел на землю и зажал голову руками. Оперативники переглянулись.

— Начинайте по-тихому поиски, — приказал Нестеренко операм. — Миша, и ты, Никита, идите в сторону опушки, прочешите по периметру. Малышко, а ты погуляй на той стороне поляны, может, найдешь что, — следователь показал рукой влево. — Я здесь тщательно все осмотрю. Даже если преступник и вернулся, у него было мало времени, чтобы уйти далеко. Может, сумеем его обнаружить. Вы только смотрите там, будьте осторожны.

Следователь проследил взглядом за своими сотрудниками, направляющимися к лесу, потом повернулся к Сегамачо и в сердцах воскликнул:

— Вот незадача! Первый раз такого убийцу вижу. Обычно совершат преступление и удирают подальше, чтобы отсидеться в уголке. А здесь феномен какой-то: преступник возвращается на место убийства и продолжает действовать. Значит, он не завершил свое дело, кто-то его спугнул. Сергей Иванович, вставайте, потом горевать будем. Сейчас бандита ловить надо.

— Ладно, я постараюсь не раскисать.

— Вот и чудненько. Вы идите по левой стороне берега, а я по правой.

Мужчины разошлись в разные стороны. Постепенно отдаляясь друг от друга, они заглядывали под каждый куст, присматривались к высокой траве, поднимали голову и

исследовали взглядом кроны стоящих на полях деревьев. Но, кроме тех следов, которые обнаружил Сегамачо, больше ничего найти не удалось. И тело, и преступник будто испарились.

Через полчаса бесполезных поисков они снова встретились у брошенного брезента.

— Так дело не пойдет, — задумчиво потер подбородок Нестеренко.

— Сергей Иванович, пока мои ребята лес у опушки осматривают, мы с вами труп поищем. У вас есть в машине болотные сапоги?

— Да. А зачем они вам?

— Хочу догадку одну проверить.

Через две минуты Нестеренко обулся и вошел в воду рядом с тем местом, где недавно лежал труп. Он взял удилище, которое протянул Сегамачо, и стал водить им по дну, пытаясь что-то нащупать, но гибкий прут только гнулся.

— Я понял, что вы хотите сделать, — по-прежнему шепотом произнес Сегамачо, — думаете, он тело в воду толкнул?

— Да. Для этой операции много времени не нужно. Представьте, убийца отсиделся в кустах, а когда вы уехали за помощью, выбежал, толкнул труп в воду и ушел лесом.

— Нет, концы не сходятся. Когда я вернулся с трассы, Котыч был на месте, я его осматривал. Потом я заметил капли крови и пошел по ним в лес. Думаю, убийца где-то на берегу прятался. Увидел из укрытия, что я в лес побежал, вылез по-тихому.

— Логично, — кряхтя от усердия, произнес следователь.

— Но если он скинул тело, оно бы всплыло тогда, — засомневался Сегамачо.

— Здесь много травы, труп мог и застрять. На всякий случай проверим. Сергей Иванович, кинь мне вон ту палку, — командир показал на длинную ветку, лежащую в стороне.

— В багажнике лежит «кошка» для чистки дна. Я ее принесу, — произнес Сегамачо, подавая палку.

— Давай, «кошку» можно подальше закинуть.

Участковый, топая, как слон, побежал к машине и вскоре достал «кошку». На обратной дороге он притормозил у стола, все еще не понимая, куда исчезло его содержимое, но думать об этом было некогда, и мужчина побежал на помощь к Нестеренко. На опушке раздавались голоса оперативников, которые осматривали лес.

Олег Петрович, стоя почти по пояс в воде, проверял дно веткой, но пока безрезультатно. Она беспрепятственно проваливалась в ил. Сегамачо подошел ближе.

— Олег Петрович, осторожнее, я «кошку» бросать буду, — предупредил следователя Гусев и широко замахнулся.

Он вытолкнул якорь как можно дальше и стал тянуть на себя, но тот захватил лишь немного донной травы. Мужчина очистил концы и снова забросил «кошку». Пятнадцать минут мужчины по очереди продолжали эту утомительную работу. Сегамачо вспотел, руки от напряжения дрожали, но результата не было. Вернувшись ни с чем оперативников Нестеренко снова направил вдоль берега посмотреть, может, тело волной прибило к другому месту.

— Уф, перерыв. Нужен план. Бессистемные действия всегда приносили только вред, — руководитель достал рацию и объявил общий сбор.

Сегамачо устало сел на землю и закрыл глаза, приводя мысли и чувства в порядок. «Итак, я пошел в лес, когда до намеченного времени оставалось пятнадцать минут. Звонок

таймера я услышал уже после того, как нашел заросли малины, а вой сирен еще позже. Значит, полиция приехала не через час, а с опозданием минут на десять».

— Олег Петрович, я рассчитал время так, что вы должны были прибыть через час, а то и раньше. Но вы опоздали. Что случилось?

— Да, смешное недоразумение. По дороге сюда водитель по ошибке свернул не в тот поворот, и мы приехали на похожую полянку, но только километрах в двух отсюда. Напугали семью, которая там останавливалась на ночлег. Съезды очень похожи. Разница только в том, что на там берег заболочен и нет удобного подхода к озеру. Почему спрашиваешь?

— Я пытаюсь вычислить, сколько времени было у преступника, когда он вернулся.

— Ну и что получается?

— Получается не так уж и мало. Я ушел с берега в лес спустя 45 минут от звонка вам. Там я находился не менее получаса, пока меня не нашли ваши оперативники. А когда вы приехали, на поляне никого не видели?

— Нет. Мы быстро рассредоточились и стали осматриваться, пытаюсь найти место убийства. Даже, когда мне сообщили, что нашли вас, на поляне остался только криминалист.

— В любом случае, у преступника было минут тридцать, пока вы не приехали. Тогда я ничего не понимаю. И еще странно. Куда исчезла наша еда со стола? Полтергейст, да и только.

— Сергей Иванович, говорите, минут тридцать прошло. А сколько человек успеет ножками отшагать за 30 минут?

— Я не знаю, наверное, два с половиной километра, а если по лесу, то и меньше. Это при условии, что этот гад куда-то пошел. У меня такое впечатление, что он за деревьями прячется и за нами наблюдает. Везде его глаза чувствую.

— Это, Сергей Иванович, голые эмоции. А мы будем руководствоваться фактами. Пойдемте к столу.

Сегамачо и Нестеренко направились к стоянке, где Олег Петрович достал в машине карту и разложил на столе.

— Давай посмотрим, что тут расположено в пределах двух километров вдоль озера. Я думаю, что преступник не пойдет на дорогу, а станет продвигаться лесом. Логично?

— Да. Вот только логика у него странная. Убил человека ни за что, потом вернулся и тело спрятал, и все это произошло за короткое время. Неужели он ни капли не боялся, что наткнется на людей? Я не понимаю. Я уже думал об этом. Убийца или такой глупый и не ведающий, что творит, или, наоборот, слишком умный. Все действия по секундам рассчитал. Вы согласны?

Но Нестеренко молчал, он глядел на карту, прикидывал и делал выводы. Мотивы преступника он будет разбирать позже. Сейчас нужно решить первостепенные задачи: вычислить, куда отправился преступник, и найти тело

— Так. Впереди по дороге расположена база отдыха. Но до нее далековато, километров пять будет. При всем желании он в ту сторону не пойдет: там охрана, если заметит постороннего, то остановит. Или камеры могут засечь, кстати, надо их проверить, — Нестеренко сделал себе в блокнот пометку.

При словах о базе отдыха Сегамачо вздрогнул и проглотил комок. Как ни был он сейчас встревожен и расстроен, их с Котычем вечерняя находка не исчезала из головы. Он все не решался рассказать о ней полиции. С одной стороны, между этими случаями он не видел связи, а с другой — боялся, что тогда придется поведать и о вечернем отвратительном

поступке. Нестеренко тем временем продолжал.

— А вот тут дачный поселок. Там ночью в домик залезли и деда по голове сковородкой стукнули. Наши ребята на место выезжали. Участковый инспектор с этим вопросом разбирается. Точнее, и это его территория, но он везде не поспеет.

— Еще один случай? Ужас. Что здесь творится? Кажется, один преступник похозяйничал.

— Не знаю. Ребята в отделе вычислить пытаются и пока не выходит. Может, залетный какой-то, не наш...

Договорить Нестеренко не успел. Он увидел, что к ним бегом приближается Малышко и несет в руках пластиковый контейнер.

— Олег Петрович, посуда со стола там разбросана и еда.

— Ты пришел из левой части леса. Если преступник отправился в ту сторону, то куда он выйдет? Посмотрим, — Олег Петрович опустил глаза на карту, — твою ж мать! — закричал он так громко, что Сегамачо и Малышко вздрогнули.

Но Нестеренко уже схватил в руки рацию.

Глава 26

Толян и компания

— Петр Макарович, мне говорили, чтобы я не чертыхался, а сами... — обиженно проворчал Кирилл, потом вдруг сообразил, что всегда уравновешенный участковый зря ругаться не будет, — а что случилось?

— Дай карту, быстро.

Ничего не объясняя Кириллу, участковый начал рассматривать карту, потом немного пожевал усы и стал делать пометки.

— Видишь, здесь наши алкаши были на пляже, — он обвел кружком место на карте, рядом дачи, где произошло ограбление. А тут, в паре километров от дач, — убийство. На деда напали в час — час тридцать. А сообщение об убийстве рыбака поступило рано утром. Тебе ни о чем это не говорит?

— Понял, — воскликнул Кирилл, — вы думаете, что преступник — один и тот же человек? Он перемещается в радиусе двух километров.

— В точку. Поехали на пляж, потом на дачу, и, видимо, придется заглянуть на место убийства.

Практикант не сумел скрыть свою радость, счастливая улыбка осветила его лицо, и через пять минут они уже припарковались у кромки леса. В дневном свете пляж выглядел по-иному. Золотистый песок подсох и не так прилипал к обуви, как ночью. Озеро спокойно накатывало на пляж волны и переливалось яркими красками в лучах солнца. Теперь хорошо просматривались те места, на которых вчера располагались отдыхающие. Площадки примятого песка окружал всякий мусор. Здесь были бутылки из-под пива и кока-колы, окурки сигарет, обрезки овощей, спички и другая мелочь.

— Все-таки наши люди — настоящие свиньи. Неужели это трудно сложить отходы в пакет и выбросить потом в мусорный бак! То, что нагадили алкаши, я еще могу понять: они совесть давно пропили, но вот тут сидели парень и девушка. Вроде, по рассказу Толяна, вполне нормальные люди. Но и они после себя, глянь, какой бардак оставили, — участковый сердито пнул ногой пустую пачку из-под сигарет.

Кирилл промолчал. Он знал, что редко какая компания тщательно убирает за собой после пикника. Когда люди от души напьются, им на чистоту наплевать. Но не мог же он это

объяснить пожилому человеку, который уже забыл, что когда-то был молодым и поступал точно так же.

— Зато много улик появилось, — пошутил он и несмело поднял глаза на начальника: оценил тот шутку или нет.

— Посмотри, Кирилл. Следов много, но понять, чьи они, невозможно. Я думаю, это мы ночью их оставили. Здесь было место компании Толика с друзьями, и отсюда, по его словам, они ушли в лес по этой тропинке. Как лучше сделаем: пройдем пешком до поселка по тропинке, а потом вернемся за машиной или наоборот?

— Не знаю. А может, машину оставим на дороге, а оттуда уже пойдем сюда.

— Тоже вариант. Хотя нет, дай секундочку, подумаю, — участковый на минуту замолчал и опять пожевал усы. — Разделимся. Я пойду по тропинке, так как ты дорогу не знаешь, а ты поезжай к магазину, продавщицу опрашивай. Я к тебе со стороны леса подойду.

Напарники разделились. У продуктового ларька никого не было, только на остановке сидели две бабули. Они с интересом посмотрели на полицейский уазик, который остановился рядом. Не успел Кирилл выйти из машины, как на него обрушился шквал вопросов.

— Молодой человек, а вора уже нашли?

— Ночевать страшно стало, не знаешь, чего еще ждать.

— А что с дедом? Очухался или помер?

— Там хозяева уже приехали, ты пойдешь к ним или нет?

Кирилл сначала даже растерялся, не поняв такую осведомленность местного населения, но потом сообразил, что опытные в сплетнях старушки быстро сложили дважды два и сделали выводы.

— Дорогие бабушки, на ваши вопросы я ответить пока не могу. Расследование пока ведется. Вы ночью не спали от беспокойства, а мы — работали. Продавщица уже пришла?

— Да. Она там уже. Только утром всегда запирается. Говорит, товар принимает, а какой товар, когда ни одна машина не приезжала, — возмущенно сказала самая говорливая бабулька, повернулась к соседке, и вместе они стали обсуждать поступки нерадивой продавщицы.

Кирилл подошел к магазину и постучал в дверь.

— Кто там? — услышал он женский голос.

— Откройте, полиция.

Раздался топот быстрых ног, и дверь отворилась. Маленькая женщина с повязанной на голове косынкой испуганно смотрела на него. Из крохотного помещения тянуло ароматами кофе. Кирилл ощутил в желудке спазмы и понял, что давно не ел.

— Доброе утро. Я помощник участкового Петра Макаровича Парфенова. Вы уже наверное, слышали, что ночью в поселке случилось ограбление. Я хочу задать вам один вопрос, я могу зайти?

— Да, пожалуйста. Заходите. Я только дверь закрою, а то любопытных много, — она бросила взгляд на остановку, где вытягивали шеи старухи, — все-то этим сплетницам знать нужно.

— Кофейком не угостите? Целую ночь на ногах.

— Конечно, я могу и бутерброд сделать.

— А два можно? Я напарнику еще прихвачу, он тоже голодный.

— Хоть десять, — ответила хозяйка, ловкими руками нарезаая розовые ломти

докторской колбасы и с любовью опуская на свежий хлеб.

— А старушки говорили, что у вас утром товар не привозят.

— Много они знают. Я по пути из дома в пекарню заезжаю за свежим хлебом и выпечкой, а если есть время, то и за молоком в соседнее агрохозяйство.

Женщина поставила перед Кириллом огромную кружку кофе, украшенную по краю черепами со скрещенными костями. Кирилл удивленно хмыкнул, но промолчал. Пока он ел, продавщица продолжала делать бутерброды, потом завернула их в фольгу и положила в пакет.

— А вот термоса, увы, нет, чтобы кофе туда налить.

— Может, у вас банка есть свободная? Мы люди не гордые, и так пойдет, — улыбнулся Кирилл, уплетая ароматную колбасу, — вы не переживайте, я вам заплачу.

— А я и не волнуюсь. Вы что у меня узнать собирались? — напомнила о цели визита продавщица.

— Ой, простите, увлекся. Такие бутерброды вкусные. Спасибо большое. Накануне вечером у вас не покупали бутылку «Пшеничной»?

— Конечно, покупали. Как дело к ночи, так алкоголь хорошо продается. А кто вам нужен? Был дед, говорят, что именно в его домик ночью вор забрался. Потом два мужика с Земляничной улицы, но я их сегодня уже видела, они в город на первом автобусе уехали.

— А во сколько это было?

— Примерно в 7:10. Вы думаете, это мужики деда по голове ударили, когда им выпивки не хватило?

— Не знаю, но на всякий случай проверим. Больше никто за водкой не приходил?

— Перед закрытием была молодая девушка. Симпатичная такая, в темно-бордовой широкой юбке-солнце. Это покррой специальный, — пояснила женщина, увидев вытянутое лицо студента.

— Что девушка взяла?

— Тоже бутылку «Пшеничной». Расплачивалась и песенку напевала.

— Слова песни не вспомните?

— Неприятная песня, но слов не помню. Просто отметила для себя, что неприятная, и все. Кстати, еще одна странность была.

— Какая? — сразу насторожился Кирилл.

— У девушки на руке трусики повязаны были. Я так удивилась. Подумала, что она, ну, из таких... — женщина немного помолчала, подбирая слово, — потаскух. Это девицы, которые без нижнего белья ходят и всем дают, — при этих словах она смутилась и отвела глаза.

Покраснел и Кирилл.

— А почему вы решили, что это трусики? Может, просто тряпочка какая-нибудь.

— Так она сама показала, пока я ее рассчитывала. Подняла руку, потом растянула ткань и захихикала. Я тогда и увидела, что это трусики.

— Спасибо большое за угощение и рассказ, — поблагодарил практикант такую идеальную свидетельницу, — сколько с меня.

— Ничего не надо. Считайте, что я вас угостила. Вы это Петру Макаровичу взяли? — спросила она, показав на пакет с кофе и бутербродами, и, увидев утвердительный кивок, продолжила, — он великий человек. Меня от серьезной беды спас. Для этого участкового ничего не жалко. Да, банку я не нашла, поэтому возьмите кофе в металлической кружке с

плотной крышкой, они у нас продаются. Потом ее вернете.

Кирилл вышел из магазина через пятнадцать минут, сытый и довольный. Увидев в его руках пакет, бабули наклонились друг к другу и стали перешептываться. «Думают, наверное, что взятку несущ», — усмехнулся он и пошел к машине. С другой стороны к ней уже подходил участковый.

— Ну, как, с новостями?

— Есть маленько. Садитесь в машину, перекусите, а я пока расскажу.

— О, вот это ты молодец. Умираю, как есть хочу, — проговорил Петр Макарович, разворачивая фольгу. Спасибо Татьяне, не забывает про меня.

— Она сказала, что вы ее от беды спасли.

— В ее магазинчик вор забрался, а она в это время в кладовке сроки годности на товаре проверяла. Сначала услышала, как стекло зазвенело, потом шаги. Приоткрыла дверь и увидела его, красавчика. Перепугалась, но не запаниковала, кричать не стала. Мне смс отправила, мол, спасите, умоляю. Я на уазике недалеко был. Тихо к магазину подъехал и вора того сцапал. Так что и она не пострадала, и товар цел остался, и я награду получил за ловкую поимку преступника. С тех пор и приятельствуем. Ты про наши дела рассказывай.

— Смелая женщина, уважаю таких. Каждый день с пьяницами воюет, и не боится.

Кирилл передал информацию, которую узнал от продавщицы.

— Пока все сходится. Наша троица не виновата. Уф! Поел. Спасибо тебе и хозяйке за заботу. Сбегай, отнеси назад кружку, и поехали на дачу.

— Да, забыл сказать. Бабушки, вон, те, — он рукой показал на остановку, где нахохлившись, как галки на заборе, примостились на скамейке примолкшие старушки, — говорили, что хозяйева приехали.

— Тогда поторопись.

Через две минуты полицейский уазик уже подъезжал к даче, в которую вчера залез вор. В домике их встретила дочь дедушки, растерянно смотрящая на то безобразие, что учинил грабитель ночью.

— Уже выяснили, что вор украл?

— Знаете, как ни смотрю, не понимаю. Получается, что, кроме бутылки водки, не пропало ничего. Неужели из-за этого надо было старика бить? — женщина не выдержала и заплакала.

— Скажите, здесь разбросаны только ваши вещи или есть чужое? — обратился к ней участковый, стремясь вопросом остановить поток слез.

— Да. Кажется, наши. Это рубашка мужа. Полотенце у входа висело, — женщина показала на крючок, выбитый в дверной косяк, потом задумчиво осмотрелась. Ее взгляд упал на белую кепку, по-прежнему лежавшую на полу, — странно, эту вещь я не помню.

— Вы когда последний раз были в домике?

— Да только в воскресенье уехала, а папа остался ночевать. Ну, зачем он это сделал! Я ему говорила, поехали в город. Но старики разве слушают! — вернулась хозяйка к неутраченному горю.

— Хм, значит, что эта кепка не ваша?

— Ну, да, — женщина наклонилась, чтобы поднять головной убор, но участковый ее опередил, крикнув:

— Не трогайте, это улика.

Хозяйка резко отдернула руку, подняла на него испуганные глаза. Губы сморщились,

задрожали, а по щекам опять покатались слезы.

— Простите, я не хотел вас пугать. Извините меня. Может, эта кепка принадлежит преступнику. У вас есть пакет?

Женщина достала упаковочный пакет. Участковый огляделся, и не найдя ничего более подходящего, взял вилку, осторожно поднял кепку и опустил ее в целлофан.

— Пожалуйста, пока еще сегодня не делайте уборку. Вот номер телефона. Позвоните мне вечером, я вам сообщу результат следствия.

Когда напарники сели в машину, немного удивленный Кирилл поинтересовался:

— Вы, правда, думаете, что кепка принадлежит преступнику?

— Кто его знает. Увидим. Который час?

— Без пятнадцати минут девять. Куда дальше?

— Остановимся у дачного поселка, где компания Толяна водочкой добавлялась. Посмотрим при свете дня вокруг, может, следы увидим. Но сначала ты позвони в район, пока еще связь есть, и почту проверь.

Оперативники сработали быстро. В городе было четыре синих Ниссана Кашкая, и собственниками трех из них являлись люди, не подходящим под описание Толяна. Хозяин четвертого — молодой человек, который фотографировал Надю, заявил, что видел ее последний раз на пляже. Они с подружкой уехали сразу после того, как компания Толяна ушла. Остаток вечера парень провел на юбилее у родителей и был постоянно на виду. Его алиби подтверждали и фотографии, сделанные на телефон его девушкой. Эта ниточка оборвалась, не успев даже раскрутиться.

С хондой дело обстояло сложнее. Таких мотоциклов было в городе много. Городские участковые оперуполномоченные получили задание проверить хозяев мотоциклов на своей территории. Тройное преступление на одном маленьком пятачке леса всколыхнуло районное начальство, и теперь оно держало первичные розыскные работы на контроле.

Система в действии. Кирилл гордился тем, что оказался в центре событий. Он готов был не спать и не есть, лишь бы его не отстранили от расследования. Практикант притормозил у дороги, в том месте, где ему показал участковый.

Они неторопливо прогулялись по периметру, чтобы ничего не пропустить, но следов не было. Юноша решил сделать несколько шагов в глубину и за кустами обнаружил зеленый пятачок примятой травы. Сначала он хотел просто пересечь лужайку, не останавливаясь, а потом что-то в кустах привлекло его внимание. Когда Кирилл понял, какую находку нашел, он возбужденно закричал:

— Петр Макарович, срочно идите сюда...

Глава 27

Максимовы

Светлану не покидало состояние тревоги, ставшее уже привычным. Украдкой она поглядывала на сидевшую сзади незнакомку. Оборачиваясь якобы к детям, она бросала косые взгляды на девушку, но видела незнакомку плохо, только ее левый бок. Та откинулась на спинку сиденья и замерла, будто невидимка, по-прежнему глядя в одну точку. Кисти рук она прятала в карманах или в складках широкой юбки, но Светлана со своего места не могла рассмотреть точнее: высокий подголовник мешал обзору.

— Как вас зовут? — спросила Света.

— Надя, — после минутной паузы ответила девушка.

— Где вы так поцарапались? Может, попытаетесь вспомнить? Это очень важно. Если

вы поранились острой веткой, это не страшно. Рана, скорее всего, не нагноится. А если гвоздем — это совсем другое дело. Здесь понадобится серьезное лечение. Конечно, сейчас всех детей с малых лет прививают от столбняка, но все-таки я вам советую внимательно отнестись к вашей проблеме.

— Ладно, — опять одним словом ответила девушка.

«Она вялая, неразговорчивая. Может, есть что скрывать? А я с вопросами, дура, лезу», — подумала Света и ненадолго замолчала.

Она принялась и тихо спросила мужа:

— Коля, ты не чувствуешь, кажется, пахнет спиртом.

— И вправду. Ты, наверное, флакончик слабо закрыла, когда девушке руку обрабатывала.

— Нет, я спирт не доставала из аптечки.

— Зато мазала ей рану йодом, а он тоже на спирту.

Но предположение мужа Свету не успокоило, и она стала оглядываться в поисках источника запаха. А потом вдруг поняла, что именно незнакомка источает стойкий аромат алкоголя. Пока девушка молчала и они стояли на свежем воздухе, этот запах не был замечен. А как только оказались в душном и тесном салоне автомобиля, запах перегара проявил себя во всей красе.

Светлана сморщила нос. В их семье все были равнодушны к алкоголю. У отца Светы на спиртовые напитки была аллергия. Как только он выпивал рюмку-другую по праздникам, так сразу покрывался ярко-алыми пятнами, которые сильно зудели. Отец затем эти пятна расчесывал до крови и винил жену за то, что она позволила ему выпить. В результате мама старалась не держать дома алкоголь, чтобы ни у кого не возникало желание его попробовать. Когда их навещали друзья или знакомые, хозяйка вместо алкоголя наливали в стаканы гостям домашние компоты и соки. Сначала все смеялись и шутили по поводу папиной аллергии, а потом привыкли. Оказалось, можно чудесно развлекаться и на трезвую голову.

Модель безалкогольной семьи Света принесла и в свой дом, когда вышла замуж. У Коли аллергии на спиртное не было, зато периодически давала о себе знать язва желудка. Сама Света не любила выпивку ни в каком виде, а еще больше не хотела бороться с последствиями: затуманенными мозгами, плохой координацией и бессвязной речью. На поликлинических корпоративах она наливала себе один бокал вина, чтобы не быть белой вороной, но старалась растянуть его на весь вечер.

Почувствовав от Нади запах алкоголя, Света наконец поняла причину заторможенности незнакомки. Женщина вызывала у нее двойственное чувство: с одной стороны, жалость, а с другой — неприязнь, а теперь еще и отвращение. Посочувствовать раненому и заблудившемуся человеку и помочь ему — святое дело. Но молодая девушка, которая напилась до такого состояния, что бессознательно бродила ночью по лесу, вызывала только отвращение. Конечно, мысль о том, что она просто оказалась жертвой каких-нибудь проходимцев, у Светланы возникала, но она ее сразу отметала.

Беспокойство снова шевельнулось в груди. «Почему я не заставила ее сесть вперед? — мелькнула у нее мысль, а потом вдруг захлестнула ужасом. — Ну, что я за мать! Пристроила странную женщину, да еще и полупьяную, рядом с детьми! А сама теперь сижу и дергаюсь».

Света опять оглянулась, хотела что-то спросить, но промолчала. Машина уже выбралась с лесной дороги и весело побежала по трассе.

— Коля, сколько мы будем ехать до населенного пункта?

— Если до крупного, где есть больница, то километров тридцать. По времени минут двадцать — двадцать пять. Ты же сама мне не разрешаешь ехать быстро. А что случилось?

— Ничего. Но я просто задыхаюсь от волнения и переживаний. Не знаю, что со мной. Никогда такого ощущения не испытывала.

— Не твусь, через полчаса все уладится, — прошептал Коля, при этом посмотрев в зеркало на попутчицу и ничего опасного не обнаружив.

Тревога хозяйки, видимо, передалась и собаке, которая вела себя беспокойно. Она крутилась на руках у Антона, тихонько рычала, а иногда и поскуливала. При этом Чапка не сводил глаз с девушки, которая на него не обращала никакого внимания. Но все равно со стороны казалось, что стоит этой незнакомке сделать хоть одно резкое движение, как собачка вцепится ей в горло.

— Чапочка, миленький, успокойся, пожалуйста, — приговаривал Антон, почесывая его за ушами. — Мам, что с ним такое сегодня?

— Не знаю, сынок. Наверное, ему уже надоело путешествие, или он соскучился по дому, или в кустики сходить не успел. Причин много.

— А мне тоже надоело. Едем, едем, а дорога все не кончается.

— Что-то ты не о том говоришь, сын, — вступил в разговор отец, — первая в твоей жизни трудность, а ты уже лапки кверху поднял.

— А что значит «лапки поднять»? — спросила любопытная Варечка. — У меня нет лапок, только руки. Лапки есть у Чапы.

— Это означает, — пояснил папа, — «сдаться перед трудностями».

— Да не сдаюсь я, папа! — воскликнул обиженный Антон. Просто делать нечего. В лесу так классно было, а теперь едем, вот и стало скучно.

«Да еще и женщина странная, — думал обиженный Антон и косился сердито на соседку. — От нее пахнет плохо, а родители даже замечания не делают. Сидел бы сейчас и тихонько дудку строгал, мама все равно к нам с Варей не поворачивалась. А теперь мама какая-то психованная стала, даже на дорогу не смотрит, штурман называется, все нас контролирует, — он опять покосился на девушку. — Зачем ее родители с собой взяли? Самим места мало, приходится Чапку на руках держать. Сиди теперь в середине и даже в окно посмотреть нельзя, ничего не видно. Варе хорошо, она в кресле лучше всех устроилась, а мне что делать?»

Антон и вовсе разобиделся на родителей. По его лицу было понятно, что еще одно мамино замечание, и он расплачется. Света повернулась на бубнение сына, но ничего говорить не стала. Отчасти он был прав. Удовольствие от поездки и у нее испорчено, да еще и постоянное чувство тревоги сжигает ее изнутри. «Хоть бы все было хорошо!» — взмолилась мысленно она и посмотрела на дорожные указатели.

— Сколько нам еще ехать осталось?

— Десять километров уже позади. Еще пятнадцать минут потерпите и приедем.

Света снова повернулась к детям и хотела приласкать Антона, но тот резко дернул головой.

— Антоша, поиграй со мной, — захныкала Варя, — мне скучно.

— Ты пялилась в свой мультик, вот и продолжай пялиться, — огрызнулся мальчик.

— Мама, Антошка ругается, — захныкала Варя, — я не хочу больше мультики смотреть, а он со мной не играет.

— Антон, ты что, не слышишь, о чем тебя сестра просит? Ты почему только о себе

думаешь, на весь мир разобиделся, — резким пронзительным голосом прикрикнула на сына Света, потом поняла, что так она только напугает детей, и уже мирно и спокойно продолжила, — потерпи полчаса. Сейчас крупный населенный пункт будет, мы Надю в больницу отвезем и дальше поедем.

— Ладно, я потерплю. Двигай сюда, плакса, — сказал он Варе, а сам покосился на Свету. Мальчик знал, что когда мама в таком раздраженном состоянии, лучше ей не перечить. «Ну, ее... если она заведется, уже ничем не остановишь, — тоскливо подумал Антон, — ну, что за невезуха такая!»

Уже через минуту дети спокойно рассматривали картинки в книжке, а Света снова вернулась к мыслям о попутчице. «Что за человека они с собой прихватили? Как она оказалась в лесу так далеко от жилья? Что с ней случилось? Откуда такая рана на руке?» — мысли торопились, наскакивали друг на дружку, но ответов у хозяйки по-прежнему не было.

Как врач, Света понимала: с женщиной что-то не так. Она явно находится в состоянии депрессии и причиной этому не является алкогольное опьянение. Но выяснить, что творится в душе и голове незнакомки она не могла, не побеседовав с ней. А девушка на вопросы Светланы не отвечала или выдавливая из себя через силу одно слово и сразу теряла к беседе интерес. Вот и гадай теперь: состояние Нади вызвано психо-эмоциональными расстройствами, а или стало следствием органических нарушений.

— Думай, Света, думай! — шептала она. — Тебе нельзя ошибиться.

Она прокручивала в голове курс психиатрии, забытый давным-давно, поглядывая через плечо на девушку, Света анализировала и раскладывала по полочкам безрадостные наблюдения. Она вспомнила университетского профессора, который утверждал, что узнать больного с нервно-психическим заболеванием довольно легко: его поступки и действия будут неадекватными.

Вот этот неадекват Света сейчас и наблюдала. Девушка молчала, говорила медленно, проглатывая окончания, не проявляла естественных чувств, не реагировала на боль. Она не понимала, где находится, что делает, не помнила, как поранилась и так далее. Лающий Чапка у здорового человека вызвал бы негативные эмоции: страх, опасение, тревогу. Но перед глазами Светы была яркая картина: незнакомка стояла, прижимаясь спиной к дереву, и просто равнодушно смотрела на собаку, не выражая взглядом ничего.

Судя по грязной одежде и глухости, в которой они ее встретили, женщина ночевала в лесу.

Тогда сразу возникает вопрос: как она туда попала? Привез ее кто-нибудь и оставил одну, или она бродила самостоятельно и заблудилась? Вряд ли она долго шаталась в лесной чаще, так как давно уже испытывала бы чувство голода. Найти пищу в таком состоянии заторможенности она бы не смогла. Кроме того, она добровольно отказалась от предложенного ей завтрака, значит, напрашивается вывод: или она мало находилась в лесу, или была не голодна.

Света облегченно вздохнула, но тут в голове возникла новая идея. «А если девушке присущи периоды двигательной активности? Это сейчас она тихая и послушная, а через минуту ей в голову что угодно ударит, и начнется карусель!» — от этой мысли Света похолодела.

Глава 28

Толян и компания

— Куда ты меня тащишь? — пробираясь сквозь бурелом ворчал Петр Максимович. —

Если зря... — он остановился и посмотрел в том направлении, куда показывал Кирилл, — да, кажется, не зря.

Он нашел палочку, поднял предмет и стал разглядывать его на свет. Это был стандартный презерватив, в котором еще колыхалось содержимое. На первый взгляд, ничего особенного: сколько их в лесу валяется. Но если хорошенько пораскинуть мозгами, то вырисовывается весьма привлекательная картина.

— Как ты думаешь, Кирюха, наши алкаши постарались?

— Возможно. Таких совпадений не бывает, чтобы за один вечер две компании на одном пятачке отметились.

— Я согласен. Ты посмотри на траву.

— А что с ней не так?

— Она сильно примята. Если бы человек на нее прилег на короткое время, как на той полянке, где наши товарищи выпивали, стебельки бы давно выпрямились. А здесь как была лежанка, так и осталась. Думаю, что здесь Надежда даже поспала.

— Так может они полюбовно этим делом того..., — пожал плечами Кирилл, — не криминал же.

— Может и так. Только, по словам Нефедова, они все время сидели на полянке, где елка разлапистая. Видел ее? Между корней, якобы, Юрок спал. Тогда непонятно, кто лежал на этом месте. Причем, заметь, долго. Пошарь чуток в кустах, вдруг еще какой сюрприз увидим.

Практикант, осторожно ступая, пошел по периметру пятачка и обнаружил еще два презерватива с содержимым.

— Петр Макарович, что планируем дальше? Оперативно-следственную группу вызывать?

— погоди, не беги вперед паровоза. Еще же не доказано, что они ее изнасиловали. Может, как ты говоришь, полюбовно сладили. Но мне любопытно, если все было по доброй воле, то почему они Надежду в лесу оставили? — участковый из бездонной папки достал пластиковые пакетики и осторожно опустил в каждый по презервативу, аккуратно подцепив их палочкой.

— А вдруг они ее намеренно бросили? — предположил практикант. — И так видно, что парни здорово темнили. Этот Юрок все время нервничал, места себе не находил.

— Согласен. Подозрительно он себя вел. Давай-ка подведем итог. У меня такая версия: они дотащили пьяного Юрка, положили, и девушка убежала за водкой. В это время мужика вырвало. Не тогда, когда рассказывал Толян, а именно в этот момент. Парню стало легче. Я не думаю, что три презерватива — это дело рук одного мужика.

— Да кто его знает. Вон, Толян какой бугай здоровенный.

— Даже если он и выглядит здоровым, после стольких лет пьянства организм уже не тот. Да еще и выпили много. Итак, — прикидывал варианты Макарыч, — Надя принесла водку, и они снова стали пить. Однако теперь Юрок, может, лишь пригубил стопку и больше не осилил. Да и Толян ночью уже трезвый был. Они напоили Надежду и по очереди с ней развлекались.

— А почему не на этом месте развлекались? Нет ведь нужды куда-то ходить.

— Кирилл, здесь же дорога рядом. Любой мог на шум заглянуть. Вот Толян, а я почему-то думаю, что это был он, и нашел местечко скрытное. Парни попользовались Надеждой и, судя по количеству презервативов, не один раз, а потом сбежали. Ведь им даже напрягаться не пришлось: девушка была без нижнего белья. Если бы баба Аня не подняла крик и не стала

ее искать, правда так и не вышла бы наружу.

— Да, задумка складная. А вдруг это не они?

— Ты предполагаешь, здесь неформалы засветились? Сомнительно, конечно, но подождем, пока хозяина хонды найдут, потом что-то решать будем.

— Тогда, чем сейчас займемся?

— Дай мне пару минут на размышление. Девушку искать надо. И на место убийства наведаться тоже. Там криминалист должен быть. Мы ему наши находки отдадим. А по дороге заглянем на базу отдыха «Лесное», которая тоже рядом находится. У них охрана круглосуточная и видеокамеры имеются. Может, дежурные ночью засекали что-нибудь.

— Озеро «Лесное» и база отдыха «Лесное»?

— Ну, да. Зачем зря напрягаться, новое название придумывать. У нас люди ленивые.

Напарники сели в машину, через пять минут выехали на трассу. Два километра промелькнули быстро, и показался поворот к базе отдыха. Территория, по-видимому, была обширной. От черных железных ворот расходился металлический забор, такой высокий, что перелезть через него постороннему было практически невозможно. За ограду свисали ветви столетних сосен и елей. Воздух наполнял смоляной аромат. У основания забора — коричневый ковер из упавших шишек и хвои.

Кириллу захотелось вдохнуть полной грудью и задержать в себе живительный воздушный микс.

— Дыши осторожно, — предупредил его участковый, — воздух здесь целебный, но городскому жителю станет дурно от переизбытка кислорода. Смотри, появится головокружение. Еще в обморок упадешь.

— Да, ладно вам! — засмеялся напарник, но дышать стал без фанатизма.

Ворота были закрыты. На столбе, как нахохлившаяся галка, примостилась видеокамера. В окно домика охраны выглядывала чья-то голова. Петр Макарович махнул, чтобы открыли калитку, а второй рукой постучал. Дверца отворилась, и на входе показались два человека в черной униформе и нашивками «охрана» на рукавах и груди. За их спинами напарники увидели еще одного, кормившего здоровенную овчарку.

«Серьезные люди», — с уважением подумал Кирилл. Его глаза так и стреляли по сторонам, пытаясь успеть рассмотреть как можно больше.

— Вы что-то хотели? — спросил дежурный охранник, а потом присмотрелся и узнал участкового. — Макарыч, какими судьбами? У нас проблем нет, сами пока справляемся.

— Это не у вас, это у меня произошло три события за ночь. Вот, пришел к вам за помощью. Камера нужна, что на дорогу смотрит.

— Проходите, — гостеприимно распахнул дверь охранник.

Напарники вошли. Их провели в уютный домик, усадили за стол, предложили чаю. Несмотря на то, что они не были голодны, Петр Макарович отказываться не стал: неизвестно, когда в следующий раз появится возможность спокойно посидеть и перекусить.

— Ребята, не заметили вы ночью кого-нибудь рядом с базой?

— Вроде нет. Тихо было, — переглянулись охранники и добавили, — разве что пьяная баба у ворот крутилась, так мы за ней понаблюдали, но трогать не стали..

— А почему никому не сообщили?

— А что докладывать? Это у нас рядовые случаи. Частенько кто-нибудь от компании отбивается и к нам ломится. Приходится выпроваживать. Кто-то пропал, что ли?

— В том-то и дело, что пропал. Девушка, и она пьяная была. Можем мы видео с камер

глядеть? Вдруг это наша красавица.

— С какого времени вы хотите посмотреть?

— Она пропала где-то в девять-десять вечера, во всяком случае так говорят свидетели. С этого времени и начнем.

Молодой человек, узнавший Макарыча, подвел напарников к мониторам, и они стали просматривать видео в ускоренном темпе. Минут через пять такой работы Кирилл крикнул:

— Вернитесь назад, я видел на дороге женщину.

Пленку перемотали и начали смотреть внимательно, кадр за кадром. Девушка появилась на дороге в половине одиннадцатого. У нее были длинные волосы, закрывавшие лицо, светлая футболка и темно-бордовая юбка, которая разлеталась при каждом неуверенном шаге. На ногах — летние спортивные тапочки.

— Кажется, это наша потеряшка, — произнес Петр Макарович, внимательно вглядываясь в лицо девушки.

Не дойдя до ворот, она остановилась и села на асфальт. Легла. Но через минуту приподнялась на одном локте, попыталась сесть.

— Видите, совсем невменяемая девица, — сказал один из охранников.

— И вы просто за ней наблюдали?

— А что еще нам делать в такой ситуации? Сообщить участковому? Так, если бы мы, Петр Макарович, обо всех летних пьяницах вам докладывали, у вас не было бы ни минуты покоя. Она же не буянила, не лезла через забор. Просто шла по дороге и все. Территория общественная, не частная, к нашей юрисдикции не относится.

— Так-то оно так. Формально все правильно. А по-человечески — хреново.

— Вы дальше смотрите. Женщина до нас не дошла.

Действительно, девушка наконец с трудом села, повернулась на сто восемьдесят градусов и посмотрела вдоль дороги, будто надеялась что-то там разглядеть.

— Интересно, на что она смотрит? — спросил Кирилл.

— Неизвестно. Кажется, что-то увидела или кого-то, — ответил охранник.

— Вы можете немного приблизить заднюю часть кадра?

— Думаете, там кто-то есть?

— А вдруг?

Но сколько они ни пытались укрупнить картинку, разглядеть детали не могли, хотя всем чудилось, что в темном пятне, расположенном на окраине кадра, видны знакомые очертания.

— Нет, так дело не пойдет, — все-таки не выдержал Петр Макарович. Здесь требуются знания специалистов. Ребята, вам придется отдать нам эту кассету или сбросить ее содержимое на флешку.

— Договорились. Дальше смотреть будете?

— А разве это не все?

— Нет. Девица еще раз засветилась на камере. Она потом отползла к обочине, легла и пропала в траве. Мы перестали ее видеть. Думали, проспится до утра и уйдет. А через полчаса она появилась снова.

Охранник перемотал вперед пленку и остановился на том месте, где часы показывали 23–00. В кадре девушка, уже почти трезвая, шла по дороге в противоположную от базы отдыха сторону. Еще пять минут камера фиксировала ее движение, потом девушка исчезла из виду.

— Получается, что в 23–00 девушка была жива и здорова? — вставил свою реплику Кирилл.

— Да. Причем вокруг не видно никакой опасности. Кажется, она уже не так пьяна, передвигается, не качаясь. Могла бы вернуться домой, но в деревне девица не появилась. А раз идет по шоссе в сторону трассы, значит, вероятно, собирается двигаться туда. Только где-то на середине дороги она пропала. Ладно, ребята. Спасибо за помощь. Поехали мы, дел еще много.

Кирилл завел машину, и они отправились в сторону шоссе, чтобы потом повернуть на место убийства.

— Озадачила нас Надежда, ничего не скажешь. В том направлении, куда она идет, расположены все три наших объекта: можно не выходя на трассу побывать везде, и по времени все сходится, — продолжал размышлять участковый.

— Как сходится? В 23–00 не произошло еще ни одного события, — удивился Кирилл.

— В том-то и дело. Грабеж на даче был примерно в час-час тридцать. «Дорожник» — самый близкий объект, но до него от этого места около трех километров. Трезвый человек пройдет это расстояние за сорок-сорок пять минут. А пьяная девушка, да еще и ночью, будет идти два часа и больше.

— Петр Макарович, к чему вы клоните? Думаете, это она деда ударила, а потом и к рыбакам наведальась?

— Я этого не говорил, но, судя по времени, возможно. Хотя сомневаюсь. Нет в ней той силы, которая нужна, чтобы с одного удара убить взрослого мужика. Рыбак просто обязан был сопротивляться, шум поднять.

— Я тоже так думаю. Если судить по картинке с камеры, не выглядела девушка очень крепкой. Да и едва на ногах стояла. Ее ткни пальцем, она и упадет, — Кирилл задумчиво помолчал, а потом выпалил свое предположение, — Петр Макарович, мне тут одна мысль покоя не дает. Может, тот рыбак, который полицию вызвал, дружка и убил. А теперь, гад, выкручивается, белым и пушистым притворяется!

— Ты, конечно, напарник, молоток, — похлопал по плечу Кирилла участковый и ехидно усмехнулся, — логика у тебя железная. Ты забыл, что я Сергея Гусева хорошо знаю. Не способен он на убийство. Да и что могли не поделить односельчане, которые сорок лет дружили?

— Нет, вы не правы, — обиделся юноша, — бывают же убийства по неосторожности. Он же полицейский, знает, как следы замести.

— Да, есть и такое. Но тогда, представь, какие у него нервы железные, чтобы все это повернуть! Насколько я знаю Сегамачо, он лучше в тюрьме окажется, чем юлить будет.

— Петр Макарович, я давно хотел спросить, а почему у него такое смешное прозвище?

— Да, просто, — усмехнулся участковый, — в юности звали Серега-мачо, так как не пропускал ни одной юбки. Сколько девок перепортил, говорят, не счесть. О его любовных приключениях и сейчас нет-нет, а кто-нибудь из прежних знакомых вспомнит. А потом прозвище сократили для удобства произношения до Сегамачо, так и осталось. Некоторые это слово фамилией считают.

— Понятно. Вот так в молодости покуролесишь, а потом грехи следом, как шлейф, до конца жизни тянуться будут.

— Верно. Но молодость, как правило, не думает, а старость потом жалеет. Хотя ты загадку интересную подкинул. Как преступник мог настолько тихо совершить убийство, что

Гусев ничего не услышал?

— А может, убитый знал человека, который к нему подошел и не ждал от него вреда. Нападение было внезапным, вот рыбак и не успел позвать на помощь.

— Любопытно мыслишь. Но наша девушка не была знакома с рыбаками. Они же приехали из другого района. Их пути нигде не могли пересечься. Слушай, — озарило вдруг Макарыча, — а вдруг она свидетель преступления? Ты только представь, Надежда бродила по лесу, случайно вышла на ту поляну и увидела, как убийца нападает на человека.

— Сомнительно, Петр Макарович, не сходится! Нормальный человек, увидев такое зрелище, наверное, закричал бы.

— А убийца с ней тоже разобрался быстренько. Лежит Надежда сейчас в кустах или на дне озера, только мы ее найти не можем.

— Странно все как-то. Вы хотите сказать, что на берегу два преступления произошло, а рыбак сидел рядом и ничего не слышал и не видел. Мне проще предположить, что это он и убил и друга, и Надежду.

— А зачем Гусеву нападать на давнишнего товарища?

— А может, он про него тайну какую знал. А Надю убрал как лишнего свидетеля.

— Слушай, Кирилл, тебя, похоже, занесло, выдумываешь бразильские страсти, — с сомнением покачал головой Макарыч.

— Ну, да. Ерунда получается, — согласился практикант. — Тогда нам поисковая собака нужна.

Глава 29

Сегамачо

— Объявляю общий сбор, — сказал в рацию Нестеренко и увидел, как на краю поляны по одному выбирают из прибрежных кустов оперативники, — Михаил Максимович, — обратился Нестеренко к криминалисту, — ты продолжишь поиски тела.

— А как же сбор улики на месте убийства? — поднял удивленно глаза Михаил Максимович?

— Успеешь. Улики никуда не убегут, а преступник может. Малышко, когда приедет кинолог?

— Вот-вот должен. Уже полчаса прошло, как я его вызвал.

— Олег Петрович, а что случилось? — подбежали запыхавшиеся оперативники.

— Есть версия, что преступник ходит где-то рядом. Никита, берешь машину и отправляешься на то место, где ночевала семья. Помнишь съезд?

— Да. А там что?

— Миша, — обратился он к рослому парню в форме, не ответив на вопрос, — ты за старшего и едешь с ним. Ребята, оружие держите наготове и будьте осторожны. Преступник, кажется, двинулся в ту сторону. Может, вышел на полянку к туристам.

— Вы думаете, он и их пришил?

— Что ты мелешь?! Я так не думаю. Я надеюсь, что семья уже уехала. Тогда все в порядке. Прочешите лес вокруг поляны и возвращайтесь. Если туристы на месте, то они не подозревают, что находятся в центре нескольких преступлений. А с ними маленькие дети. Не дай бог, что случится. Ваша задача их предупредить и сопроводить к трассе. Цель ясна? Отправляйтесь.

Оперативники уже сели в одну из машин и собирались уехать, как Нестеренко снова их окликнул.

— Никита, когда выедете на трассу, позвони в райотдел, — попросил следователь и сокрушенно воскликнул, тряся бесполезным в этой глуши телефоном, — нет, как вообще прикажете понимать такое безобразие! При нынешнем уровне электроники, — следователь сердито сплюнул, — нельзя никуда дозвониться!

Выпустив пар, он уже спокойно добавил:

— Спроси, как там у них идет расследование о пропаже девушки и о дачном грабеже. Может, появились новости, которые с нашим делом пересекаться будут. Да, узнай еще, когда нам ждать «труповозку».

— Так точно, Олег Петрович. Сделаю.

Только исчезла их машина, как на опушке показалась другая.

— А вот и кинолог с собакой прибыли, — удовлетворено произнес Нестеренко и повернулся лицом к приехавшему человеку, который уже выходил из машины. Он поздоровался с ним за руку и осторожно погладил по голове суровую кавказскую овчарку, которая умными глазами осматривала все вокруг.

— Привет, Полкаша. Поработать надо, дорогой.

— Что делаем? — спросил кинолог, высокий седовласый мужчина в камуфляжной форме.

— Степан, сам решай, что в первую очередь начнешь искать. У нас труп исчез, и есть подозрение, что преступник недавно скрылся в том направлении — Нестеренко показал в левую сторону леса. Мы у поляны обнаружили остатки еды, которые, по утверждению Сергея Ивановича, должны лежать на столе. С чего начнешь?

— Думаю, труп ногами никуда не уйдет. К нему еще вернемся, поэтому отправимся искать преступника. Есть какая-нибудь вещь?

— Вещей нет, но на кустах висел клочок ткани. Давай попробуем его. Может, он нас и на труп выведет. Малышко, посмотри у Михаила Максимовича где-то пакетик с уликой запечатанный лежит.

Маленький полицейский, очевидно, был на все руки мастер: водитель, оперативник и просто мальчик на побегушках у Нестеренко. Он быстро нашел пакет и отдал кинологу. Тот осторожно открыл его и поднес к носу собаки красный лоскуток. Полкан принялся, забеспокоился, покрутился возле стола и, натянув поводок, побежал вдоль берега. Все бросились за ним.

Сегамачо наблюдал за четкими действиями следователя и делал выводы, что Нестеренко принимает решения не только быстро, но и интуитивно правильно. То, что овчарка сразу взяла след, возможно, говорило о том, что этот клочок — часть одежды убийцы, а возможно, и ни о чем не говорило. Какой-нибудь грибник давным-давно зацепился за колючку и порвал одежду, оставив клочок на малиновом кусте.

Первым местом остановки был рыбачий стул Котыча. Собака покрутилась рядом пару минут, опустив голову к земле, потом помчалась дальше к тому месту, где час назад еще лежало тело, а потом бросилась в лес. Она привела людей к зарослям малины, которые обнаружил Сегамачо. Здесь опять была остановка. Полкан скулил, метался по сторонам, а затем пробежал еще немного вправо и остановился. Дальше начинался бурелом, заросший малинником так, что пройти было невозможно.

— Он потерял след? — тихо спросил Нестеренко кинолога.

— Нет, наоборот. Следов так много, что собака путается. Она же не может вам выдать порядок действий убийцы. Где унюхает след, туда и бежит. Одно скажу, даже ничего не зная

о преступнике, что в эту глушь он не полез.

— У вас Полкан универсал или натаскан только на поиск людей, — тихо спросил Сегамачо.

— Вы, наверное, о работе поисковых собак судите по фильмам «Ко мне, Мухтар!» или «Рекс», — посмотрел с иронией на участкового кинолога и усмехнулся. — Это кино. А в жизни мы чаще работаем с животными в одном направлении: или ищем людей, или наркотики. Так эффективнее.

Сегамачо смутился, так как впервые видел деятельность кинолога. Полкан тем временем поводит носом по траве и вернулся к зарослям малинника. Он опять нашел след и натянул поводок. Овчарка развернулась в сторону берега и понеслась вперед. Круг замкнулся.

— Я думаю, это ложный след, и ткань принадлежит не преступнику, а случайному человеку, — сказал кинолог.

— Тогда почему Полкан сразу побежал к месту убийства? Там же, по словам Сергея Ивановича, никого, не было. Только рыбаки, — поинтересовался Нестеренко.

— Согласен. Тогда у меня три версии: или преступник действовал бесцельно, или ваш убийца возвращался, или это след неизвестного человека, который побывал во всех этих местах тоже, — бросил предположение на ходу кинолог следователю.

— Мы думаем, что преступник возвращался. И после его визита пропало тело.

— Ну, вы, опера, даете! У вас убийца под носом свободно гуляет, а вы репу чешите.

— Нет. Это еще до нашего приезда случилось, — ответил Нестеренко, но все равно смутился.

Полкан тем временем снова взял след и направился к столу. Там немного понюхал землю, постоял и потрусил влево в сторону чащи.

— Умница, собачка. Степан, у нас есть подозрение, что преступник, после того, как спрятал труп, скрылся в той стороне. Молодой человек, — обратился он к водителю, с которым приехал кинолог, — и ты, Малышко, идите со Степаном Васильевичем, туда, где ты обнаружил контейнер. Идите осторожно, друг друга страхуйте. Вы лесом выйдете на поляну, где семья ночевала. Не дай бог, там что-то случилось. Ваша задача двигаться как можно тише. Ясно.

Парни кивнули, проверили оружие и молча, вслед за собакой и Степаном, отправились к лесу.

— Так, Идем дальше. Гаврилов, как дела с поиском трупа? — спросил Олег Петрович у криминалиста, который возвращался с правой стороны озера.

— Я ничего не нашел. Придется, видимо, водолазов вызывать. Не мог преступник за такое короткое время далеко унести труп. Скорее всего, сбросил в озеро, а он там за корягу зацепился и застрял. Степан приезжал? — спросил Гаврилов, кивком показав на прибывшую машину. Собака след взяла?

— Да, они отправились влево. Помнишь поляну, на которую мы сначала приехали? Я подозреваю, что убийца скрылся в том направлении.

— Там же семья с детьми была! А если он на них выйдет?

— Не каркай, самому дурно, как об этом подумаю. А ты, Михаил Максимович, чуть дальше пройди, может, заметишь что-нибудь. Все равно помощь вызвать пока не можем, сам знаешь, что связи тут нет.

— Да я уже до конца поляны дошел, а следов вообще никаких нет.

— Ну, не испарился же он?

Криминалист надел болотные сапоги Сегамачо, взял удилице и сломал тонкую часть, чтобы не мешала. Проверяя кусты получившейся палкой, пошел вправо.

— Сергей Иванович, давайте еще вашей «кошкой» поработаем, только немного пойдем вдоль берега. И пока ищем тело, можете ответить мне на несколько вопросов? Ну, это, чтобы время зря не терять.

— Конечно, спрашивайте.

— Вы, наверное, думали о мотивах преступления? Что вы по этому поводу скажете?

— У меня появилось три версии. Первая — нас хотели ограбить. Но сами видите, ничего ценного не пропало, не считая ветчины из контейнера. Я даже предположил: Котыча убили за то, что он не отдал ключи от машины. Но потом я понял, что в это время ключи лежали в кармане Костика, я потом и оттуда достал, когда уезжал с поляны, чтобы вам позвонить, — Сегамачо говорил тяжело, с придыханием, так как рассказывать и одновременно тянуть «кошку», забитую травой, было невероятно тяжело.

— Да, согласен. Эта идея выглядит сомнительно.

— Вторая версия — Котыч кому-то помешал. Но это просто невысказано. Он не олигарх, не политик, никому дорогу не перебежал. Работал скромным сотрудником нашей агрофирмы. Так что и эту идею я убрал.

— Хорошо. Но на всякий случай версию проработаем. Есть еще что-то?

— Третья версия — месть. Но, Олег Петрович, какая в наше время месть и от кого? Простые вещи я слышал только в сериалах. В жизни никогда не сталкивался.

— А может все-таки, попытаетесь вспомнить, кому мог навредить Константин Викторович так, чтобы тот захотел отомстить.

— Никому. Не раздумывая, скажу. Жена сама от него сбежала, причем он ей все нажитое отдал. Детей не было. За бабами, — здесь Сегамачо поморщился каким-то своим мыслям и тяжело вздохнул, — никогда не гонялся. Ни с кем не спорил, не скандалил, всегда в любом конфликте уступал. Даже не представляю, кто мог его так ненавидеть, что убил. Может, вы предложите варианты?

— Пока нет. Нужно больше информации, чтобы выдвигать теории.

— Олег Петрович, — несмело проговорил Сегамачо, а затем решился на вопрос, который его мучил с тех пор, как Нестеренко приказал маленькому оперативнику позвонить в райотдел, — почему вы думаете, что пропажа девушки связана с убийством Котыча?

Он как раз только что выгащил «кошку», полную донной травы, и стоял, пытаясь перевести дух.

— Я так не думаю, но сам посуди: на одном маленьком квадрате за ночь происходит сразу три события: пропадает девушка, в дачном поселке грабят домик и на рыбалке убивают твоего друга.

— Я согласен, это странно, но преступления разные.

— Конечно, разные, но все события происходят в радиусе пяти километров, нет, даже меньше. Невольно закрадывается мысль, что это один человек, который в течение ночи перемещается и гадит. Сходство еще и в том, что все преступления, на первый взгляд, бессмысленные. Он либо обкурился, либо ничего по какой-то причине не соображает, либо полный отморозок. Действует и испытывает от этого удовольствие.

— Но и мотивы не сходятся. За что Котыча убили неясно, ничего не пропало. На дачу залезли, чтобы еду найти, а у нас еда на столе лежала без присмотра, бери и уходи, никто за

руку не поймают. А девушка, может, просто пьяная была, вот и заснула в лесу. Утром очухалась и, наверное, уже домой пришла.

— Я поэтому и велел Никите в район позвонить. Хорошо, если так, как ты говоришь, одной проблемой меньше. Кстати, и ты зря думаешь, будто у вас на столе еду можно было безнаказанно взять. А ты не предполагал, что как раз твой друг его и заметил, за что и поплатился жизнью. Деда тоже сковородкой огрели.

— Так старик вышел неожиданно. А Котыч на своем месте сидел, когда его убили. Если бы их с преступником встреча была случайной, как у деда, то он бы погиб на месте, у стола.

— Твоя правда, — крихтя, произнес Нестеренко, с трудом вытаскивая «кошку» из воды, так как пришла его очередь поработать. А почему ты девушкой так интересуешься? Может, когда сюда ехали, вы ее встретили?

— Да я просто хотел сказать...

— Олег Петрович, — раздался крик с правой стороны озера, — я нашел тело.

Сегамачо и Нестеренко бросили возню с «кошкой» и побежали на зов.

Глава 30

Максимовы

Перед глазами всплыли страницы из учебника по психиатрии. Во время фаз эмоционального и физического возбуждения больной пройдет много километров, не зная усталости и удовлетворяя свои потребности в еде любым подручными средствами. В периоды сумеречного состояния сознания такие больные действуют, ведомые тайными мыслями и фантазиями. Люди, страдающие душевными недугами, как правило, опасны для окружающих, а молодая сильная девушка тем более. По возвращении в реальный мир они находятся в полном неведении относительно своих действий во время приступа.

То, что у девушки в наличии какое-то расстройство личности, Света догадалась с самого начала. Но вот какое? А если она относится к категории агрессивных больных? Светлане стало страшно.

«Предположим, она больна шизофренией, — размышляла Светлана, — какие внешние признаки могут мне сказать об этом? Во-первых, безразличие к своему состоянию и отсутствие естественных эмоций. Далее — невозможность сконцентрироваться и сосредоточиться на каком-либо событии. И этот симптом есть в наличии, она не вспомнила, где поранилась и как оказалась в лесу. Что еще? Склонность к бродяжничеству? Так. Надя вышла из чащи и еще неизвестно, сколько там пробыла. Нет. Этот признак не берем. Может, она просто заблудилась или была оставлена кем-то в лесу, а не бродила без цели. Нам же она сказала, куда ее подвезти, значит, в этот момент была вполне адекватна, раз хотела вернуться домой».

Света обернулась, но сзади все было спокойно, поэтому она вновь обратилась к тревожным мыслям.

«Все-таки на шизофрению мало похоже. У девушки нет галлюцинаций, она не разговаривает сама с собой, да и перепады настроения пока не наблюдались. Пока! И лучше будет, если мы это не увидим, — Света только хотела расслабиться, как новая мысль буквально сбила ее с ног, — Господи, она же сиденье протирала! То, как она этим занималась, очень похоже на навязчивую идею. А вдруг у нее маниакальная форма шизофрении! Вспоминай, Света, вспоминай! Если это маниакальная форма, то какую она несет угрозу? Появятся перепады настроения, при условии, если будет нарушен ее вымышленный ритуал», — Света не выдержала и повернулась.

— Что ты все время крутишься? — не выдержал Николай.

«Лучше тебе о моих мыслях не знать, — подумала Света, но озвучить ужасное предположение побоялась: пусть лучше она одна будет трястись от страха, чем заразит ненужной паникой остальных.

Вообще, в жизни часто так бывает. Человек кожей чувствует опасность, но приписывает свое состояние нервам и панике. Он даже к активным действиям готов, однако в решающую минуту останавливается: а вдруг он неправильно все понял! Вдруг обидит попусту хороших людей! А еще мы, как правило, не верим, что с нами может произойти что-то страшное. Света горько вздохнула:

— Ничего. Просто смотрю, удобно ли детям и госте.

«Что же делать? И как намекнуть о моих опасениях Коле? Он же поднимет меня на смех, — Света посмотрела на супруга и уже собралась с духом, чтобы признаться ему в своих страхах, но не решилась.

Расстроенная Светлана теперь верила в то, что ночью видела именно эти глаза, значит, у Нади периоды депрессии могут меняться на фазы двигательного и эмоционального возбуждения. Как будет вести себя незнакомка в подобной ситуации, испытать на родной семье Света не хотела.

«О боже, она же еще и пьяная была! А если она пила на фоне сильных таблеток?» — от этой мысли Свету затрясло мелкой дрожью, — малейший толчок, и у нее случится агрессивный припадок».

Единственная надежда в подобной ситуации заключалась в том, чтобы не спровоцировать девушку, если она все-таки психическая больная, на новый приступ активности. Дать толчок к началу бурной деятельности могло что угодно, даже мелочь.

Размышляя так, Света все время прислушивалась, как там дети. Каждую минуту она оглядывалась, теребила край футболки, то соединяла трясущиеся руки, то прятала их между колен. У нее было только одно желание: развернуться и посмотреть на заднее сиденье, но она понимала, что такой неприкрытый интерес с ее стороны вызовет нездоровую реакцию у незнакомки.

«О боже, вдруг именно Надежду разыскивала полиция, а мы ее в машину посадили, — в панике предположила она, потом сама себя стала успокаивать, — ну что за ерунду я придумала. Девушка не хотела сбежать, она просто попросила ее подвезти. И рана на руке могла появиться от чего угодно: веткой можно сильно поцарапать, упасть на камень. Да мало ли острых предметов в лесу валяется! Света, у тебя уже паранойя начинается».

Она опять не удержалась и оглянулась назад. Но там было все спокойно. Дети рассматривали книжку с картинками, которую достали из кармана переднего кресла. Антон рассказывал Варе про всех животных, нарисованных на странице, и показывал буквы. Что делала Надя, Светлане было не видно, возможно, смотрела в окно, не обращая никакого внимания на соседей. Лишь Чапка настороженно следил глазами за девушкой и тихонько ворчал.

«Чапочка, миленький, продержись еще чуть-чуть», — прошептала Света, понимая, что именно собака может стать тем толчком, который вызовет приступ.

— Что с тобой происходит? Почему ты так нервничаешь? — тихо спросил Коля.

Света наконец решилась. Она молча достала из бардачка карту и, делая вид, что проверяет дорогу, стала писать: «Коля, у нас в машине душевнобольная женщина. Возможно, сбежала из дома или больницы. Сколько км. осталось до первого крупного населенного

пункта?»

— С чего ты взяла, что она больна? — удивленно повернулся к жене Коля, но голос повышать не стал.

— Я врач, — одними губами ответила она, — и все время за ней наблюдаю. Так сколько?

— Ну, вот, приехали! Опять ты за свое. Ты же не психиатр! Как ты можешь сходу сказать, что она сумасшедшая? Сиди спокойно, не выдумывай! — резко ответил Коля и покачал головой. — Ишь, ты! Сумасшедшая! Этак всех нас в больные можно записать.

Света смущенно посмотрела на мужа, но настаивать на своей версии не стала. «И вправду! — подумала она. — Что я к девушке прицепилась! Да и Коля! В честь чего он должен был мне поверить? Убедительных доказательств же нет, — женщина снова потеряла ставшие вдруг ледяными руки, — ладно. Может, все обойдется».

— Так сколько километров осталось? — повторила она вопрос.

— Пятнадцать. Еще чуть-чуть и приедем.

— Коля, ты только не сердись, но поезжай быстрее, — прошептала Света, посмотрев на мужа умоляющими глазами. — От нее, — женщина скосила глаза в сторону, — всего можно ожидать в любую минуту.

Света видела, как муж побледнел и начал тормозить, чтобы припарковаться к обочине.

— Ты что делаешь? — испуганно прошипела она.

— Раз ты так волнуешься, высадим попутчицу, и дело с концом.

Машина остановилась. Дети подняли головы и удивленно посмотрели на родителей.

— Мы куда приехали? — спросил Антон.

— Это приехала наша попутчица. Надя, мы вас подвезли немного, а дальше нам не по пути, — обратился к девушке Коля, но та никак не отреагировала на его голос.

Тогда он повернулся к заднему сиденью и, с трудом дотянувшись, так как Надя сидела, прижимаясь к двери, потряс ее за плечо. Чапка недовольно заворчал. Света замерла в напряжении.

— Девушка, вы слышите меня? Вы приехали.

Надя подняла глаза. Ее взгляд уже не был таким пустым. Она посмотрела вокруг и жалобно сказала:

— Мы же еще не приехали. Поворот на Васильевку будет через три километра. Пожалуйста, не бросайте меня в лесу.

Коле и Свете стало неловко. Сами предложили подвезти, а теперь поступают так же, как и те подонки, которые бросили ее в лесу.

— Точно осталось три километра?

— Да, мы только что проехали указатель.

— Папа, правда, давай подвезем ее до места. Нам она не мешает, — неожиданно поддержал Надю Антон, — здесь ехать осталось чуть-чуть.

Коля укоризненно посмотрел на Свету. Его взгляд будто говорил «Ну и что ты выдумываешь? Нормальная женщина, вполне осмысленно оценивает ситуацию. Ушла немного в себя, задумалась, ну и что с того?» Света опустила глаза и дернула плечом, мол, делайте сами, как знаете, потом уставилась в окно. Коля завел мотор, и машина тронулась. На всякий случай Света еще раз оглянулась, но сзади по-прежнему было тихо.

«Может, зря я так думаю? Мало ли от чего человек будет такой. Только что Надя была вполне нормальной. Подумаешь, сиденье протирала. Может, чистюля и привыкла так делать

дома. Просто ей не о чем с нами разговаривать, она и молчит. Или пережила в лесу что-то страшное, вот теперь и размышляет об этом».

Мотор гудел ровно, машина снова набрала скорость. Коля ехал спокойно, не играя в догонялки с другими автомобилями. Вдруг сзади Света услышала непонятную возню и пронзительный крик дочери:

— Мама, что она меня трогает?!

Света похолодела. Мгновенный ужас сковал ее сердце. Она круто развернулась всем корпусом, и только ремень удержал ее на месте.

— Кто трогает?

— Она, — Варя вытянула руку и показала на Надежду.

Коля от неожиданности тоже повернулся, и машина сразу заюлила по дороге. Мимо серебристой плотвицей мелькнула перепуганная легковушка, а навстречу с ужасным гудением неся огромный грузовик. Коля вынужден был бороться с непослушной машиной и сосредоточиться на дороге. Сквозь зубы он произнес:

— Что там случилось?

Сзади, между тем, ничего плохого не наблюдалось. Крик Вареньки очень испугал родителей, хотя обстановка была вполне мирная. Девушка, очнувшись от спячки, нервно водила руками по сиденью, поправляла волосы и случайно задела Варю. От крика девочки снова заворчал Чапка, который немного уже успокоился.

— Варенька, ничего же не случилось. Девушка тебя нечаянно задела, не переживай, — успокоила дочь Света и спросила у Нади, — вы что-то хотели?

Девушка отрицательно качнула головой, и Света уже намеревалась отвернуться, но беспрестаннодвигающиеся тонкие кисти невольно привлекли ее внимание. Руки были неопрятные с обломанными некрасивыми ногтями. Под ними — скопления грязи неопределенного цвета. Кожа покрыта бурыми пятнами.

«Это кровь! — с содроганием подумала Света, а потом сама себя поправила, — Конечно, кровь. Я же ей рану перевязывала. Вокруг пореза я грязь убрала, а вот руки девушка так и не помыла, и я не догадалась ей это предложить».

Света сместила взгляд в сторону и увидела такие же бурые пятна на юбке, причем в одном месте их было намного больше. «Как же я их сразу не заметила? Ну, почему я такая невнимательная! А как их увидеть, если юбка широкая, вся в складках. Сейчас Надя сидела, ткань на коленях разгладилась, вот пятна и стали хорошо видны. Скорее всего, это кровь, которая капала с раненой руки. Так что все нормально, без паники», — успокаивала себя Света, но сидела все равно лицом к детям, чтобы пресечь любую опасность.

Она и так чувствовала, что как ни уговаривает себя, как ни убеждает, что все в порядке, но сердце будто сжимал ледяной обруч, и оно вот-вот перестанет биться.

Девушка тем временем перестала беспорядочно шевелить руками. Правая кисть нырнула в дверной карман, и Надя достала какой-то предмет, завернутый в салфетку. Света определила это только по изменившемуся звуку, так как из-за высокого подголовника и ремня, который стягивал ей грудь, она больше ничего не видела. Решительным движением руки женщина отстегнула ремень.

— Ты что делаешь? — прошипел муж, который наконец-то справился с управлением. — Хочешь штраф заплатить?

— Плевать! — огрызнулась Света, пытаясь развернуться на кресле и заглянуть в просвет между сиденьями. — Вокруг лес. Постов ДПС нет.

Наконец ей удалось развернуться, и она удивленно посмотрела на сверток, который держала в руках Надежда. Света совершенно не понимала, что в нем лежит, ибо сама она в дверной карман ничего не клала.

— Надя, что вы нашли? — недоуменно спросила она и тут же получила ответ на свой вопрос.

Девушка развернула салфетку, и в ее руках оказался сверкнувший металлическим блеском скальпель. Надя удивленно смотрела на предмет, подняла глаза на Свету, и та вдруг осознала, что в глазах попутчицы появился интерес. Они приняли осмысленное выражение. В автомобиле наступила звенящая тишина. Варя смотрела на блестящий предмет, ничего не понимая. Антон испуганно переводил взгляд со скальпеля на маму, у которой вдруг потемнело лицо, а скулы сжались так, что губы превратились в тоненькую ниточку. И в этой тишине, как гром с ясного неба, раздался голос Николая, который объявил:

— Мы подъезжаем к повороту на деревню Васильевка.

— Надя, отдайте мне скальпель, — тихо попросила Света, чувствуя, как ледяной обруч, сжимавший ее сердце, разорвался на множество мелких кусочков. По спине потекла холодная струйка пота.

— Какой скальпель? — вскинулся ничего не понимающий Николай, который как раз съезжал с шоссе, чтобы высадить Надежду.

— Надя, дайте мне скальпель, — повторила Света, едва шевеля губами. Левой рукой она сжала колено мужа, чтобы он не делал резких движений. — Это опасный и острый предмет. С ним играть нельзя.

Но Коля, напуганный картиной, которую он увидел, когда повернулся, не понял намека жены и закричал:

— Вы что? Опустите немедленно нож!

— Какой нож? — спросила Надя. — Это нож?

Она сделала резкое движение рукой, и на кожаной обивке новой машины остался длинный разрез. Коля чуть не захлебнулся от возмущения, выскочил из автомобиля, чтобы вытащить наружу опасную незнакомку, совершенно не помня, что сам же и заблокировал заднюю дверь.

Он обежал вокруг и стал бессмысленно дергать ручку, но та не подавалась. Тогда мужчина стал лихорадочно оглядываться в поисках предмета, чтобы разбить стекло. Но как назло рядом он не увидел ни одного камня. Его глаза метались по сторонам, из приоткрытого рта вырывалась хрипловатое дыхание. Мужчина был во власти паники. Наконец он на секунду остановился, и тут услышал голос жены, которая, видимо, уже не в первый раз его окликала.

— Коля, что с тобой? Опомнись! Перестань дергаться. Сядь в машину! — кричала ему сердито Светлана. — Такими действиями ты нам не поможешь, а только всех напугаешь.

От слов жены Коля немного пришел в себя. Он зло посмотрел на Свету, но перечить не стал. Потом еще раз приложил лоб к тонированному стеклу и заглянул в салон автомобиля. Ничего подозрительного он там не увидел. Мужчина немного успокоился. Действительно, глупо и нерационально бегать вокруг машины, разумнее придумать другой способ, как отнять нож у больной. Обвинять кого-либо в случившемся он будет потом, сейчас надо действовать. Коля, белый от возмущения и переполняющих его эмоций, вернулся на водительское сиденье и автоматически пристегнул ремень, совершив в это утро еще одну ошибку.

— Милый, успокойся, — прошептала Света, умоляюще глядя на него, — силой мы ничего не добьетсяя.

Тем временем, не обращая внимания на перепалку супругов, Надежда протянула свободную ладонь к головке Варечки и прошептала:

— Какая миленькая девочка.

В напряженной тишине ее ласковые слова прозвучали страшно. Голос был скрипучий, но не грубый. Антон удивленно посмотрел на соседку, которая вдруг начала проявлять признаки активности.

— Кудрявые волосики, — грязная рука за спиной у Антона снова потянулась к Варе, — колечки.

Ничего в ее действиях опасного не было, но то, что в руке она держала острый предмет и не хотела его отдавать, заставлял родителей нервничать.

— Надя, отдайте мне скальпель, — в третий раз внешне спокойно попросила Света. и снова сжала колено мужа, — сиди тихо. Нельзя шуметь. Можешь ее спровоцировать.

— Н-е-е-е-т, — протянула девушка и прижала к себе нож, как любимую игрушку.

Острый край прорезал футболку, и на груди у незнакомки появилась капля крови.

— Вы поранились! — вскрикнула Света и встала на колени на своем кресле, чтобы полностью развернуться и контролировать ситуацию. Коля молча наблюдал за действиями жены.

Девушка не обратила никакого внимания ни на порез, как будто его и не было, ни на окрик Светы, но скальпель снова завернула в салфетку и положила рядом с собой на сиденье. Света судорожно вдохнула.

Надя снова протянула руку в Варечке.

— Какая красивая девочка! Иди ко мне на колени, дорогая.

Варя выросла в любви. Никто и никогда не причинял ей вреда, поэтому она доверчиво относилась к людям. Девочка с готовностью потянулась к Надежде, но ее удержал ремень кресла.

— Мама, я хочу с тетей поиграть, — обратилась она к матери.

«Господи, доченька, ты не понимаешь, насколько эта тетя опасна!» — испугалась Света, но вслух сказала другое:

— Простите, но Варечка сидит в кресле, во время движения она должна быть пристегнута, — сказала Света девушке, потом повернула голову к Варе, — доченька, я пока тебя не могу из кресла достать. Потерпи еще немного, — затем опять посмотрела на девушку, — Надя, мы приехали. Вот ваш поворот.

Попутчица посмотрела в окно, улыбнулась, но у Светы сложилось впечатление, что она не поняла, о чем идет речь. Только что ее действия и слова были вполне осмысленными, а сейчас она будто выключилась из реальности.

«Как нам ее выпроводить из машины?» — написал на карте Коля.

Он совершенно не понимал, что нужно делать в такой ситуации. Зайти с левой стороны и вытащить из кресла Варю? Но останется Антон, который не сможет быстро выбраться: помешает детское сиденье. Светлана не успела ответить мужу, а он не сумел придумать правильное решение.

Дальнейшее произошло мгновенно. Не обращая внимания на слова Светы, девушка резко протянула левую руку к волосам Вари. Чапка, тихонько рычавший, пока говорила хозяйка, сейчас воспринял жест Надежды как угрозу для жизни девочки. Он оглушительно

залаял, вырвался из рук Антона, державшего его, и ...с этой секунды начался ад семьи Максимовых.

Глава 31

Сегамачо

Криминалист стоял по колени в воде, методично опуская палку вниз, будто исследуя границы найденного предмета.

— Где тело? — прозвучал, как выстрел, вопрос запыхавшегося Нестеренко. Сегамачо стоял за ним, тяжело дыша от быстрого бега.

— В воде. Я случайно заметил. Первый раз прошел мимо, а когда возвращался, посмотрел на озеро под другим углом и увидел подошву сапога, торчащую между веток.

— Почему ты решил, что это труп? — вглядываясь в воду и пытаясь между букетом растений разглядеть мертвое тело, спросил уже спокойнее следователь.

— Я тоже сначала подумал, что это чей-то старый сапог, даже прошел мимо. А потом меня будто стукнуло: стал палкой проверять и нащупал. Труп, кажется, застрял, поэтому всплыть не мог. Давайте вместе вытащим тело на сушу.

Сегамачо и Нестеренко шагнули в воду и, погрузив руки по плечо, нащупали убитого, но что они ни делали, достать труп не получалось. Его что-то прочно держало на дне, а сквозь клубы ила и донную траву, которая колыхалась в воде, они ничего не видели.

— Что за черт! — выпрямился рассерженный следователь. Как можно было так застрять! Будто специально, чтобы усложнить нам работу. Михаил Максимович, не в службу, а в дружбу, принесите нам фонарь и «кошку». Иначе можем так повредить тело, что патологоанатом потом в причине смерти не разберется.

Пока криминалист ходил за вещами, следователь и участковый пытались достать убитого. Нестеренко все еще был в болотных сапогах, поэтому пока не промок. Сегамачо, наоборот, погрузился в воду в повседневной одежде. Он шагнул в глубину, желая с другой стороны подхватить тело, и провалился в илистое дно по горло.

— Здесь, кажется, омут. Я попробую нырнуть и посмотреть, где Котыч застрял, — проговорил Гусев, отфыркиваясь, как собака.

— Давай, — согласился следователь, — все равно пока другого варианта нет. Хотя погоди, ты тяжелый, посмотри, какую муть развел, — он показал на озеро, где из-за поднявшегося ила ничего теперь нельзя было разглядеть. Потом он повернулся на шум и воскликнул, — ого, ребята с поляны вернулись! Сейчас кого-нибудь из них к тебе на помощь отправлю.

Сегамачо посмотрел на стоянку и увидел, что подъехала машина, которую отправлял Нестеренко к другому съезду на озеро. Полицейские вышли из автомобиля и вместе с криминалистом приближались к ним. Он все равно попробовал нырнуть, но, как и предсказывал Нестеренко, только всколыхнул со дна ил, а в мутную воду проникало так мало света, что разглядеть что-либо было невозможно.

Сергей Иванович, вылезайте из воды. У вас есть во что переодеться? — и, увидев, как Сегамачо утвердительно кивнул, продолжил. — Отправляйтесь к машине, мы здесь теперь сами справимся.

Участковый неуклюже выбрался на берег. С его одежды стекала вода, он стоял, громко дыша, непривычные к тяжелой работе руки тряслись, в глазах снова закипали слезы. Сегамачо казался себе таким жалким, убогим, недостойным жить, что захотел снова убежать в лес и выплеснуть накатившую боль и безысходность. Он медленно пошел к стоянке, но

остановился, услышав вопрос следователя.

— Ребята, как съездили?

— Так себе, — ответил Никита, — семья уже уехала. Мы обошли по периметру всю поляну, но ничего не увидели.

— Хорошо, что туристы уехали, значит, обойдется без еще одной трагедии. А то, что вы найдете преступника, я и не надеялся. Туда лесом кинолога с собакой отправил. Ну, а что слышно о других преступлениях?

— Ими участковый занимается. Он опросил парней, которые кутили с девушкой и потеряли ее. Затем их видели в дачном поселке, но время не сходится. Когда грабили дачу, парни с участковым в лесу искали подругу, поэтому деревенские алкаши имеют стопроцентное алиби.

— А девушка домой вернулась?

— Нет. Участковый выехал утром на поиски. Потом он отправится на дачу, чтобы встретиться с родственниками деда.

— Позвони им, узнай, как продвигается дело.

— Мне снова на трассу выехать? — удивленно поднял брови Никита.

— Так попробуй, может днем связь лучше.

Но сколько ни пытался оперативник набрать номер, абонент все равно был недоступен.

— Ладно, оставим это пока. У нас своих дел полно. Никита, Леха, раздевайтесь придется в воду лезть, — услышал он голос следователя, отдающий уверенные приказы. — Миша, стой на берегу, ты будешь «кошку» забрасывать. Только осторожно, не попади в людей, — Сергей Иванович, что вы тут замерли, быстро переодевайтесь, а то еще заболаете, и возвращайтесь. Вы нам еще понадобятся.

Окрик Нестеренко заставил Гусева очнуться. Сегамачо вдруг принял решение. Он повернулся к следователю и несмело произнес:

— Олег Петрович, я того, насчет девушки хотел рассказать...

Но следователь, сосредоточенный на более важном в этот момент деле, его не расслышал.

— Олег Петрович, — чуть громче позвал участковый, боясь, что, если не сбросит сейчас с души непомерную тяжесть, то потом вряд ли решится это сделать.

— Потом, Сергей Иванович. Разговоры все позже, — махнул рукой Нестеренко.

Сегамачо опустил голову и пошел к машине, где у него была сменная одежда и полотенце. На месте стоянки он переоделся и посмотрел на экран телефона, чтобы узнать время. Стрелка приближалась к девяти утра. Оперативно-следственная группа работала на месте преступления уже два часа, а ни тела, ни версии гибели Котыча, ни убийцы у нее пока не было.

— Что за гад нам встретился на пути? Неужели это он совершил все три преступления. И что с той девушкой? Хоть бы она не попала в руки отморозка! — испытывая страшное чувство вины, шептал Сегамачо, напяливая на себя сухие штаны и футболку — нет, я не последний урод. Пусть меня накажут, но я должен рассказать, что мы с Котычем ее видели.

Но решимость поведать следователю о ночной встрече сразу пропала, как только его мысли потекли в другом направлении.

— А если это разные женщины? Мы в лесу нашли пьяную бабу, а речь идет вроде о молодой девушке. Хотя наша находка выглядела ужасно, поэтому мы и решили, что она старше, чем в действительности. Алкоголь никого не красит. Но разве бывают такие

совпадения?

— Вы что-то спросили? — услышал он вдруг за спиной чей-то голос и испуганно повернулся. Сердце в груди опять забухало, как молот.

Сзади стоял кинолог с собакой и его группа. Они только что вернулись с поиска преступника.

— Ну, что там? Следы нашли?

— Да ничего. Преступника нет, но кое-что мне показалось странным, — уклончиво проговорил кинолог, — пойдём, Полкан, доложим начальству о находке.

Когда кинолог с собакой, Сегамачо и Малышко подошли к остальным, труп уже вытащили из воды. Длинное тело Котыча казалось сейчас Сегамачо маленьким и сморщенным. Одежда порвалась и висела ключьями. Сквозь дыры просвечивала белая, как молоко, кожа. Кое-где появились свежие раны, которых участковый не видел раньше. Зрелище в целом было ужасным.

Участковый понимал, что тело травмировалось, когда его доставали из воды, но все-таки не мог преодолеть в себе жалости и обиды за такую нелепую смерть друга. Этот преступник не только убил Котыча, но еще и поиздевался над мертвым телом. Не заслужил Костя такой участи. В душе Сегамачо огнем стала подниматься злость на себя, что не уберег товарища, и на обстоятельства, в которых он невольно оказался.

Полкан подошел к трупу, обнюхал его, затем посмотрел на хозяина и негромко тьякнул.

— Где тело было? — спросил кинолог

— Застряло между корнями большой коряги. Ребята его с трудом вытащили, — произнес Нестеренко, все еще не придя в себя после тяжелой работы. А как у тебя дела? Полкан след взял?

— По следу мы шли хорошо, быстро. Собака даже не металась, бежала, как по ровной дороге, только результата нет. На выходе из чащи Полкан с минуту крутился возле большой сосны. Туда бы неплохо криминалисту съездить, вдруг есть улика.

— А дальше?

— А дальше — ничего. На той полянке след и оборвался. Как раз там, где машина с туристами стояла.

— Стоп. Ты откуда знаешь, где машина с туристами находилась? Тебя же с нами не было, когда мы на ту поляну выезжали.

— Мне Малышко рассказал. Да и перепутать невозможно. Там следы от колес, а вокруг немного свежего растительного мусора: кожура от огурцов, огрызок яблока, корочки хлеба. Сразу видно, что кто-то на том месте сидел и завтракал.

— Так, если след обрывается у машины, а ее уже на поляне нет... Что же получается? — Нестеренко обвел глазами коллег и понурого Сегамачо.

— Ничего хорошего не получается, — проворчал Михаил Максимович, осматривавший труп.

Глава 32

Толян и компания

Съезд к озеру нашли сразу: участковый знал окрестности хорошо. Когда выехали на поляну, увидели, что на ней практически нет свободного пространства. В ее центре стояла брезентовая палатка, рядом скромно притулился старый уазик. Кроме него, на поляне были еще две бело-синие машины с мигалками на крыше. Чуть поодаль — стол.

Вытолкнув уставшее тело из машины, Петр Макарович размял ноги и огляделся.

Следственно-оперативная группа копошилась в ста метрах справа. Люди обступили какой-то предмет и разговаривали, но слов не было слышно. Недалеко от группы стоял высокий человек в форме, держа на поводке собаку.

— Ух, ты! — воскликнул Кирилл, сияя лихорадочным блеском глаз. — У них кинолог работает.

— Конечно, работает. Таких тройных случаев у нас еще не было. В подобной ситуации и из Москвы может начальство нагряться, если быстро не разберемся.

Вдруг невысокий паренек сорвался с места и помчался к полицейскому автомобилю. За ним побежали еще два человека. Троица быстрее ветра мелькнула мимо растерянных напарников, села в машину и уехала.

— У них что-то произошло? — почему-то шепотом поинтересовался Кирилл.

— Сейчас узнаем. Не дай бог, новая беда приключилась!

Увидев, что их приезд заметили, участковый помахал рукой и направился к оперативникам. Он поздоровался за руку со следователем Нестеренко и криминалистом, которых знал по работе. Потом увидел Сегамачо и кивнул ему тоже.

— Доброе утро, — поприветствовал Петр Макарович, — как идут дела?

— Как сажа бела, — угрюмо ответил Нестеренко, — видишь, только труп сумели из воды вытащить.

Петр Макарович посмотрел внимательно на мокрое тело в разорванной одежде, которое недавно достали из воды. Вокруг него хлопотал криминалист. Один из оперативников фотографировал труп, стараясь, чтобы в объектив попала каждая деталь. Участковый не знал убитого рыбака, да и не мудрено: друзья приехали к озеру за несколько десятков километров. Однако преступление произошло на территории его участка, значит, ему и предстоит с ним разбираться.

— А с оперативниками что случилось? — удивленно спросил участковый, — Куда так быстро отправились?

— Собака взяла след и привела нас к полянке в паре километров отсюда. А там запах пропал. Преступник будто по небу дальше передвигался. Но страшно не это. На том месте семья туристов с детьми ночевала. След как раз у стоянки их машины оборвался.

— Ага, ты думаешь, что убийца захватил семью в заложники?

— Может и так, но больше склоняюсь к тому, что преступник попросил его подвезти куда-то.

— Семья ведь могла просто уехать по личным делам.

— И это тоже правда. Вот и отправил Малышко и оперативников убедиться, что туристы выбрались на трассу без приключений. Они их машину постараются догнать, а если у самих не получится, то сообщат ориентиры автомобиля постам ДПС.

— Да, дела, — протянул Петр Макарович, — а с убийством что известно?

— Еще не разобрались. Такое впечатление, будто дьявол здесь похозяйничал. Рыбака убили в одном месте, Сергей Иванович тело нашел в другом, а через сорок минут мертвец уже в озере оказался, да еще так застрял, что еле вытащили.

— А кто тело в воду сбросил?

— Представления не имею. По всем раскладкам получается, что преступник в кустах отсиделся, а когда Сергей Иванович, — Нестеренко при этом показал головой на Сегамачо, стоящего немного в стороне и внимательно слушающего разговор, — по следу в лес ушел, убийца вернулся и скинул труп в воду. Только зачем, одному ему известно.

— Да, странные поступки, — потер виски Петр Макарович, — простите, ночь не спал, с исчезновением сначала разбирался, потом с грабежом на даче. Вот теперь и к вам наведалься. Чувствую, все связано.

— Молодец, что приехал. Дозвониться не можем, информации мало, по крупницам узнаем о твоих делах. Сергей Иванович, — обратился Нестеренко к Сегамачо, — пойдёмте к столу, посоветоваться надо. Не будем мешать криминалисту, пусть делом занимается.

Он первый направился к стоянке. Остальные гуськом последовали за ним. Следователь подошел к столу, где лежала раскрытая карта. Увидев в руках у Кирилла планшет, назначил его секретарем и предложил ему стул, чтобы удобнее было записывать.

— Давай обменяемся информацией, иначе мы запутаемся. Петр Макарович, начинай ты. Только самую суть. То, что у тебя вызывает сомнения или кажется странным.

— Хорошо. Трое приятелей во второй половине дня пошли на дачный пляж, чтобы развлечься. Кроме них, на берегу отдыхали еще другие люди: группа ребят-неформалов и парочка влюбленных. Надежда, девушка, которая пропала, напилась. Потом она спровоцировала Толика Нефедова, с которым была, и мужчину из пары на драку. Инцидент завершился благополучно, но троице не хватило драйва, и дружки отправилась добирать. Девушка принесла водку, и они вместе расположились на маленькой полянке возле дороги. Через час она ушла в кусты, как говорят ее собутыльники, и больше не вернулась.

Участкового все слушали внимательно и не перебивали. Он рассказал о допросе подозреваемых, о работе по поиску пляжных свидетелей, которые подтвердили, что видели девушку лишь на берегу и больше с ней не пересекались. Затем перешел к рассказу об ограблении на даче. Следователь иногда задавал уточняющие вопросы.

— Время проверили? А алиби у дружков есть? Эта троица не могла учинить беспредел на даче?

— Можно пройти по маршруту с Полканом, — перебил незаметно подошедший к группе кинолог.

— Да, мы об этом и хотели попросить, — обрадовался Петр Макарович.

— Тогда сразу, как здесь закончите, и отправимся.

— Договорились.

— Петр Макарович, ты дальше рассказывай. Ничего странного в этой попойке не было?

— Если судить по словам Толика и Юрка, то нет. Но мы нашли недалеко от места последней остановки дружков вот эти миленькие вещицы. Привезли их криминалисту как улики.

Участковый извлек из папки пакетики с презервативами. Сегамачо обдало жаром, когда он увидел то, что достал участковый.

— А как выглядела девушка? — неожиданно для самого себя хриплым голосом спросил он.

Все удивленно посмотрели на него, как будто увидели впервые и подумали, что этот огромный мужчина здесь делает.

— И правда. Скажи нам, Петр Макарович, какие-нибудь приметы. Я когда выезжал на убийство ориентировку мельком просмотрел, не придавал большого значения, раз не сам этим делом занимаюсь, — поддержал Сегамачо Нестеренко, а потом добавил, — это что получается, они ее изнасиловали?

— Выходит, что да. Только они, паразиты, об этом ничего не сказали.

— А может, у них шуры-муры по согласию были, — вставил в разговор свои пять копеек

Кирилл, который просто сгорал от нетерпения.

— Может, и полюбовно, если не доказано, то и вину возлагать ни на кого нельзя, грех, — согласился участковый Парфенов, — ну, а если брать приметы, то Надежда — обычная девушка. Ей двадцать семь лет. Невысокая, стройная. У нее темные волосы средней длины, слегка опускаются ниже лопаток, и карие глаза. Один чуток косит. Одета светлую футболку с непонятным рисунком, никто толком его не сумел описать, и темно-бордовую широкую юбку с карманами. Хотя, что это я вам рассказываю. Кирилл, нам же бабушка фото дала. Правда, она там немного другая, еще совсем юная, но все же.

Кирилл достал фотографию, с которой им мило улыбалось прелестное девичье лицо, и у Сегамачо вырвался отчаянный возглас:

— Мы с Котычем ее видели.

— Как видели? — вскинулись оперативники и изумленно посмотрели на расстроенного богатыря, стоящего с опущенными плечами и нервно потирающего лоб.

— На дороге ее подобрали. Это было примерно в 22–30. Я случайно ее заметил, когда мы мимо проезжали. Она в кустах валялась. Мы подумали сначала, что мертвая, а потом она как заорет. Напугала нас до смерти.

— Как девушка выглядела, когда вы ее обнаружили?

— Не очень красиво. Юбка у нее была задрана на грудь, ноги раскинуты, и она была без трусов. Они рядом валялись?

— Рядом? Не на руке были повязаны?

— Нет. Рядом. Костик, когда их поднял, то увидел, что они или разорваны посередине или разрезаны. Мы еще подумали тогда, что ее изнасиловали, — Сегамачо глубоко вздохнул и уже хотел в порыве откровенности и отчаяния, которое до макушки захлестывало его, рассказать все, но Нестеренко перебил его желание своим вопросом, и момент опять был упущен.

— И что вы с ней сделали?

— Ничего. Отвезли к базе отдыха. Думали, что у ворот охрана ее заметит и сообщит, куда следует.

— Мы с Кириллом посмотрели видео с камер наблюдения базы отдыха. Но вашего уазика там не было, — встрял в разговор участковый.

— Все правильно. Мы и не хотели светиться. Боялись, если свяжемся с охраной, наша рыбалка накроется медным тазом, — виновато опустил плечи Сегамачо.

— А раньше ты, Сергей Иванович, почему ничего не сказал? — укоризненно покачал головой Нестеренко.

— Да я ведь только двадцать минут назад сообразил, что речь идет об одном и том же человеке. Раньше не до этого было. Вот как про юбку красную услышал, так и щелкнуло. Получается, — обратился он к Петру Макаровичу, — девушка к базе отдыха не пошла?

— Сначала пошла, а потом развернулась обратно. Но в 23–00 она была еще жива. Охрана ее видела, однако тоже связываться не захотела. Вот так все и бросили пьяную бабу ночью в лесу. Где ваша жалость, мужики?! — в сердцах воскликнул Макарыч.

— Господи, хоть бы с ней ничего не случилось! Сначала Костик, а теперь еще и эта девица, — застонал Сегамачо.

— Ну ладно, — похлопал по плечу Петра Макаровича Нестеренко, — ты на него сильно не дави. Ему и так досталось. Сам видишь, что здесь творится.

— Какого цвета, говорите, юбка? — поинтересовался стоящий с сторонке, чтобы не

нервировать Полкана, кинолог.

— Темно-бордовая, широкая, из воздушной ткани. Такой покроей «солнцем» называется.

— Как узнали, что ткань была легкая?

— Так, Толян говорил, что когда Надежда на пляже кружилась, ее голое тело до пупа открыто было. Все мужики и глазели.

— А на это цвет не похоже?

Мужчины дружно посмотрели на пакетик, который держал в руках Степан. Это была та самая улика, которую нашел Сегамачо в зарослях лесной малины и которую давали Полкану для поиска следа преступника. Сквозь прозрачный целлофан просвечивал крохотный, не больше детского ноготка, кусочек ткани темно-бордового цвета. Нестеренко, Сегамачо и Петр Макарович недоуменно посмотрели друг на друга, и в их глазах буквально через секунду одновременно промелькнула догадка.

— Твою ж мать! — воскликнул уже второй раз за утро следователь. — Чертовщина какая-то!

Глава 33

Максимовы

Дальнейшее Света воспринимала фрагментами. Отдельно муж, растерянно смотрящий на Надежду. Отдельно кричащие дети. Отдельно сумасшедшая. Светланы будто бы не существовало в этом страшном месте. Она парила между небом и землей и была сторонним наблюдателем происходящего.

Бешеный лай собаки. Звериный оскал и красный длинный язык, висящий между клыков. Прыжок. Острые зубы сомкнулись на левом предплечье девушки. Ярость в черных глазах попутчицы, искаженное лицо. Скальпель мелькнул в твердой руке (и когда девушка успела его схватить!) и вонзился в худенькое тельце Чапки. Потом еще раз... и еще. Донесся дикий визг, и собачка отлетела в сторону. Антон резко наклонился, чтобы подхватить Чапку, и в это время над его головой сверкнуло маленькое лезвие и так глубоко вонзилось в спинку водительского кресла, что Коля почувствовал легкий укол в спину и вздрогнул.

— Ма-ма, ма-ма! — истошно закричала Варя.

Света все понимала, но никак не могла выйти из ступора, в котором оказалась на мгновение. Она не отводила огромных глаз от лица сумасшедшей. Мыслей не было. Первым очнулся Николай.

— Оставайся внизу! Не высывайся! — крикнул он Антону и хотел выскочить из машины, чтобы вытащить Вареньку из детского сиденья.

В панике он дергал ремень, но не мог отстегнуть его дрожащими пальцами. Тогда он повернулся назад, с силой оттолкнув стоящую на коленях Свету, протиснулся в промежуток между сиденьями и попытался выдернуть хирургический инструмент из спинки кресла. Из положения, в котором он оказался, было неудобно бороться за те несколько сантиметров ножа, которые торчали снаружи, но оставаться в бездействии он тоже не мог. Девушка крепко держала ручку скальпеля и не собиралась ее уступать. Ее глаза полыхали яростным огнем, рот растянулся в звериный оскал, из горла вырывались рычащие звуки. В одно мгновение милая и тихая девушка превратилась в бешеную фурию.

— А-а-а! — кричал от ужаса сидящий на полу Антон, прижимая к себе стонущую окровавленную собаку.

— Мама! Мама! — тоненько всхлипывала перепуганная Варя. Девочка прижималась к окну, чтобы борющиеся взрослые случайно не задели ее, и закрывала лицо руками, прячась

от страшной картины, которая была прямо у малышки перед глазами.

— Ты, ненормальная, — яростно сипел Николай, от ужаса и волнения потерявший голос, — отдай мне нож.

Но пальцы, вмиг ставшие мокрыми от пота, соскальзывали с испачканного кровью кулака Надежды и не позволяли мужчине ухватиться за основание скальпеля.

Наконец пришла в себя и Света. Она снова встала на колени. Салон автомобиля напомнил ей о кошмарном сне накануне. То же запертое пространство, то же ощущение безысходности и ужаса. Она видела, что скальпель глубоко застрял в обивке, зацепившись за что-то. Сумасшедшая тянет его на себя, пытаясь выдернуть, но с другой стороны ей не дает это сделать разъяренный муж. Светлана на секунду прикрыла веки, резко вздохнула и начала действовать.

— Надя! Надя, посмотрите на меня, — хладнокровно, всеми силами преодолевая страх и ужас и подавляя желание выставить руки и защитить своего ребенка от опасности, позвала она девушку, — вам никто не угрожает. Мы сейчас уберем собаку. Надя, посмотрите на меня!

Сумасшедшая продолжала бороться за нож. Пальцами правой кисти она крепко держала торчащий кусочек металла, а левой рукой отталкивала Николая. В тесном пространстве салона раздавалось хриплое дыхание. Борьба за нож происходила прямо над головой Антона. Мальчик вжался в пол, боясь, что девушка заденет его по голове, когда вытащит инструмент. Левый локоть сумасшедшей мелькал рядом с лицом Вареньки, которая от страха уже плакала навзрыд. Ситуация напоминала фильм ужасов.

«Главное, без паники. Надо задушить панику», — застучала в виски мысль, когда она поглядела на белое от ужаса и злости лицо мужа.

— Коля! — прикрикнула Светлана. — Перестань с ней бороться! — а дальше сказала тихо, пытаясь остановить беспорядочные и бездумные действия мужа — Успокойся, милый, ты еще больше пугаешь детей.

— Ты хочешь подождать, пока эта ненормальная их убьет! — сипел Коля, по-прежнему борясь с попутчицей за нож.

— Прекрати истерику! Девушка просто защищалась от нападения собаки.

— А я защищаю свою семью.

— Коля, ты нам сейчас вредишь, — прошипела на ухо мужа Света, но тот ее не слушал.

— Ремень! Отстегни мой ремень! — приказал он жене.

Пока Света возилась с заклинившимся замком, Коля, не сумев быстро вытащить нож, решил справиться с попутчицей силой. Он резким движением схватил руку девушки за запястье и попытался отвести ее в сторону, не ослабляя захвата. Разъяренная Надежда вцепилась зубами в мякоть кисти Николая и прокусила ее до крови. Мужчина взвыл и на секунду отпустил руку противника, а потом размахнулся и кулаком ударил в лицо попутчице.

Надежда отлетела в угол салона, глухо ударившись головой о стекло. Ручка скальпеля осталась торчать в обивке, но все про нее забыли. От неожиданности Света растерялась. Она, не отрываясь, смотрела в остекленные глаза попутчицы, которая (Свете так показалось) медленно выпрямилась, а потом, как тигрица, бросилась на все еще пристегнутого ремнем Колю и вцепилась ему зубами в шею.

События нарастали, будто лавина, несущаяся с гор. Казалось, уже нельзя остановить кошмар. Крики, слезы, кровь, пот, непонятные чавкающие звуки — все смешалось,

переплелось. Одно неправильное действие следовало за другим. Одна ошибка притягивала к себе другую.

Света, истерично взвизгнула, когда увидела раненого Колю, но тут же пришла в себя. Она схватила Надежду за волосы и стала тянуть в сторону, пытаясь оторвать ее от беспомощного мужа. Но та вцепилась в кожу мертвой хваткой. Коля махал руками, попадая то по Надежде, то по жене, и кричал:

— А-а-а! Я эту с...у убью!

Наконец Свете удалось оттолкнуть Надежду в глубину салона. Девушка снова ударилась головой и затихла. То ли азарт схватки прошел, то ли вновь поменялось настроение, то ли не смогла оправиться от ушиба, но в салоне на минуту установилась звенящая тишина.

«Так нельзя! — кричало сознание Светы. — Надо остановиться!»

Она бросила быстрый взгляд на детей: Варя от страха даже не кричала, а тихонько скулила, Антон сполз под кресло девочки и свернулся в клубок, прижимая к себе раненую собаку. Он смотрел безумными глазами на взрослых и молчал.

Искусанный и полузадушенный Коля с трудом развернулся. С одной стороны на обнаженной шее осталась багровая полоса от сдавившего тело ремня, а с другой — следы от зубов, наполненные кровью.

Света достала из бардачка салфетки и прижала несколько штук к кровоточащим ранам.

— Пусти! Не держи меня! — вырывался Коля из рук супруги, желая снова повернуться к Надежде.

— Милый, пожалуйста, милый! — только и повторяла плачущая Света. — Пожалуйста, успокойся. Там дети. Не паникуй, — она прижала одну руку мужа к его груди, а другую к шее — поддержи так, пока кровь не остановится. Я сама дальше. Не мешай!

— Если с детьми что-нибудь случится, я тебе это всю жизнь припоминать буду, — захлебываясь слюной, прохрипел Николай, но больше спорить не стал: тело внезапно распласталось, будто набитое ватой, в левой стороне груди разливалось тепло. Появилась боль, которая отдавала в плечо и лопатку. Он обессилено закрыл глаза, не в силах больше сопротивляться.

— Коля, пожалуйста, умоляю! — шептала на ухо мужа Света, не догадываясь о его состоянии. Она погладила его колено, чтобы немного успокоить, — Сможешь вести машину? Поезжай дальше, к городу, к людям. И попытайся связаться с... — Света глазами показала на телефон.

Коля раздраженно посмотрел на жену, и сдался под давлением обстоятельств. Все еще дрожащей прокушенной рукой, с которой слетели салфетки, мужчина завел мотор, и машина плавно тронулась. Света видела, что привычные движения успокаивают его, помогают привести в порядок мысли. Вот уже он пристроил на колено телефон и стал набирать номер полиции и скорой, но звонок постоянно срывался.

«Так, — облегченно вздохнула Света, — с этим разобрались. Как там дети?» Боковым зрением она видела, что попугайка по-прежнему неподвижна, но глаза открыты, пальцы шевелятся, значит, жива!

Она посмотрела вниз, на пол, где лежал смертельно напуганный Антон, прижимая к себе раненого Чапку. Кровью были покрыты руки мальчика и пропитана футболка и шорты. Собака тихо стонала, но тоже была жива.

— С Чапкой все будет хорошо, правда? — шепотом, трясущимися губами пролепетал Антон, поймав взгляд матери.

Света промолчала, достала на ощупь из кармана передней двери полотенце, лежавшее там для бытовых нужд, и бросила мальчику. Тот сразу прижал его к ранам собаки, чтобы остановить кровь, но мать на него уже не смотрела. Все ее внимание было приковано к сумасшедшей.

Что она делает? А девушка, казалось, уже потеряла интерес к происходящему. Ее лицо разгладилось, глаза посветлели, звериный оскал исчез. Под левым глазом багровел синяк. Струйка крови стекала из разбитого затылка на футболку. Про скальпель она уже забыла.

— Надя, вам никто не угрожает, — повторила Света, — посмотрите на меня пожалуйста. Видите, машина едет вперед, как вы и хотели, собачка внизу, она вас не укусит.

С трудом ей наконец удалось привлечь внимание Надежды. Девушка посмотрела на нее бессмысленным взглядом. Видно было, что попутчица расслабилась, как монашка на исповеди, она смиренно сложила руки на коленях и отвернулась к окну. Ее локоть перестал давить на девочку, которая еще негромко всхлипывала.

Света поразились. Настроение Надежды поменялось так внезапно, что не прошло и двух минут. Только что в машине дралась разъяренная Медуза Горгона, и вот теперь перед Светланой сидел другой человек. Как будто не было в салоне нападения собаки, ожесточенной борьбы с Колей, криков детей. Только синяк, алые пятна на одежде, обшивке машины и руках напоминали о произошедшем.

«Если она так быстро меняет гнев на милость, с головой у нее точно не все в порядке. Ни в коем случае ее нельзя провоцировать», — пришла к выводу Света.

Надежда тем временем потеряла интерес к природе за окном, огляделась вокруг и перевела взгляд на Варечку. Ее лицо опять поменяло выражение. Равнодушие исчезло, межбровная складка разгладилась, глаза затуманила нежность. Света облегченно вздохнула, надеясь, что острая ситуация пошла на спад. Но нервы по-прежнему были натянуты до предела, все чувства обострены. Сын, муж, собака — сейчас это не главное. Все это оставалось там, на пограничной черте сознания. Главными были сумасшедшая и Варечка.

— Тихо, дети! — прикрикнула она на них. — Чапку мы вылечим. Надя, мы проехали ваш поворот. Может, вас довезти прямо до места? — пыталась Светлана переключить внимание сумасшедшей.

— Н-е-е-т. Не плачь, малышка. Красивая. Волосики. Колечки, — по одному слову выдавливая она из себя, любуясь золотистыми прядями девочки.

Надежда протянула руку к волосам Вари. Погладила. Мать в ужасе замерла и, кажется, перестала дышать. Не сводя настороженных глаз с сумасшедшей, она медленно стала передвигать пальцы и уже коснулась свободно торчащего скальпеля, намереваясь выдернуть его из спинки и спрятать. Если уж задуманное не получится, тогда загнать его дальше в обшивку, но девушка, как тигрица, опередила ее. Рукоятка снова была в пальцах сумасшедшей. Дети закричали.

— Молчать всем! — не своим голосом взвизгнула мать, стремясь тем временем поймать взгляд сумасшедшей.

Ребятишки от неожиданности захлебнулись плачем, а потом тихонько заскулили, испугавшись страшной реакции Светы. Коля от резкого звука потерял управление, и машина заюлила по шоссе. Света, не пристегнутая ремнем и стоявшая на коленях, потеряла равновесие и завалилась вбок, на мужа, перекрыв ему обзор. Но уже через секунду она выпрямилась. Пассажиров бросало по сторонам, пока мужчина выравнивал автомобиль, но Света ничего не замечала. Ее взгляд был прикован к девушке, чтобы не пропустить ни

одного ее действия.

— Наденька, дайте мне скальпель, пожалуйста. Вы порежетесь, — попыталась снова убедить ее Света и вытянула руку ладонью вверх в надежде, что та отдаст ей нож.

— Н-е-е-е-т, — пропела девушка и резко отдернула пальцы, держащие ручку скальпеля. Лезвие неожиданно с мягким шорохом выскочило из спинки, будто его там ничто не держало, и коротко чиркнуло по ладони Светы.

Боли она не почувствовала, лишь увидела капли крови да услышала новый взлет страха детей.

— Мама! У тебя кровь!

«Не обращай внимания. Это не главное, — свербила мысль, — надо забрать нож».

— Ничего страшного дети, все в порядке, — она пыталась говорить ласково, не повышая голоса, чтобы не вызвать нового приступа ярости у сумасшедшей и паники у мужа. Света прижала ладонь к брюкам, в которых была, чтобы остановить кровь.

— Ты с ума сошла, что ли? — вскинулся Коля, который только что с трудом выровнял машину и изо всех сил давил на газ. — Не лезь к ней! Скоро будет большой населенный пункт.

«Нефертити» летела по трассе. Коля управлял ею, как автомат, почти не глядя на дорогу. То, что происходило за его спиной, было сейчас важнее и страшнее. Далеко впереди виднелся синий указатель городской черты, лес вокруг стал мельче: столетние ели и ровные сосны сменились на придорожный кустарник, который чередовался с небольшими огородиками картофеля. Скоро появятся и дома.

Коля бросил быстрый взгляд на экран телефона: связь есть. Одна рука на рулевом колесе, а вторая набирает номер полиции. Слава Богу, гудок!

Надя тем временем тоже увидела вдалеке дома. Что в этот момент происходило в ее голове, Света не знала. Она могла лишь следить за выражением лица сумасшедшей, чтобы предугадать ее дальнейшие действия. Глаза девушки вдруг обрели ясность. Появилась осмысленность и даже понимание ситуации. Во всяком случае, Свете так показалось. «Может, она сейчас поймет, что натворила, и придет в себя», — с надеждой подумала она, но, увы, напрасно.

— Не останавливайтесь. Дальше, — приказала Надежда, не отводя глаз от Вари, которая уже немного успокоилась и теперь только икала от пережитого страха.

— Куда дальше? — воскликнула Света. — Мы проехали ваш поворот. Скажите, куда вас отвезти? — она бросила отчаянный взгляд на мужа, а по щекам побежали слезы.

Света видела, что Коля уже набрал номер полиции, но этого было недостаточно. Нужно еще как-то объяснить ситуацию и не спровоцировать неосторожным словом Надежду. Понимая, что интерес сумасшедшей теперь сосредоточен на девочке, Света взмолилась:

— Хорошо, мы поедem дальше, — левой рукой при этом она стукнула мужа по колену, как бы давая понять, что эти слова относятся и к нему, — только можно я возьму Вареньку к себе на колени. Мне надо ее успокоить, малышка напугалась.

— Нет.

Света с ужасом, словно на замедленном просмотре пленки, наблюдала, как грязная рука протянулась к светлым волосикам Вареньки. «Если она сейчас сделает больно дочке, я ее убью», — спокойно и даже как-то отрешенно подумала она. Пальцы девушки взяли золотистое колечко и ... чирк... отрезали его у самых корней.

Сегамачо

— И, правда, чертовщина. У меня давно было ощущение, что дело здесь нечисто, — поддержал Нестеренко Петр Макарович.

— Мужики, что же это получается? Значит, это она в кустах малины стояла? — растерянно спросил Сегамачо и обвел глазами окружающих, — Стоп! Я ведь там длинный волос женский видел. Я еще подумал, что бабы за малиной ходили и его оставили.

— Какая малина, Сергей Иванович! Она же только отдельными ягодками зреет. Массового сбора еще нет, — поправил его Парфенов.

— Разве я об этом думал! Даже в мыслях не было, что убийцей может женщина оказаться.

— Ну, допустим, с выводами ты поторопился. Вдруг она просто свидетель преступления, и наш отморозок с ней разобрался так же легко, как и с твоим другом, — поправил его Нестеренко.

— Не сходится! — крикнул Кирилл, от возбуждения, переполнявшего его, повысивший голос.

— Что не сходится? — хором спросили все.

— Ваша версия. Собака ее след обнаружила на соседней поляне, значит, она недавно была жива.

— А если она сперва находилась на той поляне, а потом сюда пришла и уже здесь исчезла? — вставил Макарыч. — Ты об этом не подумал?

— Ну, и как наша девушка туда попала? Собака на дороге следов не нашла, так, Степан? — задал вопросы Нестеренко, посмотрев на кинолога. Увидев кивок согласия, продолжил, — кроме как на лесной тропинке, соединяющей две поляны, ее запаха больше нигде не было.

Все на минуту задумались, пытаясь осмыслить слова Нестеренко. След Надежды обрывался именно в том месте, где стояла машина туристов. Действительно, ни на дороге к озеру, ни в других частях леса, а Полкан добросовестно обежал всю поляну по периметру, следов не нашли.

— А может, она увидела машину, рядом покрутилась и обратно ушла в лес уже знакомым маршрутом, — пояснил Макарыч.

— То есть ты хочешь сказать, что она, блуждая по буреломам, сначала добралась сюда. Потом ушла лесом влево, выбралась в темноте на соседнюю поляну, побывала у машины и вернулась обратно.

— Примерно так. А может, и наоборот... — закончить мысль он не успел: инициативу разговора перехватил Кирилл.

— Петр Макарович, вы здорово придумали! — воскликнул студент. — Точно! Она сперва побывала у туристов, потом лесом пришла сюда, разобралась с рыбаком и спряталась в малиннике. Пока Сергей Иванович бегал по поляне и по лесу, она отсиживалась в буреломе, а как только он уехал за помощью, девушка выбежала, столкнула труп в воду и ушла влево. По знакомой тропинке вернулась к машине с туристами.

— Складно у тебя получается, парень, только две вещи не сходятся, — подколот его Нестеренко.

— Какие? Вроде логично, на мой взгляд.

— Да не очень, мой юный детектив, — шутливо сказал Олег Петрович. — Во-первых, мы туристов утром видели, но они не говорили, что ночью у них была гостья.

— Так вы их, наверное, об этом и не спрашивали, так ведь? — горячился Кирилл.

— Кирюха, ты остынь немного, остынь, — похлопал его по плечу участковый.

— А ты молодец! Действительно не спрашивали, — задумался Нестеренко, — мы тогда и сами еще ничего не знали.

— Вот видите!

— Не торопись. Складно у тебя получилось ответить и на другой вопрос. Ты решил, что это она сбросила труп в воду, чтобы замести следы, только мне непонятно, почему она сразу это не сделала?

— Так ей Сергей Иванович помешал. Он же стал окликать друга, — Кирилл при этих словах посмотрел на Сегамачо, — я правильно понял ситуацию? В результате девушка сообразила, что со вторым рыбаком ей не справиться, и убежала.

— Кирилл, фантазия у тебя отменная. Скажи на милость, ну, зачем ей убивать рыбаков. Что за причина такого глупого и нерационального поступка? — охладил пыл задиристого практиканта Макарыч.

— Не знаю, — растерянно протянул Кирилл и поник головой.

— Тогда и молчи, без сопливых юнцов обойдемся.

— Да. Следов очень много, — прервал спор кинолог, — складывается впечатление, что она крутилась на пяточке в несколько километров. Ходила туда-сюда. Может, тропинку домой искала и в темноте блудила, может, просто пьяная была и двигалась бесцельно, а может, еще что-то, чего мы пока не знаем. Чтобы не гадать, лучше все-таки проверить ее след, начиная с места, где она пропала. Тогда с большей вероятностью можно выдвигать предположения.

— Мысль дельная, — согласился Нестеренко, — так и поступим. Петр Макарович, ты разрабатываешь версию причастности Надежды к грабежу и убийству. Мы на этот момент считаем, что она жертва, но много сомнений. Вот будет смешно, если мы угробим на нее драгоценное время, а эта девица окажется вообще ни при чем. Просто оказалась случайно не в том месте и не в то время.

— Я не думаю, что девушка — досадная случайность, — тихо сказал Сегамачо, который внимательно следил за спорщиками.

И опять люди вскинули на него удивленные глаза, словно не понимая, кто он такой и что тут делает. Сергей Иванович стоял, сгорбившись и опустив длинные руки вдоль тела. Красные от бессонной ночи и слез глаза, веером торчащие по краям головы седые кудри, сморщенное лицо — весь вид его кричал о страшном горе, которое он пережил и которое еще долго будет преследовать его.

— Поясните свою мысль. Я не совсем понял, в чем дело, — тихо попросил Нестеренко, сочувственно поглядев на мужчину.

— Если предположить, что именно она напала на Константина, тогда отчасти становится ясно, почему он не защищался. Мы же с Котычем девушку к базе отдыха подвозили. Хоть мы и занимались ею минут пятнадцать, все равно он ее узнал бы. Костик очень совестливый человек и всегда готовый помочь, — рассказывал Сегамачо, даже не замечая, что говорит о друге, как о живом человеке, — я думаю, когда он увидел ее на берегу, то удивился, конечно, но зла от нее не ждал.

— Видите! — возбужденно воскликнул Кирилл, обращаясь к Петру Макаровичу, я был прав. Убитый рыбак знал девушку!

— Молодец, голова у тебя варит, — одобрительно похлопал его по плечу Макарыч.

— Если убийца — девушка, тогда становится ясно, как все произошло, — продолжил высказывать мысли вслух Сегамачо, — я долго не понимал, как преступник с одного удара со спины, из крайне неудобного положения, нанес смертельную рану.

— Вы думаете, что она подошла прямиком к столу. Съела ветчину из контейнера, а потом, когда осмотрелась, увидела сидящего на берегу рыбака. Вас она из-за куста не заметила. Взяла нож, который лежал тут же на столе, и приблизилась к Константину сзади, — подхватил мысль Гусева следователь.

— Да, примерно так. Котыч, услышав шаги, повернулся, может, даже спросил у нее что-нибудь, и в этот момент она неожиданно нанесла удар.

Сегамачо сделал паузу, так как просто не мог больше говорить, не восстановив сбившееся от нахлынувших чувств дыхание.

— Я думаю, нападала девушка не со спины, как мы первоначально думали, а спереди, и была прямо в незащищенное одеждой горло, — последние слова прозвучали так тихо, что следователю пришлось напрячь слух, чтобы их понять.

— А мотив? Какой был у нее мотив, чтобы напасть человека, который ей помог? — не согласился с ним Нестеренко. — Она же не больна на голову, чтобы убить человека просто так, без всякого повода.

«Мотив? — с ужасом подумал Сегамачо, которому вдруг за одну секунду все стало ясно — наверное, месть, — но тут же покачал головой, отгоняя нелепую идею, — не может же молодая девушка быть такой кровожадной?! Нет, нет! Здесь явная ошибка. Про нее Макарыч говорил, что самая обычная девчонка. Да и если мстить она надумала, надо было меня выбирать, а не Костю. Это я повел себя с ней по-свински», — Сергей Иванович еще раз покачал головой.

Но подозрение осталось. Оно, как яд, разъедало душу. Мужчина благодарно скосил глаза на куртку, все еще лежащую на заднем сиденье уазика, и тут же отвел глаза, стыдясь своего внезапного порыва. Нахлынувшие мысли казались ему настолько глупыми, что он решил о своей догадке пока никому не говорить.

— Наверное, есть вещи, о которых мы ничего не знаем, — вставил слово в разговор местный участковый.

«Точно. Макарыч прав. Какая месть!» — но легче от таких выводов Сегамачо не становилось. В душе продолжал расти ком сомнений, не давал дышать полной грудью, из которой в любую минуту мог вырваться крик отчаянья. Как ни убеждал он себя, что преступник другой человек, правда открылась ему во всей ужасной неприглядности. Он неожиданно понял, почему тяжелораненый Костик пополз в обратную от друга сторону. Даже в таком состоянии он пытался не получить помощь, а хотел защитить его, Сегамачо, от подобной участи. А еще он вспомнил свои размышления о маленьком росте убийцы. Это был еще один довод, что на Котыча напала женщина.

— Думаю, ты прав, — поддержал участкового Нестеренко. Ты, Петр Макарович, поезжай-ка к бабушке Надежды, выясни всю правду о ней. Мне кажется, старуха хитрит и что-то замалчивает. Вдруг наша девушка того, с головой не дружит, а мы тут версии всякие бессмысленные из пальца высасываем.

— Ой! Правда! — воскликнул Кирилл. — Бабка ведь все уши Толяну прожужжала, что ее внучка сильные таблетки пьет, которые нельзя мешать с алкоголем. Говорила, что той может крышу напрочь снести.

— Вот и выясни все сам. Степан, ты отправляйся с практикантом на место пропажи

Надежды. Оттуда попытайтесь вычислить ее лесной маршрут. Периодически докладывайте мне, как идут дела. А я здесь пока закругляться буду.

Все быстро двинулись к машинам, чтобы, не теряя времени, выполнить свои задания. Быстро шагал возбужденный Кирилл, опасливо проглядывая на поисковую собаку, бежавшую рядом с кинологом. Петр Макарович на ходу то жевал усы, то хмурил брови, то загадочно хмыкал. У него было ощущение, словно он что-то забыл, упустил в своем расследовании. Отогнав навязчивую мысль, участковый сосредоточился на ближайшей задаче и попытался представить, как будет разговаривать с плачущей бабой Аней и выпытывать у нее семейные тайны, о которых она хотела умолчать.

Понурился, пошел к Михаилу Максимовичу Сегамачо. Как медведь, косолапо загребая ногами, он едва двигался вперед, и только поставленная цель — дойти до криминалиста — удерживала его воспаленное сознание от полного отчаяния и не давала погрузиться в пучину горя.

Вовсю разгорелся теплый июльский денек. Яркое солнце слепило покрасневшие глаза и отдавалось болью в висках. Теплый ветерок шевелил остатки волос, иногда забрасывая их на лысину. Такой день хорошо провести на берегу озера, маясь от безделья. Просто валяться на траве, вытирая вспотевшее лицо рукой и прихлебывая холодный квас, дышать полной грудью, наслаждаться летом и ни о чем не думать. Но несчастный Гусев не замечал ни окружающей красоты, ни комара, что сидел у него на лбу и наливался кровью, ни корней под ногами, о которые он нет-нет, да и спотыкался.

Сегамачо не понимал, как его размеренная и спокойная жизнь так резко поменяла свой курс. Неужели только одна мимолетная встреча в лесу стала пропастью в его судьбе? Его разум не принимал этот факт, не желал с ним мириться.

— Ох, Наташка! Ты же у меня умница! Почему не сработала в этот раз твоя интуиция? Зачем ты отпустила меня на рыбалку — прошептал он, мечтая оказаться сейчас дома в уютной кухне в ту самую секунду, когда жена стояла к нему спиной и мешала половником в кастрюле.

Он остановился недалеко от Михаила Максимовича, так как чувствовал, что спазмы снова перехватили его горло, а рыдания рвались изнутри. Не хотелось возвращаться домой, говорить с людьми, отвечать на вопросы, терпеть шепоток сплетников у магазина и ловить косые взгляды. Да что говорить! Ему и жить не хотелось! Сегамачо уныло посмотрел на озеро. «Вот бы броситься в воду и не выплыть никогда!» — появилась и исчезла мысль. Смертная тоска так сжала сердце, что, казалось, оно разорвется сейчас на мельчайшие кусочки и разлетится в разные стороны.

— Сергей Иванович, — окликнул его криминалист и вывел из ступора, — ты чего так далеко стоишь? Если с другом хочешь попрощаться, тогда поторопись. Сейчас приедет скорая и увезет труп в морг.

Криминалист уже закончил сбор улик и теперь накрывал тело Костика брезентом, чтобы сохранить его до приезда «труповозки». Завершив свою работу, он выпрямился и посмотрел на Сергея Ивановича.

— Куда все так быстро разъехались? Что-то случилось? — спросил Михаил Максимович, кивнув в сторону стоянки машин:

— Да. Появилась новая версия, — Сегамачо глубоко вздохнул, чтобы привести горькие мысли в порядок, — помните, местный участковый разыскивал пропавшую девушку?

— Ну, да. Ночная ориентировка. А что с девицей не так? Труп ее нашли?

— Хуже. Кажется, это она и есть убийца.

— Что? Вы, наверное, шутите! — изумленно поднял брови Михаил Максимович и еще раз окинул взглядом тело, лежащее на траве. — Хрупкая девушка! Ножом! Большого мужчину, да еще и с одного удара! Поверить в это не могу. На чем основано подобное нелепое предположение?

— Пока это только версия. Оказалось, что она была одета в красную юбку, клочок которой я нашел здесь в зарослях малины. Полкан по ее следу и бегал по всему лесу. Девушка была вот на этом берегу, — Сегамачо для убедительности постучал ногой по земле, — подходила к нашему столу, потом к месту рыбалки и убийства Котыча. А след ее потерялся на соседней поляне в двух километрах отсюда. Причем шла она лесом, да еще и ночью, в темноте.

— А вы не думали, что она была только свидетелем, а потом от преступника скрывалась? Или вообще оказалась здесь случайно и не ночью, днем?

— Думали. Вот эти версии и поехали все проверять.

— Да, дела. А куда она потом исчезла, еще не выяснили?

— Пока нет, но следователь думает, что она села в машину к туристам, которые ночевали на соседней поляне, — ответил Сегамачо и хотел продолжить рассказ, но увидел, как на поляну въезжает скорая помощь, главная задача которой — перевозка трупов. Он судорожно вдохнул воздух и сказал, — я, пожалуй, с ними поеду. Кто-то же должен Костика до последнего дома сопроводить.

— Ладно. Только вы доложите Нестеренко, чтобы он вас не потерял, и оставьте свои координаты.

Сегамачо двинулся к узику Котыча, покидал в багажник рыболовные принадлежности, собрал палатку, сложил стулья и стол. Потом еще раз с горечью в сердце оглядел поляну. «Приеду сюда потом и положу венок, — мелькнула невзначай мысль, но тут же забыл о своем намерении. Он вообще не знал, что ему делать сейчас, куда двигаться и как жить. Мужчина посмотрел на Нестеренко и уже сделал шаг, чтобы рассказать о своем грехе и о том, что, может, это из-за него погиб страшной смертью Котыч, но тот разговаривал с врачами «труповозки». Момент опять был упущен, и совестливый порыв угас.

Сергей Иванович подождал, пока тело Костика санитары поместят в скорую, сел за руль и поехал следом.

Глава 35

Толян и компания

Петр Макарович подъехал к Васильевке, но так и не придумал, что скажет бабе Ане и как будет ее расспрашивать. Задача перед ним стояла нелегкая. Он тяжело вздохнул:

— Ладно, как-нибудь справлюсь.

Проселочная дорога плавно перешла в пыльную улицу. Утро было в полном разгаре. По деревянным тротуарам торопились по своим делам люди. Клавдия уже открыла магазин, возле которого стояла небольшая группа деревенских сплетниц. Они увидели подъезжающую машину и с любопытством разглядывали выглянувшего в открытое окно участкового.

— Что стоим, бабоньки? Кому на этот раз косточки перемываем? — поинтересовался Парфенов.

— А тебе, Макарыч, и перемываем. Ну, что там с внучкой бабы Ани? Нашли?

— Пока нет. Вызвали из района кинолога с собакой, сейчас она в лесу следы ищет.

Услышав разговор, из магазина выглянула пышногрудая Клавка. Она облокотилась на дверной косяк и молча слушала разговор. Рано утром она уже видела Макарыча у себя дома, а недавно в магазин заходила Варвара, соседка бабы Ани, которая рассказала не только о пропаже Надежды, но и о грабеже на даче и даже об убийстве. Все эти страсти произошли только за одну ночь. Варвара плакала от страха, что ее драгоценный бестолковый сыночек Толян окажется замешан в каком-нибудь преступлении.

— Темнят они с Юрком что-то, ох чувствую, что темнят, — шептала Варвара подружке, боязливо оглядываясь на дверь, в которую в любую минуту могли зайти покупатели.

— Почему ты решила, что они могут быть замешаны в преступлениях? — спросила ее Клавдия, распаковывая коробку с новым товаром.

Варвара не успела ответить, как прибыла машина с хлебом. Пока продавщица принимала товар и подписывала накладные, она присела на подоконник и погрузилась в горькие мысли.

— Варя, — окликнула ее Клавдия, раскладывая на полки только что привезенный хлеб, — очнись! Почему ты думаешь, что твой Толик замешан в преступлениях?

Запах свежей выпечки будоражил обоняние и приглашал к завтраку, но в то же время вызывал приступ тошноты. Не мешало бы поесть, но Варвара не могла проглотить ни кусочка: от бессонной ночи и переживаний у женщины пропал аппетит. Несчастливая мать, вырастившая такого желанного, но совершенно бесполезного сына, заплакала.

— Клав, все ведь на это указывает. Это они с Юрком Надежду в лес увели и там бросили. Их ночью Макарыч два раза допрашивал.

— Ну, и что. Подумаешь допрашивал! В кутузку же не увез?

— И вправду не увез. Спят сейчас в сарае, как младенцы, будто и не ходили никуда.

— Вот видишь. Если бы Петр Макарович заподозрил их серьезное участие в преступлениях, дома бы не оставил, с собой забрал. Какой вывод можно сделать?

— Какой? Я сейчас ничего не соображаю.

— Да простой. Твои дурачки — рядовые свидетели. Их, конечно, полиция еще не раз допрашивать будет, но в преступлении пока не подозревает. Иди домой, поешь и отдохни. Потом легче станет. А вообще, ну, что за молодежь пошла! Натворили делов и спят себе, а мать с ума сходит, — от возмущения всплеснула руками Клавдия и хотела еще что-то добавить, но дверь магазина открылась и на пороге появились первые покупатели.

Варвара махнула рукой подружке и пошла домой.

И вот теперь Клавдия стояла в дверях, слушала разговор Макарыча и окруживших его женщин и думала, во что выльется вся эта история. Участковый, заметив ее, кивнул, но спрашивать ничего не стал. Он сел в машину и поехал в сторону дома Варвары. Местные болтушки с любопытством наблюдали, к какой избе повернет уазик.

— Бабы, вы с магазин пришли что-то купить или поболтать? — окликнула их Клава, желая отвлечь внимание сплетниц от машины Макарыча. — Если хотите поболтать, то шагайте к остановке, сядьте на скамеечку и болтайте, а мне здесь нечего проходить загораживать.

— Ладно, Клав, ты не сердись. Сама понимаешь, таких случаев у нас в деревне еще не было, вот и болтаем, — миролюбиво ответила одна из женщин.

— Точно. Жалко же и бабы Алину внучку, и Юрка. Вон его жена как плачет! — поддержала ее другая.

— А Толика Нефедова не жалко? — все еще сердито проворчала продавщица и

развернулась, чтобы зайти в магазин.

— А что его, оболтуса, жалеть! Дерьмо, оно и есть дерьмо! Хоть бы его посадили, мать, не оглядываясь, пару лет поживет как человек, да и в деревне спокойнее будет.

— Ладно, прекращайте разговоры, не ваше это дело! — сердито прикрикнула еще раз на женщин Клавдия. — Становитесь в очередь. Кто первый?

Петр Макарович притормозил у забора бабы Ани. Машину поставил в тени раскидистого дуба, который вытянул свои ветви на дорогу. День обещал быть жарким, садиться в душный и прогретый солнцем уазик не хотелось. Участковый не успел постучать в калитку, как дверь сразу открылась. Старушка с надеждой смотрела на него, прикрывая ладонью глаза от солнца.

— Ну, что, Макарыч? Нашли мою Надюшку?

— Пока не нашли, баба Аня, но точно могу сказать, что еще ночью она была жива.

— А ты почему тогда ее не ищешь?

— Тут дело такое, Анна Васильевна, — официально обратился к бабке участковый, — поговорить мне с вами надо.

— О чем? Ты вон Толяна с Юрком пытай, а я ничем помочь тебе не могу, — набросилась на него баба Аня.

— С мужиками я уже разобрался, а вот с вами еще не все вопросы раскрыл. Вы позволите пройти?

— Что-то мне милوک страшно стало. Ты чего, как неродной, ко мне обращаешься? Я же тебя с малых лет знаю. Ну, проходи, коли надо, — баба Аня раскрыла пошире дверь и пригласила Макарыча в дом.

Не успел участковый дойти до крыльца, как во двор вбежала, тяжело дыша, Варвара.

— Петр Макарович, как дела? Что-то новое узнали?

— Заходи, соседка. Макарыч поговорить со мной задумал, наверняка, я главный убивец, — горько пошутила бабушка, — мне одной страшно с ним оставаться, вдруг новость плохая совсем меня доконает.

Участковый тяжело вздохнул, но согласился, что во время его разговора с бабой Аней будет присутствовать соседка. С одной стороны, это хорошо: если со старухой случится приступ, будет рядом помощник. А с другой — дерьмово. При чужом человеке бабка может не захотеть раскрыть всю правду о своей внучке.

Они прошли в дом. Участковый огляделся. Обстановка скромная и ветхая. Одну стену занимала древняя печь, через закопченный бок которой тянулась большая трещина. У окна расположился колченогий стол, покрытый цветастой клеенкой с круглым прожженным пятном в центре. Видимо, кто-то поставил на него кастрюлю или чайник, забыв подложить защиту. Рядом стояли три табуретки, краска на которых давно облупилась и висела ключьями. В стене напротив зиял дверной проем, наполовину закрытый ситцевой шторкой.

«Со всем бабка обнищала, — подумал участковый, посмотрев на бедное убранство дома, — и помочь некому. Надежда — молодая девка, но, кажется, на бабушку ей наплевать». Он достал свою папку и занес в блокнот напоминание, чтобы рассказать о бедственном положении старухи главе деревни, а тот уж поймет, как организовать помощь.

— Прходи, Макарыч, садись. Что узнать у меня хотел? — бабка засуетилась, обмахнула по старинке сиденье табурета и поставила его перед Парфеновым. Может, чай будешь?

Участковый с опаской сел на предложенную табуретку, которая угрожающе заскрипела, посмотрел на грязный чайник и мутные стаканы и отказался от угощения. Варваре

приглашение было не нужно. Она села напротив участкового и обратилась во внимание.

— Баба Аня, ты только не волнуйся, но мне нужно, чтобы ты в подробностях рассказала мне о своей внучке.

— А что еще надо? Я уже все рассказала, о чем ты спрашивал.

— Здесь такое дело, что поисковая собака, которую мы вызвали из района, обнаружила следы твоей внучки на месте убийства рыбака, — как ни пытался Макарыч, смягчить информацию, она прозвучала для бабки, как гром с ясного неба.

— Какого убийства? — побледнела Анна Васильевна и схватилась за сердце.

Варвара забежала по кухне, открыла маленький холодильник, заглянула в комнату. Наконец она нашла флакон с корвалолом и быстро стала капать настойку в стакан. Она с жаром набросилась на Макарыча, обвинив растерявшегося мужчину в бестактности. Когда баба Аня немного успокоилась, наступила неловкая пауза. Участковый смотрел на двух расстроенных старых женщин и не знал теперь, как начать разговор. Тишину нарушила баба Аня.

— Я знаю, Макарыч, о чем ты меня хочешь расспросить, — тихо сказала она, — я расскажу тебе мою историю, только спаси внучку, она ни в чем не виновата.

Глава 36

Максимовы

— А-а-а! — раздался нечеловеческий крик.

Светлана даже не поняла, что кричит она сама. Рванулась, пытаясь со своего сиденья достать дочь и защитить. Чирк... на ладони опять появилась красная полоса. Это Надежда бездумно размахивала скальпелем, который был у нее в правой руке, а в левой она, как трофеей, держала золотистое колечко волос.

Завизжали тормоза. Машина закрутилась по шоссе. Николай снова вцепился в рулевое колесо, которое на мгновение выпустил из рук, пытаясь справиться с управлением. В ушах звенел дикий вопль жены. Что-то случилось с глазами: пространство преломлялось, взрывалось в голове черно-зелено-золотыми всполохами. Дорога казалась темно-серым пятном. Навстречу летящие машины — разноцветными молниями. Отчаяние душило мужчину, туманило разум, не позволяя принимать быстрые и правильные решения. Пытаясь выровнять машину, Коля совершал одну ошибку за другой. В опасности жена и дети, а он воюет с проклятой машиной и не может справиться с ее ходом!

Руки двигаются автоматически. Поворот. Занесло. Выровняло. И снова: поворот — занесло — выровняло. За окном мелькали встречные автомобили, испуганно шарахающиеся в сторону. Впереди — пост ДПС. Это шанс. Спасение. Скорее мимо него. Есть надежда, что полиция бросится догонять. Краем глаза — жена. Она трясущимися руками, с которых капает кровь, развязывает тяжелый узел. Умоляющий голос просит:

— Пожалуйста, возьмите мои волосы. Они лучше. Смотрите, какие длинные.

Роскошная темная копна легла на спинку сиденья. Страх. Почти физический, осязаемый страх. В груди все сжалось и затряслось мелкой дрожью. Но еще больший страх за детей. Разве можно в такой момент думать о себе?

Света еще сильнее откинула назад голову и не видела, как Надежда бросила вниз светлое колечко. Оно упало на макушку Антону, да так и осталось лежать золотое на черном. Светлана почувствовала, что сумасшедшая взяла в руки прядь ее волос, погладила. Перебрала пальцами. От страха и ожидания боли вибрация изнутри пошла наружу. У женщины тряслось все тело: стучали друг о дружку зубы, руки, сначала лежащие неподвижно на

коленях, теперь ходили ходуном, а от них дрожали и ноги.

— Так. Так, — приговаривала Света, регулируя действия девушки, — видите, какие волосы красивые, гладкие, шелковистые.

Она почувствовала, как Надежда натянула прядь. Отрезала, зацепив острым краем кожу.

— Хорошо. Продолжайте. Мне не больно, — как автомат говорила Светлана.

«Пусть режет, если ей так хочется, волосы отрастут. Еще краше будут», — в висках билась мысль. За ними слышался вой полицейской сирены. Кажется, там даже не одна машина. Громко плакали дети. Сбоку — сморщенное, залитое слезами лицо мужа. Скулит собака. Облегчение, значит, все еще жива. Дрожащий голос Коли:

— Девушка, мы уже в городе. Можно вас высадить?

— Не хочу.

И снова. Натянула прядь волос. Отрезала, опять зацепив кожу. По виску уже спускалась тоненькая струйка крови. Капля упала за шиворот. За ней — другая. «Что делать? Думай, Света, думай!» И вдруг она слышит голос мужа, спрашивающего девушку:

— Мы здесь живем, в этом городе. Нам больше ехать некуда. Пойдете к нам домой?

— Есть хочу, — отрывисто проговорила Надежда, все еще разглядывая прядь отрезанных волос.

Озарение. Это же наш шанс.

— Вот и отлично. Мы вас накормим, — подхватила идею мужа Света, — только у нас ключи лежат у родителей. Надо позвонить. Вы не будете возражать, если муж остановит машину. В шуме разговаривать неудобно, — слова едва вырываются из сведенного спазмом горла. «Только бы не догадалась, что обманываем!»

— Н-е-е-т, — протяжно ответила девушка и снова занялась волосами. Натянула. Чирк. Отрезала.

Запоздалая мысль: «Я же останусь без волос!» А следом другая: «Ну и черт с ними Жизнь детей дороже»

— Коля, останови машину, — быстрый взгляд в заднее стекло — там приближались несколько полицейских автомобилей. — Вы мне позволите выйти?

Молчание. Света замерла в ожидании.

— Тетенька, отпусти маму. Я тебе палочку постругать дам, — вдруг услышала Света дрожащий голос Антона.

Она скосила глаза, боясь повернуть голову: как волшебник из сказки, Антон вытащил из-под папиного кресла палочку, которую еще на поляне спрятал там. Сначала мальчик хотел выстругать дудку из этого кусочка дерева, а потом решил, что из камышей дудка получится лучше. Так палочка и осталась лежать на своем месте, а сейчас оказалась как нельзя кстати.

Надежда взяла палочку в одну руку, другой все еще сжимая Светины волосы. Посмотрела. Заинтересовалась, и вдруг Света почувствовала, что давление прекратилось и ее голову уже ничто не удерживает. Она осторожно оглянулась.

На полу — съездившийся Антон, обнимающий трясущееся тельце собаки. Кровь везде: на его руках, покрывале, кресле Варечки и даже на ее платье. На головке дочери отрезан большой клочок волос, видна красная царапина. Девочка уже не плакала, лишь изредка истерично всхлипывала и прижималась к окну, чтобы быть подальше от странной попутчицы. Увидев, что мать смотрит на нее, Варечка взмолилась:

— Мамочка, миленькая, я хочу к тебе.

Сердце сжалось от сострадания и боли:

— Солнышко, потерпи еще немножко. Я сейчас приду.

Машина плавно затормозила у обочины. Совсем рядом были здания, какие-то заводские постройки. На огромной территории, огороженной невысоким забором, передвигались машины и люди, но бедным Максимовым мирная жизнь, которую воплощали эти дома, казалась недостижимым счастьем.

Коля горящими, провалившимися глубоко в глазницы от пережитого стресса глазами вопросительно посмотрел на жену, потом на Надежду. Та занималась палочкой и не обращала на них внимания. Света осторожно открыла дверь и вышла на воздух. Сзади притормозили два полицейских автомобиля, и только сейчас она услышала, как в микрофон мужской голос произносил одни и те же слова:

— Водитель автомобиля Е 742, прижмитесь к обочине. Водитель автомобиля Е 742, прижмитесь к обочине.

Из машин стали появляться вооруженные люди. Кто-то был в форме, а кто-то одет обычно. Они бежали к ней и требовали, чтобы женщина положила руки на капот. Света посмотрела на них удивленно и медленно, как во сне, обошла вокруг Нефертити, чтобы вытащить наружу Варечку. Она не успела открыть дверь, как сзади ее схватили люди в форме и прижали к автомобилю. Света видела боковым зрением, что другой полицейский резко дернул ручку передней двери. Но та распахнулась без его усилий, так как изнутри показался Коля. Мужчина хотел встать, но внезапно схватился за сердце и стал оседать на землю. Полицейский, оказавшийся рядом с ним, подхватил его под руки и аккуратно положил рядом с автомобилем.

— Коля! Коля! — рванулась к мужу Света, но крепкие руки удержали ее на месте.

— Мама, мама, — истошно закричала Варя и опять зашлась криком.

— Отпустите меня! Вы не видите, моему мужу плохо? — при этих словах хватка держащих ее рук ослабла. Женщина повернулась и увидела, что ее держал совсем еще молоденький паренек. Он удивленно и с ужасом разглядывал ее голову с кровавыми проплешинами и не знал, как себя вести. Света неожиданно узнала юношу. Именно он был водителем полицейского автомобиля, который навестил их утром у озера.

— У нас в машине сумасшедшая женщина, — взмолилась Света. — Она угрожала нам острым предметом. Надо вызвать психиатрическую скорую помощь, — тихо, без эмоций сказала Света полицейскому.

— Это нас нужно спасти! — истерично выкрикнул Николай, приподняв голову, а потом вдруг захлебнулся криком и тяжело закашлялся. Пожалуйста, — уже едва слышно произнес он, — вытащите детей из машины. Вы же нас видели на поляне у озера. Мы не преступники. Сумасшедшая дура у нас в машине.

— Малышко, отпусти туристов, — наконец принял решение один из полицейских, — Никита, помоги выйти из машины детям.

Света бросилась сначала к мужу. Она видела, что состояние Коли очень плохое. Кто-то из мужчин протянул ей походную аптечку. Женщина лихорадочно открыла ее и стала перебирать в ней лекарства, ни ничего, кроме корвалола и нитроглицерина не нашла. Схватив пузырек, она быстро накапала прямо в пробку лекарство и поднесла его к губам мужа.

— Ну и гадость! — поперхнулся Николай. — Дай хоть воды запить!

Тут же услужливые руки протянули бутылку с водой. Когда Коля запил, Света сунула

ему под язык таблетку. Пока женщина суежилась рядом с мужем, оперативник наклонился и заглянул в машину. То, что он там обнаружил, повергло его в шок. Салон роскошного автомобиля был забрызган мелкими алыми каплями. Со спинки водительского кресла свисала разорванная обивка. У второго сиденья отсутствовал подголовник. На полу валялись окровавленные салфетки. В детском кресле сидела маленькая девочка, на голове которой появился кратер из-за вырезанного клока волос. На месте образовавшейся маленькой лысины кожа была покрыта кровавой корочкой. Светлая головка с этой стороны приобрела бурый оттенок.

На полу полулежал мальчик лет десяти, который грязными руками прижимал к себе маленькую, жалобно скулящую собачку, завернутую в полотенце, пропитанное кровью. Его лицо и одежда были усыпаны темными волосами, а на самой макушке красовалось золотистое колечко.

В углу машины сидела молодая девушка. Одна рука у нее была забинтована, а на коже другой зияла окровавленная рана, похожая на укус. Но незнакомка не обращала внимания ни на голову полицейского, недоуменно разглядывавшего ее, ни на свои раны. Она сосредоточенно и так увлеченно водила маленьким скальпелем по длинной палке, что ее юбка, сиденье, ножной коврик были покрыты мелкими колечками стружки.

Когда голова оперативника показалась на свет, все увидели, что его лицо побелело, а губы сурово сжались. Он обвел глазами окружающих и остановил взгляд на Свете.

— Что вы сказали нужно вызвать?

— Скорую психиатрическую помощь. Я сама позвоню. Вы не сможете объяснить ситуацию. Я врач.

— Ок, звоните. Только я не уверен, что в этом маленьком городке есть специализированная служба. Вы и ваш супруг тоже нуждаетесь в помощи, — он посмотрел на голову Света, где клочьями были вырезаны волосы, а струйка крови из царапин окрасила шею и край футболки.

— Я в порядке, — равнодушно произнесла Света, поймав его взгляд, — надо ее, — она кивнула в сторону салона, — вытащить из машины и изолировать. Насильно вам ее не одолеть. Надежда не контролирует себя, когда чувствует опасность. А в ее руках, видите, скальпель.

— Как он у нее оказался? — удивленно поинтересовался Малышко, который тоже заглянул в салон автомобиля.

— Об этом позже, — отмахнулась от него Света, — помогите мне достать сначала детей, только, умоляю, делайте это осторожно, у девушки нестабильная психика. Ее поведение меняется мгновенно. Даже не заметите, как это произойдет.

Первую достали Варечку. Девочка повисла у матери на шее и не хотела ее отпускать. Света гладила ее по голове, утирала слезы, но напряжение не отпускало ее. Оперативники осторожно вытащили детское кресло. Надежда не обращала внимания на суету вокруг нее и сосредоточенно строгала палку.

Пришла очередь Антона. Малышко засунул голову в салон и протянул руки к собачке, желая сначала вытащить ее. И тут началось что-то странное.

— Нет! — не своим голосом закричал Антон. — Не трогайте Чапку!

Оперативники в ужасе замерли и посмотрели на Надежду: нет ли признаков активности. Но та по-прежнему отрешенно строгала палку.

— Я только хочу помочь, — растерялся Малышко и потянул на себя полотенце.

— Нет! Уйдите! — яростно отбивался мальчик одной рукой. Он схватил оперативника за рукав и дернул его с такой силой, что тот повис на нитках.

Малышко вылез наружу. Вид у него был потрепанный.

— У меня ничего не получается. Помогите, — обратился он к Свете.

— Сынок, пожалуйста, выходи, — взмолилась мать, — с нами все в порядке. Нужно и Чапку перевязать, и папа хочет тебя видеть.

Мальчик посмотрел на мать, потом на попутчицу.

— А с ней что делать?

— Теперь с ней взрослые будут разбираться.

— У нее же скоро палочка закончится, — прошептал мальчик и показал глазами на Надежду.

Действительно, от хорошей ветки остался лишь маленький хвост с остро заточенным концом. Девушка сосредоточенно продолжала строгать, при этом снова, как и полчаса назад, когда она протирала сиденье, шевелила губами.

«Считает, опять считает, — подумала Света, — пусть лучше так сидит», но вслух сказала другое:

— Вот ты и найди ей новую. Пока она строгает, мы можем слегка расслабиться. Антон выбрался сам, но Чапку из рук не выпустил. Ребенка отвели в сторону и посадили так, чтобы он видел родных.

Света наконец вздохнула полной грудью. Она держала в руках телефон и молилась, чтобы номер скорой совпал с общероссийским — 103. Модная тенденция последнего времени — заводить в любой службе специальные call-центры — иногда шла во вред людям. Появлялось обезличивание. Человек, ответивший на звонок, мог находиться в другом городе и не имел представления о местности, куда нужно направить скорую, полицию или такси. Операторы этих центров, чтобы вовремя выслать помощь, требуют точный адрес. А как объяснить, где ты в этот момент находишься, если ты проезжий!? Света даже названия населенного пункта, на подъезде к которому они остановились, не знала.

Набрав 103, Света с замиранием сердца ждала гудков. Ответили сразу, и женщина облегченно вздохнула.

— Скорая, — ответил звонкий женский голос, — что у вас случилось?

— Пожалуйста, приезжайте. Только мне нужны две машины: одна для оказания помощи психиатрическим больным, а вторая для сердечников.

— Что с нервно-психическим пациентом? Он ведет себя неадекватно, буянит?

— Нет. Это молодая девушка, сейчас она спокойна.

— Почему тогда вам нужна психиатрическая скорая?

— Я врач. Состояние больной нестабильно и меняется каждые пять минут. Девушка сидит в машине, но вытащить оттуда мы ее не можем, — Света чувствовала, что уже теряет терпение.

— Кто мы? Говорите яснее.

— Какая разница, кто? Нам нужна помощь. Я врач. У меня в данный момент на руках муж с сердечным приступом и сумасшедшая, которая угрожает моим детям ножом, — Света уже почти кричала от переполнявшего ее возмущения.

Полицейский, стоящий рядом, видел, что у женщины начала мелко подрагивать рука, в которой был телефон, губы кривились, слова с трудом вылетали из сведенного спазмом горла, глаза наполнились влагой. Он решительно забрал мобильный из ее рук.

— Я Михаил Чернов, оперуполномоченный следственной группы, выехавшей на преступление. Почему вы задаете так много лишних вопросов? Срочно пришлите скорую, любую. Здесь в помощи нуждается женщина, ее муж и дети.

— Я просто уточняю, какую машину к вам направить, — огрызнулся звонкий голос.

— Пока вы уточняете, больной может умереть, — не сдавался оперативник.

Все остальные молча наблюдали за диалогом. Подъехала еще одна машина ДПС. Теперь рядом с «Нефертити» Максимовых стояли уже три бело-синих машины с красными мигалками на крышах и около десяти полицейских. Такая масса автомобилей отчасти перекрыла движение на дороге. Пока еще транспортный поток медленно, объезжая их, но все-таки продвигался к городу. Из окон выглядывали любопытные водители, спрашивали, что случилось и не нужна ли помощь. Сотрудники ДПС отрицательно кивали головой и взмахом жезла провожали машины дальше. Однако, если скорая задержится надолго, вот-вот мог возникнуть затор на шоссе.

— Извините, диктуйте адрес, — сменил гнев на милость звонкий голос в трубке.

— Мы находимся на въезде в Зеленогорск со стороны озера Лесное, недалеко от поста ДПС, — ответил Михаил.

— А точнее нельзя сказать?

— Точнее нельзя. Могу вас связать с районным начальством, оно объяснит, что к чему, подробнее, — Михаил чувствовал, что говорит язвительно, но ничего не мог поделать со своим тоном, уж очень его разозлила медлительная сотрудница.

— Скорая выезжает. Будет у вас примерно через пятнадцать минут, — ответили на другом конце провода.

— Ну, слава богу! — выключил телефон оперативник. — Пятнадцать минут мы как-нибудь продержимся, — он на секунду замолчал, все еще переживая диалог с диспетчером скорой, а потом в сердцах воскликнул, — нет, бывают же такие курицы!

Света тоже вздохнула спокойно. Еще немного потерпеть, и они отправятся домой. Лишь бы с Колей все было в порядке. В крайнем случае задержатся на недельку в этом городке. Наверное, здесь есть какая-нибудь гостиница. Она обеспокоенно посмотрела на Николая. Тот лежал, закрыв глаза, и даже постанывал. Белое лицо сморщилось, вокруг глаз появилась тень, синюшными стали и губы. Пальцы по-прежнему поглаживали грудь в области сердца. Дышал он часто, но поверхностно, боясь, что глубокий вдох вызовет новый приступ острой боли.

Света отодвинула Варю, которая стояла, вцепившись в ее ногу, и не желала ее отпускать, и присела рядом с мужем. Она взяла его ладонь и слегка пожала. Коля открыл глаза, в них было столько страдания, что жена чуть не расплакалась.

— Потерпи, родной, немного, скорая вот-вот приедет.

— Простите, — окликнул ее Михаил, который среди оперативников, видимо, был за старшего, — как, вы сказали, ее зовут? — он выразительно кивнул в сторону распахнутой двери машины.

— Надежда. Во всяком случае, так она назвалась.

— Малышко, — обратился молодой человек к напарнику, — ты не помнишь, как звали пропавшую девушку?

— Нет. Никто имя ее вроде не называл.

— А как она у вас в машине оказалась? — продолжал допрос Михаил.

— Она вышла на ту поляну, где мы ночевали, и попросила ее довезти до деревни

Васильевка, мы и согласились. Я, конечно, не хотела ее брать, но она выглядела такой жалкой: грязная, поникшая, с порезанным предплечьем, — при этих словах оперативники переглянулись, а Никита даже нагнулся и посмотрел в салон машины. Света замолчала и растерянно уставилась на них.

— А как она себя вела?

— Сначала обычно, только молчала, но я все равно заподозрила неладное. А потом на нее напал Чапка, и тут все завертелось. Ребята, а кто она? — уже шепотом спросила Света.

— Кажется, это именно она убила рыбака, а, возможно, и на дачу залезла. Видишь, Малышко, юбка у нее того же цвета, что и лоскуток, найденный в малиннике, — предположил Михаил.

— О боже, ужас! — воскликнула Света.

— Малышко, — услышала она голос оперативника, — сообщи Нестеренко о том, что мы поймали преступницу, но пока не обезвредили. Ах, да! У них же связи нет, — вспомнил он.

— Так я могу съездить, — рванул к машине паренек.

— Погоди ты, здесь же не близко. Пока туда-сюда ездить будешь, много времени пройдет. Местные ДПСники своим уже сообщили, а те, наверняка, передали информацию уголовке. Так что все уже в курсе наших дел, скоро сюда много гостей нагрянет. Позвони лучше участковому. Он должен знать, что его односельчанка натворила.

Издали донеслась сирена скорой. Мужчины посмотрели вдаль и увидели приближающуюся белую машину с красным огоньком на крыше. Чтобы помощь могла быстро добраться до них, сотрудники ДПС заранее позвонили начальству, согласовали с ним свои действия и сделали «зеленый коридор». Несколько человек в форме разгоняли любопытных, которые стекались к месту происшествия из остановившихся автомобилей.

Вскоре во все концы шоссе начала выстраиваться очередь из машин.

Глава 37

История Надежды

Варвара удивленно подняла глаза на старуху, потом перевела взгляд на участкового и с размаху села, опустив тяжелые руки на колени. Она вдруг поняла, что прожив бок о бок несколько десятилетий с бабой Аней, ничего не знает о ее жизни.

— Соседка, ты помнишь Маринку? — начала рассказ старуха.

— Как не помнить! Она ведь только лет на пять старше моей дочери. А что с ней не так? Красавица была, все парни в нашей деревне на нее заглядывались.

— Ты, баба Аня, ближе к Надежде историю рассказывай, — тихо напомнил женщинам о своем присутствии участковый.

— Так я и рассказываю. Если про родителей ее не поведаю, всю горечь беды не узнаете, — ответила старуха и продолжила. — Вышла дочка замуж, да неудачно. Муж ее, Андрей, зависимый к водке оказался. Марина что только не делала: и кодировала его, и ампулу зашивала, и лечила везде, и к знахаркам водила — ничего не помогало. Он каждый день пил. Дочка разыщет его под каким-нибудь забором или в канаве, домой притащит — они в городе жили, поэтому в деревне у нас никто и не знал — отмоет, отстирает, утром выпустит на работу, а вечером опять ищет.

— Так Надюшка не сразу родилась?

— Нет. Маринка детей не хотела. Все о своем алкоголике ненаглядном думала. Когда узнала, что беременная, хотела аборт сделать, врачи посоветовали. Мол, нездоровая

генетика, ребенок больным может родиться.

— Почему же аборт не сделала? — спросила бабушку Варвара.

— Да, случайно. Пока с Андреем возилась, все сроки вышли: ничего сделать нельзя было. Но Надюшка ладным ребеночком родилась, здоровеньким. Да и дочка с ее появлением оттаяла, переключаться стала. Пропала ее одержимость мужем. Я было понадеялась, что у Маринки жизнь наладится, а тут новая беда приключилась. Андрей решил, что это не его ребенок, и стал просто изводить Марину. Как напьется, так и устраивает разборки. Я тогда Надюшку к себе забрала, чтобы она этого ужаса не видела.

— Понятно, почему она у тебя жила. А я все удивлялась, что твоя дочь такая бессовестная, больной бабушке внучку подкинула, а сама не показывается.

— Так это еще не все. Слушайте дальше.

— Самая страшная беда случилась, когда Наде исполнилось пятнадцать лет. Она поехала погостить к матери, думая, что Андрей в это время лежит в очередной больнице. Но тот оказался дома. Появление Нади сработало на него, как красная тряпка на быка. Он начал скандалить, обвиняя мать в измене. Андрей полез к дочери с кулаками, Маринка, защищая ребенка, схватила с плиты сковородку и огрела мужа по голове.

— Что!?! — ахнули одновременно соседка и участковый.

Макарыч, внимательно слушавший сначала монотонный рассказ старухи, к этому моменту потерял концентрацию: сказалась бессонная ночь, да и немолодые уже годы. Услышав слово «сковородка», он встрепенулся. Это тройное дело, как паутина, было соткано из невероятных совпадений, и он уже несколько часов думал о том, что так в жизни не бывает. Конечно, он знал о законе парного случая, но то, что происходило на его участке этой ночью, было явным перебором.

— Маринка мужа убила, что ли? — закричала ошарашенная соседка.

— Нет, только ранила. Вызвали скорую и полицию. Его отвезли в реанимацию, а дочку в кутузку. А теперь представьте, что чувствовала девочка, на глазах у которой произошло это событие! — баба Аня горько заплакала.

Слезы катились по морщинистому лицу сплошным потоком. Старая женщина вытирала их сначала рукавом, потом Варвара сунула ей вафельное полотенце. Бабушка спрятала в него лицо и несколько минут пыталась унять горькие спазмы, которые просто душили ее.

Участковый вышел на крыльцо и закурил. Он размышлял о только что услышанном рассказе, который, кажется, еще не закончился, вспомнил свою дочь и ее удачное замужество.

— Вот оно как еще в жизни случается! Неисповедимы твои пути, Господи!

Макарыч затушил сигарету в жестяной миске, стоящей на крыльце, потом вдруг сообразил, что это кормушка огромного рыжего кота, вальяжно развалившегося на перилах. Кот небрежно возил по доскам пушистым хвостом и наблюдал за мужчиной.

— Прости друг, я тебя не заметил. Я для тебя новую миску принесу, не обижайся, — виновато пожал плечами участковый и вошел в дом.

Баба Аня уже немного успокоилась, тяжелые рыдания притихли. Она только всхлипывала и шмыгала носом. Жилистые руки, все в старческой гречке, теребили край полотенца. Она посмотрела на участкового:

— Ну, что, Макарыч, дальше рассказывать или не надо?

— Говори, я чувствую, что еще много узнаю. Как давно произошла эта трагедия?

— А ты посчитай. Наде было тогда пятнадцать лет, а сейчас — двадцать семь.

— Значит, дочь у тебя уже свой срок за нападение отсидела?

— Нет еще, — тихо ответила старуха.

— Как нет? Она мужа убила, что ли?

— Да. Он только три дня пожил в реанимации, а потом умер от кровоизлияния в мозг.

Мы с Надюшкой к матери в тюрьму ходили, только та отказывалась с нами встречаться.

— Почему?

— Не могла себя простить за случайный порыв. А еще, — баба Аня немного помолчала, — винила дочь и не хотела ее видеть.

— Господи, — вырвалось у Варвары, — а Надюшка тут каким боком? Чем ей дочь не угодила? Надо было своего алкоголика винить, а не девчонку!

— Я же говорила, что она любила его очень. Как одержимая была, только что не молилась. А тут, своими руками угробила. Девочка очень тяжело переживала. Она у меня жила. Запираться стала, везде видела врагов, иногда кричала, будто на нее напал кто-то. Бывало, зайду в комнату, а она сидит и в стенку смотрит. Меня заметит и визжит на одной ноте. Я пытаюсь обнять ее, плачу, зову ее. Она же, — баба Аня замолчала, пытаюсь подавить новый спазм, подкативший к горлу, — как зверек, затравленный собаками, руки выставит перед собой, пальцы скрючит, будто защищается. Были бы ногти длинные, так и вцепилась бы мне в лицо. Затем вроде отойдет, ко мне бросится, а через какое-то время опять в углу застынет.

— Надо было к врачам обратиться, — вставил слово участковый.

— Я пошла в поликлинику, но только не сразу, — едва слышно проговорила бабка, потом, будто собралась с духом и продолжила, — долго сама с бедой справлялась. Да и Надюшка скоро отошла немного. Такие приступы стали все реже. Я уж думала, что она выздоровела, но болезнь, как мне потом врачи сказали, просто ушла в глубь мозга.

— Ужас! — вскрикнула опять Варвара и закрыла рот двумя ладонями. Ее глаза наполнились слезами. — Ох, баба Аня, я и не знала, что тебе такое пришлось в своей жизни пережить. Как же ты, бедная, страдала.

— И что дальше было? Почему вы к врачам обратились?

— Это не я в больницу пошла. Судьба Надюшку туда направила. Она к тому времени уже выучилась на парикмахера, в салоне работала. Конечно, я не о таком для своей внучки мечтала. Она же в школе хорошо училась, думала, врачом или бухгалтером станет. А после этих событий перестала на нее давить. Решила, как богу будет угодно, так и хорошо. Однажды она стригла мужчину. Срежет прядь, отойдет, полюбуется, и снова режет. В очередной раз посмотрела на дело своих рук и говорит клиенту:

— У вас уши кривые, может, и их подровнять?

Клиент думал, что красивая девушка пошутила, поэтому смело ответил:

— Правда? Ровняй, красавица, если так лучше будет.

— А что Надя? — замерла соседка и посмотрела на бабку круглыми от переполняющих ее чувств глазами.

— Надя и подровняла. Пол-уха у мужика оттяпала. Инструменты же острые! Что тут началось! Клиент кричит, кровь хлещет, сотрудники носятся, а внучка стоит с ножницами в руках и счастливо смеется. Приехала скорая и милиция. Забрали обоих: и раненого клиента и Надю. Потом внучку определили на лечение. Вот с того дня она полжизни проводит в больнице, а вторую половину — дома.

— Когда она последний раз из больницы вышла? — уточнил участковый.

— Так два дня назад и вышла. Врач меня предупредил, что те лекарства, которые Надя принимает, нельзя мешать с водкой. Иначе у нее опять крышу снесет.

— А какой диагноз ей поставили?

— Шизофрения. Так и сказали, что на плохую генетику со стороны отца, у Андрея то ли тетка, то ли другой какой-то родственник этой болезнью страдал, наложился его же алкоголизм. Плюс — стрессовая ситуация: девочка увидела, как мать убила отца, защищая дочь. Все эти... как их? А, факторы, соединились, и глубоко дремавшая болезнь проснулась.

— У шизофреников обычно есть галлюцинации, — проявил осведомленность Макарыч, — что видит Надежда во время приступа?

— Я не знаю, когда приступ проходит, она ничего не помнит. Но врач говорил, что у нее обостренное чувство самозащиты. Если она что-то и делает во время приступа, то только для того, чтобы защитить себя. Во время приступа она может даже убить. Врачи мне велели следить за не день и ночь, но как я, старуха, справлюсь с молодой девушкой!

— Как Надежда ведет себя в период покоя? — продолжал расспрашивать участковый.

— Милая и хорошая девочка. Мне помогает, ластится все время, угождает. А как она будет себя вести во время приступа, я не знаю, ни разу не видела.

Макарыч записал рассказ бабы Ани. Он встал, посмотрел на часы и уже хотел выйти, но старуха вцепилась в него и не пустила.

— Петруша, миленький, я тебе все, как на духу поведала. Я ты почему молчишь? Можешь мне сказать, что моя внучка натворила?

— Не могу пока, баба Аня. Я еще точно и не знаю. Я обязательно тебе сообщу, как добуду больше информации. Варвара, ты присмотри тут за ней, — он кивнул в сторону поникшей бабки, — и не болтай по деревне то, что здесь услышала. Поняла?

— Не бойсь, Макарыч. Я и сама в шоке. Обдумать все надо.

— Вот и думай, только про себя. Языком не мели. Договорились?

Телефонный звонок он услышал, когда уже подходил к машине. В трубке раздался возбужденный голос оперативника из группы Нестеренко.

— Ты, малец, подожди, не части, — попытался остановить поток слов Макарыч, — расскажи все по порядку. Вы кого нашли? Надежду? — выкрикнув эти вопросы, участковый тревожно оглянулся: не слышит ли его баба Аня.

Дальнейший рассказ он слушал молча, лишь изредка прерывал Малышко, задавая уточняющие вопросы и сам отвечая на вопросы оперативника. Через пять минут разговора Макарыч завел машину и направился к трассе, постоянно покачивая в недоумении головой. Одной рукой он крутил руль, а другой набирал номер Кирилла: надо было узнать, что обнаружила поисковая собака.

— Да! — раздался в ухе громкий голос практиканта. — Петр Макарович, это вы?

— Ну, а кто же еще? Как там у вас дела?

— Все, как мы и предполагали. Мы поехали сначала на пляж. Полкан сразу взял след и провел нас практически по всему маршруту Надежды. Девушка побывала во всех местах, где было совершены преступления. Я думаю, что не простое совпадение. Конечно, еще полностью нельзя исключить случайность, но больше вероятности за то, что именно она и является нашим преступником. Девушку мы не обнаружили. Ее след так и потерялся на поляне, где отдыхали туристы.

— Ясно, только вот уже предположения все подтвердились, — ответил Макарыч, — Наша Надя попросила семью подвезти ее до Васильевки. Они, ничего не подозревая,

посадили ее, но в пути на девушку набросилась собачка, которая была с ними.

— Ужас! — возмутился Кирилл. — Она убила еще и собаку?

— Хуже. Дворняжку она только ранила, но животное спровоцировала у девушки новый приступ агрессии. Надя нашла в автомобиле скальпель и начала все крушить.

— Она что, совсем ненормальная?

— Да. Надежда больна. Когда чувствует опасность, впадает в безумие и начинает себя защищать. Я только закончил беседовать с ее бабушкой.

— Тогда понятно, почему все ее поступки выглядят нелогичными. Она и рыбака сначала убила, а потом, видимо, только сообразила, что надо тело как-то спрятать.

— Не факт. Может и здесь действовала спонтанно. Разбираться еще надо.

— А люди в машине не погибли?

— Нет. По словам Малышко, она только ранила мать, вырезала ей полголовы волос, и отца от пережитого ужаса и страха за детей случился сердечный приступ. Подробности я не знаю, сейчас направляюсь на трассу, где произошло задержание. Вы тоже туда подъезжайте.

Участковый продиктовал адрес и выключил телефон. Несколько минут ехал молча, осмысливая полученную со всех сторон информацию и периодически качая головой. Потом что-то вспомнил, остановил машину и полез в свою папку, в которой, как шутили его коллеги, есть абсолютно все, даже памперс. Его взгляд наткнулся на пакетик с белой кепкой, про которую он совершенно забыл в этой суматохе. Макарыч задумчиво посмотрел на него, повертел в руках, не зная, что делать с этой находкой. Никто из свидетелей не говорил, что у Надежды была покрыта голова. Кепка казалась инородным предметом, не имеющим отношения к происшествиям.

— Вот голова садовая! — раздраженно стукнул он себя по колену. — Совсем про эту находку забыл! Надо было отдать ее криминалистам, — пробормотал он минуту позже, — пусть они и разбираются, что к чему.

Петр Макарович сделал паузу, посмотрел в окно, размышляя, что дальше делать и как поступить и пришел к неожиданному выводу.

— А зачем давать людям лишнюю работу? Ясно же, что пустая улика, — он положил кепку на сиденье рядом, чтобы где-нибудь по дороге выкинуть ее в мусорный контейнер за ненадобностью, но тут же снова передумал и убрал головной убор с невыясненной историей в папку, — пусть немного полежит, выкинуть всегда успею.

Участковый повернул ключ зажигания и поехал к месту задержания Надежды, недовольный своими сомнениями и нерешительностью.

— Да! Неисповедимы пути твои, господи! — наконец воскликнул он и сосредоточился на дороге.

Сегамачо

Труповозка неторопливо ехала по шоссе, а Сегамачо на узике Котыча следовал за ней. Голова гудела, будто камертон, который чуть тронули палочкой, и он тоненько, но долго и нудно звенит. Мыслей не было. Пустота. Сердце едва стучало в груди. Все заостенело, замерло в душе, только руки слаженно выполняли привычную работу: руль влево, потом вправо, пальцы на коробке передач. Ноги спокойно стоят на полу: для них пока нет работы.

Вдруг скорая затормозила, медленно проехала еще с десятков метров и встала. Сегамачо посмотрел за дорогу и увидел впереди затор. Только сейчас он заметил, что трасса была перекрыта. «Неужели еще что-то случилось? Небеса на это участок земли весь свой гнев решили обрушить!? Ограбление, нападение, исчезновение, убийство, а теперь еще и авария? И все события за одни сутки произошли», — вяло подивился про себя Сегамачо, и совершенно не к месту в памяти всплыл древний анекдот с бородой, который он слышал лет тридцать назад.

Женщина лежит в постели с любовником. Вдруг раздается звонок в дверь. Она понимает, что пришел супруг. Перепуганная жена запирает любовника в шкаф и в порыве отчаяния восклицает:

— Господи, сделай так, чтобы муж не заметил.

Разверзаются небеса и Господь говорит:

— Хорошо, я сделаю так, как ты просишь, но ты умрешь от воды. Согласна?

— Да, — ответила женщина.

Проходит год, потом два года. Женщина не купается, не принимает ванну, по возможности любыми путями старается избегать воды. Однако ничего не происходит.

Через три года она неожиданно выигрывает путевку в морской круиз. Посомневалась-посомневалась и решила ехать. Отпуск провела с комфортом на роскошном лайнере. Пришло время возвращаться домой. В последнюю ночь начинается сильный шторм. Люди в панике. Корабль тонет.

Женщина стоит на палубе и, подняв руки к небу, опять восклицает:

— Господи! Ну, ладно я, грешница! Мое наказание справедливое. Но ты же не можешь из-за меня одной потопить весь корабль!

Разверзаются небеса и Господь говорит:

— Я вас, любителей блуда, три года на этот пароход собирал.

Сегамачо съехал на обочину и тоже остановился. Дальше двигаться было некуда. Он грустно покачал головой:

— Вот так и этот район, кажется, сильно перед богом провинился. Господь, видимо, нас всех собрал в одном месте и наказал каждого по-своему.

Он пошел вперед вдоль ряда остановившихся машин и, только когда приблизился к месту затора, понял, что это не авария. Сергей Иванович огляделся и с удивлением обнаружил знакомых оперативников, которые вместе с сотрудниками ДПС окружили большую черную машину.

«Интересно, а что они здесь делают?» — подумал он, а потом вдруг вспомнил, что Нестеренко отправил своих ребят в погоню за машиной с семьей, отдохавшей на лесной поляне.

— Догнали, значит. Далеко, однако, туристы успели уехать, — бормотал на ходу Сегамачо, пока не понимая, почему образовалась на дороге пробка.

Он подошел ближе. В нескольких шагах от него стоял молоденький оперативник, помощник Нестеренко. Сегамачо уже хотел его окликнуть, однако не успел: шустрый паренек метнулся в сторону и скрылся за черным автомобилем.

Сергей Иванович двинулся за ним, но сотрудник ДПС преградил ему дорогу.

— Гражданин, пожалуйста, вернитесь к своей машине, — обратился он к Сегамачо.

— Хорошо. А вы здесь надолго?

— Сколько нужно, столько и будем находиться, — отрезал инспектор и сердито нахмурил брови, — я несколько раз повторять не буду. Вернитесь к своему автомобилю.

— Слушай, друг, не сердись. Я сам из полиции, — Сегамачо вытащил из внутреннего кармана удостоверение личности, с которым никогда не расставался. Жизнь давно его научила, что красная книжица является пропускным билетом во многие места. Не раз она выручала Сегамачо в трудной ситуации.

Инспектор ДПС брать в руки удостоверение не стал, но внимательно его прочитал. Наконец взгляд полицейского смягчился. Наблюдавший за ним Сегамачо сразу воспользовался моментом.

— Вон в той машине, — он показал рукой в сторону труповозки, — находится мертвое тело. Его срочно надо в город доставить. Я сопровождающий, поэтому должен знать, сколько времени мы проведем на трассе.

— Что за тело? А, — вспомнил вдруг сотрудник ДПС, который был уже в курсе происходящих в их районе событий, — это труп убитого рыбака? Не знаю, что тебе, мужик, ответить. Дорогу закрыли из-за перехвата. Подожди пять минут. Сейчас пробку разгрести начнем, я твою машину первой пропущу.

Сегамачо кивнул и уже хотел уйти. Вдруг Малышко, неожиданно снова оказавшись рядом, повернулся на громкий голос и узнал Сегамачо.

— Сергей Иванович! — воскликнул он.

Лицо оперативника лучилось от удовольствия и гордости, но вид он имел комичный: волосы растрепались, красными ранетками пылали щеки, рубашка с одной стороны вылезла из брюк, а ее рукав висел на лоскутке ткани. Кобура табельного оружия была расстегнута. «Непорядок, — подумал добросовестный в плане работы Сегамачо, — надо сказать...», — но закончить мысль не успел: возбужденный Малышко перебил его.

— Сергей Иванович, а вы здесь какими судьбами!

— Я сопровождаю скорую помощь с телом Котыча, — как близкому приятелю обрадовался Сегамачо, — да вот пришел узнать, почему затор на дороге.

— Вы знакомы? — спросил инспектор, но увидев, как на его голос повернулись и другие оперативники и замахали Сегамачо руками, молча отступил в сторону.

— Ты чего сияешь, как медный таз? Здесь что-то случилось? — обратился Сергей Иванович к маленькому оперу?

— Случилось. Не то слово! Я с таким делом первый раз сталкиваюсь. Фантастика: чистая, а не преступление! Да вы сами посмотрите, — оперативник пропустил вперед Сегамачо.

Он не стал близко подходить к машине, а с высоты своего роста посмотрел поверх голов. Картина, которая предстала перед его глазами, заставила невольно вздрогнуть. Спина к автомобилю стояла миловидная женщина средних лет со странной прической.

Только когда она повернула голову, и Гусев пригляделся, он понял, что его смутило во внешности незнакомки: часть волос справа и на затылке была срезана каким-то острым предметом, причем, видимо, с кусочками кожи, потому что оставшиеся пряди были пропитаны кровью.

Сегамачо передернуло от омерзения и ужаса. Его широкие ладони мгновенно вспотели, и из глубины души возникло подспудное желание куда-нибудь убежать и спрятаться. Появилось неприятное чувство собственной беспомощности и бесполезности, вины, тревоги и всепоглощающего страха. Сергей Иванович приостановился и уже хотел повернуть обратно: лимит неприятностей и горя для него на сегодня закончился, но затем тяжело вздохнул, пытаясь подавить тошноту, поднимающуюся из голодного желудка, и подошел вплотную к группе полицейских.

— Господи, что здесь случилось? — любопытствовал он у Малышко, но тот ничего не ответил, захваченный картиной происходящего.

Сегамачо осмотрелся. Возле женщины суетилась пухлая блондинка в костюме скорой помощи и обрабатывала пострадавшей раны. Рядом с мамой, держа ее крепко за руку, шмыгала носом маленькая девочка с коричневой проплешиной на макушке. Ей недавно смазали йодом большую царапину на голове. Чуть поодаль на земле сидел окровавленный мальчишка, с лицом, залитым слезами. На руках он держал собаку. Дворняжка выглядела настолько ужасно, что посмотрев на нее один раз, сразу хотелось отвести глаза. Однако тоненькое попискивание давало знать, что псина еще жива. У кабины водителя тоже суетились медики. Они осторожно укладывали на носилки мужчину с мертвенно-белым лицом и синими губами. Его глаза были открыты, и в них читалось отчаяние. Постороннему наблюдателю и без слов было понятно, что с этим человеком и его семьей случилась большая беда.

— Какой ужас! Что произошло? — повторил Сегамачо свой вопрос внезапно осевшим голосом. — Вроде бы аварии не видно.

— Это не авария, — так же тихо ответил ему маленький опер, — это убийца вашего друга и здесь отметился.

— Кто? — не понял растерявшийся Сегамачо.

— Убийца.

— Правда?! — как-то вяло удивился Сергей Иванович и прислушался к тому, что творилось в его душе.

Внезапно он понял, что ничего не чувствовал. Совсем ничего. Пустота. Равнодушие. Отрешенность. Исчезла, куда-то испарилась та безумная ярость, когда хотелось крушить и ломать все на своем пути. Не чувствовал он и болезненного отчаяния, не дававшего сердцу биться ровно. Видимо, сказала бессонная ночь, а ведро адреналина, вылитое в кровь, измотало его до предела. Он ощущал себя резиновой оболочкой от детского шарика, откуда выпустили весь воздух. Наконец Сегамачо собрался с силами и выдавил из себя:

— А кто преступник? И где эта сволочь? Его уже увезли?

— Нет еще. Сергей Иванович, вы только успокойтесь, — перепугался оперативник и тут же пожалел, что сболтнул лишнего. Глаза паренька забегали по сторонам, желая найти кого-нибудь, кто мог удержать огромного Сегамачо от буйных действий.

— Я в порядке. Не бойся, крушить ничего не буду, — успокоил оперативника гигант, поняв его намерения и догадавшись, что напуганный Малышко больше ничего не станет рассказывать.

— Может, все-таки вернетесь в свою машину? Мне совсем не нравится, как вы выглядите, — со слабой надеждой проговорил Малышко, но по окаменевшему лицу Сегамачо понял, что его вопрос ушел в пустоту.

— Рассказывай! Хватить мямлить! — приказал Сегамачо.

Маленький опер тяжело вздохнул и стал телеграфным текстом выдавать информацию.

— Ну, преступник, вернее преступница. Это девушка. Она сидит в машине. Стекла тонированные, поэтому снаружи вы ее не видите, — Малышко указал пальцем на раскрытую дверь и далее увлекся и продолжил уже возбужденным шепотом, — представляете, она сумасшедшая. Так потерпевшая сказала. Мы даже скорую психиатрическую вызвали. Ждем. Кажется, именно эта девица совершила все преступления ночью.

Гиганту Гусеву пришлось низко наклониться, чтобы расслышать торопливые слова, которые Малышко порциями выплескивал ему в ухо. Он стоял так близко, что чувствовал слабый аромат туалетной воды, который смешался с запахом пота, темневшего под мышками оперативника.

— Не может быть! Девушка?

— Да. И совсем еще молодая. Та, которую местный участковый разыскивал. Мы ему позвонили, он как раз в тот момент заканчивал беседовать с ее бабкой, — пояснил Малышко.

— Ну и что Макарыч узнал?

— Оказывается, девушка на днях вышла из психиатрической больницы, — не повышая голоса, рассказывал Сергею Ивановичу Малышко, — причем ее, по словам бабушки, даже вылечили. А вот что послужило причиной срыва, еще предстоит разбираться. Представляете, вон та женщина, с обрезанными волосами, говорила, что среди ночи видела чьи-то глаза, заглядывавшие в машину. Получается, что преступница, блуждая в лесу, сначала к туристам заглянула, затем друга вашего убила, а потом снова к ним вернулась. В какой-то промежуток времени она еще и на дачу наведалась. Во, видишь, сколько бед натворила девка!

— Мне кажется, ты торопишься с выводами, — попытался остановить поток информации Сегамачо, — почему же туристы ее в машину посадили? Ехали с детьми, значит должны быть осторожными.

— Хозяйка машины, — Малышко показал на потерпевшую, — врач. Она увидела, что девушка ранена, и оказала помощь. Ну, а потом, как водится, уже не смогла ее бросить на произвол судьбы и предложила подвезти.

— Ранена? Куда ранена? В какое место? — пытался уточнить Сегамачо и почувствовал, как опять к горлу подкатила тошнота. Во рту сразу пересохло, дыхание стало частым и прерывистым. «Лишь бы не сорваться! — мелькнула мысль. — Надо продержаться! Надо, Сергей!» Он и не замечал, как раз за разом водил влажными ладонями по брюкам.

— Я не знаю, куда она ранена. Я ее еще не видел. В голове не укладывается. Люди пожалели бедную потеряшку, а она им сполна и отплатила за доброту, — Малышко от переполнявших его эмоций хохотнул, — чуть всю семью не перерезала.

От возбуждения маленький опер не мог спокойно стоять на ногах. Он постоянно перемещался: то заходил слева, то справа, то вдруг оказывался сзади. Короткие фразы вылетали из его рта вместе со слюной. Он мог начать предложение, а потом забыть, что хотел сказать. Сегамачо вынужден был все время поворачиваться в ту сторону, где в этот момент находился оперативник, чтобы не пропустить ни одного слова.

— Она что, просто так на них напала? — едва выдавил из себя новый вопрос Сегамачо.

— Да, вроде нет. Я не все хорошо расслышал, но женщина из машины говорила, что на попутчицу их собачка напала. Девушка просто защищалась. Эта дворняжка, — Малышко показал рукой на песика, лежащего на коленях у мальчика, — спровоцировала приступ большой активности. Так женщина-врач сказала. Девушке понравились волосы малышки, и она захотела их отрезать. Тогда мать предложила преступнице свои волосы, чтобы отвлечь внимание больной, а в это время муж мог доехать до населенного пункта и позвать на помощь.

— Ничего не понимаю. А нож где она взяла?

— Вот в этом-то и заковыка. Это не нож, а скальпель. Хозяйка сказала, что девушка обнаружила его в дверном кармане, но как он туда попал, мать и сама не знает. Она его точно туда не клала.

— Я не понимаю поведение мужа. Он-то почему не защищал семью?

— Да я и сам не знаю. Ну, он вроде сначала управление потерял, и машину на шоссе закрутило. А когда он с легковушкой справился, сердечный приступ от стресса начался, вот и пришлось хозяйке все решения принимать самой и даже жертвовать волосами. Она вообще мужественная женщина. Не дай бог оказаться в ее ситуации. В машине сидит сумасшедшая, которая ранит собаку. Девушка нацелилась на ребенка и хочет отрезать волосы у маленькой дочки, муж валяется в приступе, сын бьется в истерике. Кому первому помогать? Кого спасать? Ужас! Кстати, это пацан меня так уделал, — Малышко показал на свой оторванный рукав, — я помогал ему выйти из машины. Мы сначала девочку достали, потом кресло детское отстегнули, а когда хотели мальчишку вытащить, он и стал сопротивляться: вцепился одной рукой в меня и ни в какую. Тоже в шоке.

— А почему вы преступницу не арестовываете?

— Она же сумасшедшая. И нож в руках держит. Женщина-врач вызвала психиатрическую скорую, а мы начальство, вот их и ждем, — повторил он.

Сегамачо слушал оперативника в полуобморочном состоянии. Глазами он следил за происходящим, а мыслями был далеко. Мужчина немного подвинулся вперед, чтобы лучше рассмотреть преступницу, но, как ни вглядывался он в полумрак салона, ничего не видел. Нехорошее предчувствие зашевелилось в исстрадавшейся душе. Он всеми силами гнал его прочь, но понимал, что прав. Даже если сто раз скажешь белое, черное от слов белым не станет. Так и его сердце. Своим громким стуком с перебоями оно подсказывало Сегамачо, что его догадка ужасная, страшная, но правильная.

У сотрудника ДПС, стоявшего перед ним, неожиданно зазвонил телефон. От резкого звука Сегамачо вздрогнул. Он слышал, как, чертыхаясь, инспектор достал сотовый, нажал на сигнал приема. Из трубки понеслись такие отборные ругательства, что бедный парень невольно вытянулся по стойке смирно и стал быстро и отрывисто отвечать. «Начальник кипятится, — отрешенно подумал Сегамачо, — конечно, такую пробку устроили!» Он посмотрел вдоль дороги, где в обе стороны стояли колонны машин. Последние, ничего не понимая о причине задержки, начали истошно сигналить.

Голос в трубке не унимался. Тогда инспектор выбежал на дорогу и начал в спешке давать указания своим коллегам по нормализации движения.

Пространство перед машиной неожиданно расчистилось. Сергей Иванович осторожно приблизился к автомобилю и жестом попросил Малышко подвинуться. Ничего не подозревающий оперативник уступил ему место. Задерживать Сегамачо было некому: сотрудники ДПС занимались пробкой, Никита, оперативник из группы Нестеренко, задавал

вопросы пострадавшей женщине. Второй опер пытался поговорить с ее мужем, которого погрузили в скорую. Медики давно бы уже уехали, если бы не мальчик, который наотрез отказался выпустить из рук раненую собачку. Он будто не понимал, что врач хочет оказать бедному животному помощь. Только вмешательство матери позволило врачу осмотреть раны дворняжки и забинтовать их. Раскрытую дверь машины терпеливо сторожил один Малышко. Но преступница и не торопилась убежать. Она пряталась в тени салона.

Сегамачо наклонился. От увиденной картины его сначала бросило в жар, потом в холод. На пассажирском месте, в уголке, прижимаясь к окну, сидела та самая пьянчужка, которую они с другом встретили на свою беду в лесу. Она невозмутимо строгала палочку и не обращала внимания на людей. Даже не верилось, что это абсолютно спокойное создание в облаке мелкой стружки совершило столько преступлений.

Сегамачо выпрямился и, шатаясь, побрел прочь, подальше от задержанной машины. У него дрожало все тело: тряслись руки, губы, выбивали чечетку зубы. Ясность картинки куда-то пропала, вокруг двигались размытые силуэты людей. Мужчина спотыкался о каждый придорожный камень. Прошагав несколько метров, он тяжело опустился на обочину и положил лоб на согнутые колени. То, что его поведение покажется окружающим странным, Сегамачо совершенно не волновало. Да и не было вокруг свободных людей, кто мог бы оценить его поступки. Лишь Малышко удивленно посмотрел ему вслед, но ничего не сказал, наверное, просто подумал, что на мужчину вновь нахлынули воспоминания об убитом друге.

Сегамачо просто сидел. Мысли вяло шевелились в его голове. Из пустоты один за другим возникали вопросы. Они появлялись издалека, но, приближаясь, увеличивались до гигантских размеров, жалили воспаленный мозг мужчины и исчезали в никуда.

— Почему так произошло, Серега?

— Разве мог я, хороший человек, работник, семьянин, гражданин совершить настолько аморальный поступок?

— Что я теперь скажу Наташке?

— Как посмотрю в глаза односельчанам?

— Разве поймут люди, что я, сидя всего в нескольких десятках метров, ничего не слышал и видел?

«Все совершают ошибки, — сверлила последняя набежавшая, как волна на песок, мысль, — человек так устроен, что учится исключительно на своем горьком опыте. Невозможно заранее догадаться, какой промах будет фатальным и радикально изменит твою судьбу. Ведь если бы мы знали, чем закончится тот или иной наш поступок, возможно, не совершили бы его».

Но эти слова не успокаивали его, а все больше поднимали в душе смуту. Он догадывался, что именно его бессмысленный и безумный поступок мог стать тем рычагом, который запустил всю цепочку событий. Картина случившего этой ночью стала настолько ясной, как будто кто-то твердой рукой вывел его из тумана и показал:

— На, смотри, что ты наделал. Полюбуйся на творение своих рук, оцени его, насладись.

Девушка лечилась в больнице от психического заболевания. Всем известно, что в таких заведениях строго следят за передвижением больных. Свое избавление от надзора и неожиданную свободу девушка решила отпраздновать с друзьями на пляже. Не важно, что она была искательницей приключений и любила выпить: это еще не повод считать ее закоренелой преступницей. Конечно, судя по информации, которую представил Макарыч, она принимала таблетки. Ей нельзя было пить алкоголь, который мог подтолкнуть к

приступу агрессии. Но все закончилось бы благополучно, даже, несмотря на то, что дружки девушку напоили и воспользовались ее беспомощностью, а потом бросили в лесу. Она бы выпалась и вернулась к утру домой.

«И вот здесь, на ее пути встретились мы с Котычем», — застонал Сегамачо. Его лицо сморщилось, глаза покраснели, губы снова затряслись, но слез, которые могли бы принести небольшое облегчение, не было. Жестокие мысли жгли его изнутри, заставляли до скрежета сжимать зубы, чтобы подавить поднимающийся изнутри крик.

«Что же получается? Она прекрасно помнила, что я с ней сделал. Иначе, почему тогда она напала на Котыча. После того, как мы ее оставили у базы отдыха, она немного поспала. Потом в одиннадцать ночи побрела по дороге назад и вышла к дачам. Она не убийца. Она больной человек, который был голоден. Девушка забралась в домик только в поисках еды. Дед появился неожиданно. Свое нападение на него она не планировала. Почувствовав для себя угрозу, схватила первое, что попало под руку, и ударила, а потом убежала.

Дальше, думаю, она побрела в деревню, но в темноте вышла не на ту дорогу. Блуждая в лесу, она случайно обнаружила нашу поляну. Подошла к столу, поела, взяла в руки нож для защиты, не более. На нее этой ночью столько раз нападали: сначала дружки, хотя с ними, возможно, было все полюбовно, потом я, а под конец и дед неожиданно выскочил. Инстинкт самосохранения сработал, вот и взяла. Далее она заметила сидящего Котыча, подошла к нему сзади. Он, скорее всего, повернулся на шаги, увидел ее и ничего плохого не заподозрил. А она, наоборот, узнав в рыбаке одного из своих насильников, напала и ножом перерезала ему артерию. Вот так и погиб бесславно Котыч из-за чужой ошибки.

Сегамачо поднял голову и посмотрел по сторонам. На дороге активизировалось движение. Скорая с отцом семейства уже уехала. Собачку перевязали. Ее раненое тельце белело в нескольких местах бинтами. Мать что-то говорила сыну, возможно, пыталась убедить его оставить дворняжку, лежавшую уже на траве, и смыть кровь с лица и рук. Девочка давно перестала плакать и любопытными глазенками стреляла вокруг.

Оперативники столпились у дверей: нужно было доставать преступницу, но в руках у нее по-прежнему был хирургический инструмент, и никто не хотел испытать на себе его остроту. Мужчины тихо совещались. По их нахмуренным лицам, активным жестам и горячим репликам Сегамачо догадался, что они не могли решить: начать заниматься этим делом своими силами или же подождать начальство и психиатрическую скорую помощь, которая вот-вот должна была приехать.

Увидев, что ему машет шофер труповозки, Сегамачо медленно встал, с усилием выпрямил затекшие ноги и сделал несколько шагов к дороге.

В этот момент зрители оживились. В раскрытой двери автомобильного салона показалась сначала нога в грязном мокасине, затем край бордовой юбки и наконец появилась голова преступницы. Оперативники невольно замерли. Маленькая девочка охватила руками материнскую ногу и сморщила личико, готовая в любую минуту заплакать. Мальчик, который только пять минут назад положил раненую собачку на землю, вскрикнул и закрыл ее телом. Сегамачо подошел ближе и из-за спины Малышко наблюдал за происходящим.

Преступница встала у машины, не выпуская из рук палочку, от которой остался только маленький хвостик, и скальпель. Девушка подняла тяжелые веки и, прищуриваясь, как это делают люди, вышедшие из темного помещения на яркий свет, посмотрела на окружающих. Потом ее мутный взгляд пробежался по лицам, но нигде не задержался. Она вновь опустила

голову.

Люди перешептывались и разглядывали преступницу. В ее облике ничего не выдавало сумасшедшую. Приятное бледное лицо с нежным румянцем на щеках, темные волосы, собранные в небрежный хвост и закрепленные красной резинкой. Раненые руки в разводах крови, юбка покрытая бурыми пятнами, не вызывали отвращения. Глядя на несчастную девушку, люди, даже зная о ее преступлениях, испытывали к ней жалость.

Сегамачо устало опустил плечи и повернулся, чтобы пойти к своей машине, но неожиданно потерял ориентацию, споткнулся и чуть не упал. Малышко подхватил неуклюжего богатыря и удержал его за руку. Люди оглянулись на шум. Преступница тоже резко подняла голову и встретила взглядом с Сегамачо, который еще не успел выпрямиться, и в открывшемся просвете теперь был точно напротив нее. В то же мгновение он понял: узнала!

Ее лицо исказила гримаса. Верхняя губа поднялась, обнажив острые зубы. Пальцы левой руки захватили выточенную палку в кулак. Из него виднелся теперь только острый край импровизированного оружия. Девушка замахнулась, приготовившись нанести удар. Правая кисть крепко сжала скальпель и тоже подняла его на уровень груди. Поза преступницы изменилась. Все ее тело напряглось, сгруппировалось. Это была уже не скромная и незащитная девушка, а жестокая пантера, приготовившаяся к прыжку. Из распахнутого рта раздался звериный рык, который перерос в жуткий вой.

Перепуганные внезапной переменой люди шарахнулись в стороны.

Но уже через секунду яростный блеск в глазах девушки исчез, а страшный оскал сменился на широкую, светлую и немного смущенную улыбку. Тело расслабилось. Она как ни в чем ни бывало стала снова строгать свою палку.

— Ужас какой! — вскрикнул кто-то рядом с Сегамачо. — Первый раз такого монстра вижу.

— Моя бабка говорила, что в старину таких называли изуверами, — тихо вымолвил другой, — а еще она рассказывала, что в душе каждого человека до поры до времени дремлет такой монстр... Он может никогда и не проснуться. Но если его разбудят, то дел натворит таких, что мало не покажется.

«Изувер! Это я изувер! Я, сволочь, разбудил изувера в душе этой девчонки! — кричало сердце Сегамачо. — Нет мне прощения! Это я сломал несколько судеб! Это я своими руками убил лучшего друга!»

Отчаянье с такой силой охватило Гусева, что он подскочил к Малышко, который в это мгновение стоял рядом с ним, вырвал у него из кобуры пистолет и выстрелил ...

Больше книг на сайте — Knigoed.net